

ISSN 2410-0773

Socio Time

Социальное Время

Scientific journal

Научный журнал

№2(26)

2021

ISSN 2410-0773

SocioTime

Социальное время

2(26)
2021

Научный журнал

Издаётся с 2015 года
Выходит 4 раза в год

Главный редактор
В. П. Шалаев

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС77-59171 от 03.09.2014

Территория распространения: Российская Федерация, зарубежные страны

Учредитель и издатель: ФГБОУ ВО «Поволжский государственный технологический университет» (г. Йошкар-Ола)

Адрес учредителя и издателя: 424000, Йошкар-Ола, пл. Ленина, 3

Адрес редакции: 424000, Йошкар-Ола, пл. Ленина, 3, каб. 426.

Тел. 8(8362)686040, 8(8362)686800. E-mail: sociotime@volgatech.net

Журнал включён в Перечень рецензируемых научных изданий, публикующих основные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук и доктора наук (решение Президиума ВАК России при Министерстве образования и науки РФ от 23.03.2018) по следующим направлениям: 07.00.00 — исторические науки и археология; 22.00.00 — социологические науки; 09.00.00 — философские науки

Редактор русского текста *А. И. Богданов*
Компьютерная вёрстка *В. В. Хренков*

Подписано в печать 17.08.2021. Формат 70×100¹/₁₆. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 10,85. Тираж 500 экз. Заказ № 10849/14.
Дата выхода в свет: 06.09.2021. Цена свободная.

Поволжский государственный технологический университет. 424000, Йошкар-Ола, пл. Ленина, 3.
Отпечатано в ООО «Принтекс». 424002, Йошкар-Ола, бульвар Победы, 14, пом. III.

Перепечатка или воспроизведение материалов номера допускается только с письменного разрешения редколлегии.

© Поволжский государственный
технологический университет, 2021

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Шалаев Владимир Павлович, д-р филос. наук, проф. (Йошкар-Ола) — главный редактор
Дахин Андрей Васильевич, д-р филос. наук, проф. (Н. Новгород)
Ильин Владимир Иванович, д-р социол. наук, проф. (Санкт-Петербург)
Кутырёв Владимир Александрович, д-р филос. наук, проф. (Н. Новгород)
Лепский Владимир Евгеньевич, д-р психол. наук, проф. (Москва)
Полутин Сергей Викторович, д-р социол. наук, проф. (Саранск)
Тишкин Алексей Алексеевич, д-р ист. наук, проф. (Барнаул)
Шатунова Татьяна Михайловна, д-р филос. наук, проф. (Казань)
Хренков Вадим Владимирович, канд. филос. наук, доц. (Йошкар-Ола) — секретарь

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

• Члены редсовета в регионах России:

Аршинов Владимир Иванович, д-р филос. наук, проф. (Москва)
Астафьева Ольга Николаевна, д-р филос. наук, проф. (Москва)
Бекарев Адриан Михайлович, д-р филос. наук, проф. (Н. Новгород)
Беляев Владимир Александрович, д-р полит. наук, проф. (Казань)
Войцехович Вячеслав Эмерикович, д-р филос. наук, проф. (Тверь)
Гавров Сергей Назипович, д-р филос. наук, проф. (Москва)
Дадаева Татьяна Михайловна, д-р социол. наук, проф. (Саранск)
Дунец Александр Николаевич, д-р геогр. наук, проф. (Барнаул)
Еришов Андрей Николаевич, д-р социол. наук, проф. (Казань)
Ковалева Алла Владимировна, д-р социол. наук, проф. (Барнаул)
Косачев Константин Иосифович, канд. юрид. наук (Москва)
Максимова Светлана Геннадьевна, д-р социол. наук, проф. (Барнаул)
Малинецкий Георгий Геннадьевич, д-р физ.-мат. наук, проф. (Москва)
Матвеева Наталья Александровна, д-р социол. наук, проф. (Барнаул)
Набин Ринат Ахматгалеевич, д-р ист. наук, проф. (Казань)
Павлова Анжелика Николаевна, д-р ист. наук, доц. (Йошкар-Ола)
Пчелина Ольга Викторовна, д-р филос. наук, доц. (Йошкар-Ола)
Савчук Валерий Владимирович, д-р филос. наук, проф. (Санкт-Петербург)
Сергеев Сергей Алексеевич, д-р полит. наук, проф. (Казань)
Смолин Олег Николаевич, д-р филос. наук, проф. (Москва)
Солодухо Натан Моисеевич, д-р филос. наук, проф. (Казань)
Спирова Эльвира Маратовна, д-р филос. наук (Москва)
Сухова Мария Геннадьевна, д-р геогр. наук, проф. (Горно-Алтайск)
Черданцева Инна Владимировна, д-р филос. наук, доц. (Барнаул)
Чумаков Александр Николаевич, д-р филос. наук, проф. (Москва)
Шалаева Светлана Леонидовна, канд. филос. наук, доц. (Йошкар-Ола)
Шапкова Ярослава Юрьевна, д-р полит. наук, доц. (Барнаул)
Щелкунов Михаил Дмитриевич, д-р филос. наук, проф. (Казань)
Широкалова Галина Сергеевна, д-р социол. наук, проф. (Н. Новгород)

• Члены редсовета и представители журнала за рубежом:

Бабосов Евгений Михайлович, д-р филос. наук, проф. (Минск, Беларусь)
Билалов Бахадур Анвер оглы, канд. ист. наук, доц. (Баку, Азербайджан)
Ведлер Барбара, д-р, проф. (Миттвайда, Германия)
Водопьянов Павел Александрович, д-р филос. наук, проф. (Минск, Беларусь)
Зеленков Анатолий Изотович, д-р филос. наук, проф. (Минск, Беларусь)
Ибрагимов Айдын, д-р геогр. наук, проф. (Чанакалле, Турция)
Илчева Снежана, д-р психол. наук, проф. (София, Болгария)
Корабельева Соня, д-р психол. наук, проф. (София, Болгария)
Левушка Яна, д-р, проф. (Трнава, Словакия)
Муза Дмитрий Евгеньевич, д-р филос. наук, проф. (Донецк)
Перинчек Мехмет Бора, д-р ист. наук, проф. (Стамбул, Турция)
Проданов Васил, д-р филос. наук, проф. (София, Болгария)
Рамтун Рой, д-р, проф. (Афины, США)
Тарароев Яков Владимирович, д-р филос. наук, проф. (Харьков, Украина)
Тодорова Богдана, д-р филос. наук, проф. (София, Болгария)

ISSN 2410-0773

SocioTime

Социальное время

2(26)

2021

Scientific journal

Founded in 2015
Published 4 times a year

Editor-in-Chief
Vladimir P. Shalaev

The journal is registered in the Federal service for supervision of communications, information technology, and mass media (Roskomnadzor)

Registration certificate: ПИ № ФС77-59171 from 03.09.2014

Area of distribution: Russian Federation, foreign countries

Founder: FSBEI of HE «Volga State University of Technology» (Yoshkar-Ola)

Founder office: 424000, Yoshkar-Ola, 3 Lenin Square

Editorial office: 424000, Yoshkar-Ola, 3 Lenin Square, room 426.
Tel. 8(8362)686040, 8(8362)686800. E-mail: sociotime@volgatch.net

The scientific magazine is included in the List of the reviewed scientific editions publishing the main results of theses for a degree of the candidate of science and doctor of science (the decision of Presidium of VAK (Higher Attestation Commission) of Russia at the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, of 23.03.2018) in the following directions: 07.00.00 — historical sciences and archeology; 22.00.00 — sociological sciences; 09.00.00 — philosophical sciences.

Editor *A. I. Bogdanov*
Computer imposition *V. V. Khrenkov*

Signed in 17.08.2021. The format 70×100¹/₁₆. Offset paper.
Circulation 500 ind. Ordering № 10849/14.
Release date: 06.09.2021. Open price.

Volga State University of Technology. 424000, Yoshkar-Ola, 3, Lenin Square.
Printed from the original layout at LLC «Printecs». 424002, Yoshkar-Ola, room III, 14, Pobedy Boulevard.

Reprint or reproduction of material numbers is permitted
only with prior written permission of the editorial board

© Volga State University
of Technology, 2021

EDITORIAL BOARD

Shalaev V. P., Doctor of Philosophy (Yoshkar-Ola) — Editor-in-Chief
Dakhin A. V., Doctor of Philosophy (Nizhny Novgorod)
Ilyin V. I., Doctor of Sociology (St. Petersburg)
Kutyrev V. A., Doctor of Philosophy (Nizhny Novgorod)
Lepsky V. E., Doctor of Psychology (Moscow)
Polutin S. V., Doctor of Sociology (Saransk)
Tishkin A. A., Doctor of History (Barnaul)
Shatunova T. M., Doctor of Philosophy (Kazan)
Khrenkov V. V., Candidate of Philosophy (Yoshkar-Ola) — Secretary

EDITORIAL COUNCIL

• **Members of the editorial board in the regions of Russia:**

Arshinov V. I., Doctor of Philosophy (Moscow)
Astafeva O. N., Doctor of Philosophy (Moscow)
Bekarev A. M., Doctor of Philosophy (Nizhny Novgorod)
Belyaev V. A., Doctor of Politology (Kazan)
Voitsekhovitch V. E., Doctor of Philosophy (Tver)
Gavrov S. N., Doctor of Philosophy (Moscow)
Dadaeva T. M., Doctor of Sociology (Saransk)
Dunets A. N., Doctor of Geography (Barnaul)
Yershov A. N., Doctor of Sociology (Kazan)
Kovalyova A. V., Doctor of Sociology (Barnaul)
Kosachev K. I., Candidate of Philosophy (Moscow)
Maksimova S. G., Doctor of Sociology (Barnaul)
Malinetsky G. G., Doctor of Physical and Mathematical Sciences (Moscow)
Matveeva N. A., Doctor of Sociology (Barnaul)
Nabiyeu R. A., Doctor of History (Kazan)
Pavlova A. N., Doctor of History (Yoshkar-Ola)
Pchelina O. V., Doctor of Philosophy (Yoshkar-Ola)
Savchuk V. V., Doctor of Philosophy (St. Petersburg)
Sergeyev S. A., Doctor of Politology (Kazan)
Smolin O. N., Doctor of Philosophy (Moscow)
Solodukho N. M., Doctor of Philosophy (Kazan)
Spirova E. M., Doctor of Philosophy (Moscow)
Sukhova M. G., Doctor of Geography (Gorno-Altaysk)
Cherdantseva I. V., Doctor of Philosophy (Barnaul)
Chumakov A. N., Doctor of Philosophy (Moscow)
Shalaeva S. L., Candidate of Philosophy (Yoshkar-Ola)
Shashkova Y. Y., Doctor of Politology (Barnaul)
Shchelkunov M. D., Doctor of Philosophy (Kazan)
Shirokalova G. S., Doctor of Sociology (Nizhny Novgorod)

• **Members of the editorial board of the journal and representatives abroad:**

Babosov E. M., Doctor of Philosophy (Minsk, Belarus)
Bilalov B., Candidate of Philosophy (Baku, Azerbaijan)
Wedler B., Doctor, prof. (Mittweida, Germany)
Vodopianov P. A., Doctor of Philosophy (Minsk, Belarus)
Zelenkov A. I., Doctor of Philosophy (Minsk, Belarus)
Ibragimov A., Doctor of Geography (Chanakalle, Turkey)
Ilieva S., Doctor of Psychology (Sofia, Bulgaria)
Korabelyeva S., Doctor of Psychology (Sofia, Bulgaria)
Levická J., Doctor of Philosophy (Trnava, Slovakia)
Muza D. E., Doctor of Philosophy (Donetsk)
Perinchev M. B., Doctor of History (Istanbul, Turkey)
Prodanov V., Doctor of Philosophy (Sofia, Bulgaria)
Ramtun R., Doctor of Philosophy (Athens, USA)
Tararoev Y. V., Doctor of Philosophy (Kharkiv, Ukraine)
Todorova B., Doctor of Philosophy (Sofia, Bulgaria)

СОДЕРЖАНИЕ

Слово главного редактора	7
--------------------------------	---

ФИЛОСОФИЯ

Loiko A. I.

Intercultural component of German classical philosophy in Eastern Europe (Лойко А. И. Межкультурная компонента немецкой классической философии в Восточной Европе)	9
--	---

Семецкая И., Гавров С. Н.

Философия образования: ценности, эдусемиотика и межкультурный диалог	16
--	----

Шишкин А. Е.

Факторы энтропии коммунитаризма и его апологетика	36
---	----

СОЦИОЛОГИЯ

Волкович Н. С.

Предсвадебное знакомство чувашской молодёжи: традиции и трансформации	46
---	----

Дадаева Т. М.

Кто они — предприниматели сегодня? Или реальный vs идеальный образ современного предпринимателя (социологический анализ)	62
---	----

Кукушкина А. А., Айвазян О. О.

К вопросу о правовом воспитании в системе развития правовой культуры молодёжи в условиях социальной реальности: социологический анализ	76
---	----

ИСТОРИЯ

Грошева Л. И., Грошев И. Л., Грошева И. А.

Трансформация истории в транслировании фактов победы во Второй Мировой войне	91
---	----

Широкалова Г. С.

Малая / большая родина: как формируется историческая память	107
---	-----

Подготовка и порядок приёма рукописей	121
---	-----

CONTENTS

Column of the Editor-in-Chief	7
-------------------------------------	---

PHILOSOPHY

<i>Loiko A. I.</i> Intercultural component of German classical philosophy in Eastern Europe	9
<i>Semetskaya I., Gavrov S. N.</i> Philosophy of education: values, edusemiotics and intercultural dialogue	16
<i>Shishkin A. E.</i> Factors of entropy of communitarism and its apologetics	36

SOCIOLOGY

<i>Volkovich N. S.</i> Before wedding acquaintance of Chuvash youth: traditions and transformations	46
<i>Dadaeva T. M.</i> Who are they entrepreneurs today? Or the real vs ideal image of a contemporary entrepreneur (sociological analysis)	62
<i>Kukushkina A. A., Ayvazyan O. O.</i> On the issue of legal education in the system of legal culture development of young people in the conditions of social reality: a sociological analysis	76

HISTORY

<i>Grosheva L. I., Groshev I. L., Grosheva I. A.</i> Transformation of history in broadcasting the facts of victory in World War II	91
<i>Shirokalova G. S.</i> Small / big homeland: how historical memory is formed	107
 Preparation and procedure for acceptance of manuscripts	121

СЛОВО ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

В двадцать шестом номере журнала **SocioTime / Социальное время** (с 2018 года журнал входит в перечень ВАК рецензируемых журналов России по направлениям «Философия», «Социология», «История») представлены оригинальные научные материалы, подготовленные учёными и исследователями из России и Белоруссии. Материалы посвящены актуальным вопросам философского, социологического и исторического знания. В фокусе статей журнала — современные и исторические процессы развития человека и общества. Журнал **SocioTime** позиционирует себя как сетевое международное научное издание. Широкий круг редколлегии и международного редак-

ционного совета журнала, представлен исследователями из университетов и академических институтов, в том числе Российской академии наук из Йошкар-Олы, Казани, Нижнего Новгорода, Москвы, Санкт-Петербурга, Саранска, Твери, Барнаула, а также университетских центров зарубежных стран: Беларуси, Украины, Германии, США, Турции, Болгарии, Словакии, Азербайджана.

География участников журнала традиционно широка и носит общероссийский и международный характер. В 26-м номере научного журнала «**SocioTime / Социальное время**» представлено 8 научных работ авторов из вузовских и научных академических центров Москвы, Санкт-Петербурга, Нижнего Новгорода, Самары, Краснодара, Тюмени, Саранска, а также из Нью-Йорка (США) и Минска (Республика Беларусь).

В раздел «Философия» включены 3 научные работы. В статье *Лойко А. И.* (Белорусский национальный технический университет, Минск) исследуется прикладная философская тема межкультурной компоненты немецкой классической философии в Восточной Европе. В коллективной статье *Семецкой И.* (Колумбийский университет, США, Нью-Йорк) и *Гаврова С. Н.* (Финансовый университет при правительстве Российской Федерации, Москва) в рамках проблематики философии образования, с позиций эдусемиотики и межкультурного диалога исследуются феномен ценностей и их влияние на развитие молодых поколений в современном обществе. В статье *Шишкина А. Е.* (Казанский государственный институт культуры, Казань) в центр внимания помещена проблема факторов энтропии коммунитаризма и его апологетика в истории России.

В разделе «Социология» представлены 3 научные работы. В статье независимого исследователя *Волкович Н. С.* (Санкт-Петербург), в контексте традиций и их трансформации, предметному социологическому анализу подвергнут феномен предсвадебного знакомства чувашской молодёжи. В статье *Дадаевой Т. М.* (Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва, Саранск) на материалах регионального социологического исследования проанализирован реальный и идеальный образ современного предпринимателя. Авторы из Краснодара *Кукушкина А. А.*, *Айвазян О. О.* (Кубанский государственный университет физической культуры, спорта и туризма, Краснодар), на основе регионального социологического исследования подвергнута анализу проблема правового воспи-

тания российской молодёжи как фактора развития её правовой культуры, в условиях сложившейся социальной реальности.

Третий раздел номера «История» включает в себя две аналитические работы. В статье *Л. И. Грошевой, И. Л. Грошева* (Тюменское высшее военно-инженерное командное училище имени маршала инженерных войск А. И. Прошлякова, Тюмень) и *И. А. Грошева* (Филиал Автономной некоммерческой организации высшего образования «Институт деловой карьеры», Тюмень), проведён критический анализ трансформации истории в транслировании фактов победы во второй мировой войне. В статье *Г. С. Широкаловой* (Приволжский филиал ФНИСЦ РАН; Нижегородская государственная сельскохозяйственная академия; Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова (Нижний Новгород)) исследуется проблема формирования исторической памяти молодого поколения России в отношении малой и большой Родины.

Как мы видим, научная палитра номера предельно широка и актуальна: от насущных проблем актуального бытия немецкой классической философии и филомофии образования, до исторической памяти молодых поколений и социологии предпринимательства в современном российском обществе.

Редколлегия «SocioTime / Социальное время» приветствует исследовательские работы авторов из России и зарубежных стран, посвящённые творческому осмыслению актуальных процессов и проблем развития человека и общества в профиле основных разделов журнала. Отдавая дань уважения маститым авторам, особое внимание мы уделяем поддержке молодых исследователей, стремясь сохранить и развить научный диалог поколений, представляющих различные пространственно-временные континуумы развития современной философии, социологии и истории, в области актуальных проблем рационального понимания современной цивилизации и культуры, человека и общества.

Уважаемые коллеги, мы будем рады оказать вам содействие в проявленности ваших исследований и их результатов. Наша журнальная площадка открыта для творческих обсуждений и дискуссий. Журнал «SocioTime / Социальное время» — это, несомненно, ваше социальное время, в нашем едином социальном пространстве, здесь и сейчас!

Адрес редакции: 424000, Йошкар-Ола, пл. Ленина 3, Поволжский государственный технологический университет, факультет социальных технологий, каб. 426, 430а. E-mail: sociotime@volgatech.net, ksnt@volgatech.net. Тел. редакции: 8-8362-686800, 686840.

С требованиями к оформлению статей, правилами их публикации, а также антологией выпусков можно ознакомиться на сайте нашего журнала (<https://www.volgatech.net/sociotime/>) и в системе Elibrary.

Редколлегия желает вам оптимизма, неустанных творческих исканий и успехов на путях научного познания и нашего совместного труда по обретению опыта в деле совершенствования человека и общества, в единой истории и культуре.

UDC 171

DOI: 10.25686/2410-0773.2021.2.9

INTERCULTURAL COMPONENT OF GERMAN CLASSICAL PHILOSOPHY IN EASTERN EUROPE

A. I. Loiko

Belarusian National Technical University, Minsk (Belarus)

Introduction. The article is devoted to the insufficiently studied intercultural phenomenon of German classical philosophy in the territories of East Prussia, the Commonwealth and the western part of the Russian Empire in conjunction with the Haskala.

Methods. The research uses the historical method and the method of philosophical comparative studies.

Results. As a conceptual basis for the study, a model of intellectual intercultural communication typical for the European region was used. This made it possible to attract to the study previously unconsidered material about intellectual contacts in Eastern Europe through a multicultural environment.

Conclusion. The role of the multicultural environment in giving the German classical philosophy a regional intellectual format of classical Kantianism and neo-Kantianism is revealed.

Keywords: German classical philosophy, East Prussia, Kant, multicultural environment, Haskala, Maimon, Eastern Europe, philosophical comparative studies, neo-Kantianism.

Introduction. The article is devoted to the insufficiently studied intercultural phenomenon of German classical philosophy in the territories of East Prussia, the Commonwealth and the western part of the Russian Empire in conjunction with the Haskala. It is important to explore the role of Jewish communities in creating the preconditions for the Haskalah within the Russian Empire. It is also advisable to take into account the geographical proximity of Eastern European universities in Königsberg (present-day Kaliningrad), Vilnius, and Krakow. The research focuses on the philosophical work of S. Maimon. For a long time, the surname of S. Maimon was present in the subject research field of this era, but it did not emphasize the concept of Haskala [3]. After the collapse of the USSR, within the framework of the modernization of the national intellectual traditions of the states of Eastern Europe and the influence of the philosophy of multiculturalism, the work of S. Maimon began to be studied in the context of its significance for Belarusian culture, since he was born on the territory of the country. Within the framework of this research paradigm, A. I. Barkhatkov carried out a detailed analysis of the main stages of the formation of S. Maimon as a thinker. The subject of consideration was S. Maimon's criticism of the teachings of I. Kant about space and time, the thing-in-itself, the theory of analytical judgments [2]. With a foreword by A. I. Barkhatkov, an autobiography of S. Maimon was published in Belarusian [1]. The publication is based on the translation of the autobiography from the German language by M. Potocki.

The Russian Federation is studying the philosophical heritage of S. Maimon. The publication of his works is carried out in Russian. An autobiography was published [7]. A. B. Patkul [6]. The platform for reflecting the results of studying the work of S. Maimon was the "Kantian collection". Kaliningrad University continues to be one of the centers for the study of the philosophical heritage of the German thinker. There is a tendency to consider the work of S. Maimon in a broader perspective of his influence on the topics of modern philosophy and cognitive sciences. This can be seen from one of the works of K. V. Loschevsky [5].

The thesis about the role of S. Maimon in the creation of the paradigm of the Kantian intellectual tradition in the field of categorical structures of thinking with an emphasis on the functions of language and formal symbolism is formulated for consideration. As a result, the humanities received a methodological basis for institutionalization through the mechanism of demarcation of the being and other being of nature. It is important to show the role of S. Maimon in the formation of the tradition of neo-Kantianism in Europe through G. Fichte, since S. Maimon was part of the active dialogue of the intellectuals of the Russian Empire with the ideological heritage of the philosophy of I. Kant. This dialogue was expressed in the teaching activities of the professors of the Vilnius University, among whom were immigrants from the territory of the Russian Empire. Kantianism at the turn of the XIX — XX centuries was transformed thanks to the Nevelskoy circle and the Vitebsk period in the activities of M. Kagan and M. Bakhtin into an original direction of modern philosophy, focused on the theme of culture. The renaissance of I. Kant's philosophy was motivated by the growing threat of nihilism. In such conditions, it was important to preserve the value themes of culture and dialogue. This emphasis remains relevant at the beginning of the 21st century.

Methods. The research uses the historical method and the method of philosophical comparative studies.

Results. The model of intellectual intercultural communication, typical for the European region, including its eastern sector, was used as a conceptual basis for the study. This made it possible to draw into consideration previously unconsidered material about intellectual contacts in Eastern Europe through a multicultural environment. Attention to the role of this environment in intellectual contacts was created by the work of S. Maimon and his intercultural mission in the Eastern European region. Behind the biography of the thinker, there is a little-studied phenomenon of the Haskala, the origins of which were historically created by the resettlement of Jewish communities to Europe, in particular, to the territory of East Prussia and the Commonwealth. Haskala is a movement of the Jewish intelligentsia, consonant with the main ideas of the Enlightenment. It began in the 18th century.

Why did representatives of Jewish communities become one of the elements of intercultural intellectual communication in Eastern Europe? S. Maimon was only one of the participants in this intercultural dialogue, but a participant who gained fame, thanks to the dialogue with I. Kant. The research hypothesis contains the thesis that S. Maimon created the basis for the presence of I. Kant in the discourse of Russian philosophy. This intellectual mission was facilitated by the fact that geographically Belarus, which was part of the state formations of the Commonwealth and the Russian Empire, and then the

USSR, until 1945, bordered on the territory of East Prussia, where from 1544 the University of Königsberg functioned. It was in this city that I. Kant lived and worked. The multicultural factor of intensive intellectual contacts within Eastern Europe created the permission of the state authorities of the Grand Duchy of Lithuania to resettle the Jewish communities from Prussia, who suffered oppression there, to the state.

In a relatively short time, Jewish diaspora appeared in the cities of Lithuania, Poland and Belarus, which began to form the bulk of the population of urban settlements. Their cultural life included the education system. Local Jewish communities maintained active contacts with the Jewish communities of Prussia. This was facilitated by the Yiddish language practice, formed on the basis of the influence of the German language. Jewish communities have created conditions for education and cultural development within the European tradition of the intellectual space. By the 17th century, a movement arose in the space of the Jewish communities of Belarus that was consonant with the European Enlightenment. Such cities as Shklov played an important role in this movement. The role of this city in Eastern Europe was determined by the fact that from 1772 it was within the boundaries of the Russian Empire. It became the center for the spread of the Haskala within the Russian Empire.

Two traditions continued to coexist in the city - the old and the new Jewish intellectual traditions. The old tradition was represented by the followers of Eliyahu ben Shlomo Zalman. The merchant and tax farmer from Shklov I. Zeitlin became the patron of the Haskala movement in the region. He opened a home academy on his own estate Ustye near Cherikov. Conditions were created for supporters from among the Jewish communities to popularize modern European science. Baruch ben Yaakov Shik was actively involved in this activity. Borukh received his primary rabbinic education from his father, a former rabbi of Shklov. The desire for knowledge prompted him to travel to England with the aim of obtaining medical education. During his stay in Berlin, he met the founder of the Haskala movement, M. Mendelssohn. He received support in the field of educational publishing activities, which he intended to do. He published manuscripts on medicine and astronomy. Despite striving for the Enlightenment, he remained an Orthodox Jew. The duality of his worldview affected his publications. His books did not contain descriptions of discoveries relevant to European science, in particular, the system of N. Copernicus was not considered. This flaw was noted by the critics of the publications.

A more radical position within the Haskala was developed by S. Maimon (Hayman). He overcame orthodox limitations through an incredible pursuit of knowledge. He became Maimon under the influence of the philosophy of the medieval thinker Maimonides. S. Maimon began his studies at the age of six with the book of Genesis then the Talmud followed. This was followed by studies in Mir. The educational process did not make the best impression on him. Studying at the Ivenets yeshiva was successful. By the age of eleven, S. Maimon had a reputation as an outstanding Talmudist. He had his own family. He was a rabbi. But he wanted to have versatile knowledge. For this, it was necessary to study the languages that gave access to scientific publications. Within Belarus, S. Maimon found a rabbi, a native of Prussia, who had books in German. The more S. Maimon was engaged in self-education, the more the need to achieve direct access to the intellectual resources of European scholarship grew in him. He came to a difficult deci-

sion in his life. This decision involved breaking with his family. Without warning, he left the Commonwealth, explaining this by the fact that an atmosphere incompatible with the values of the Enlightenment reigned in this state. S. Maimon arrived in Königsberg. Here, representatives of the local Jewish community recommended that he go to Berlin. The trip took five weeks. He arrived in Berlin without money and without hope for support from the local Jewish community. He was betrayed by his dialect, which aroused ridicule. His personal behavior was not exemplary. As a result, he was expelled from Berlin.

Soon S. Maimon returned to Berlin. The return was successful. He enlisted the support of M. Mendelssohn. But it was not enough because of the conflicting behavior of S. Maimon himself. He leaves Berlin for the Netherlands. In Amsterdam, his behavior was not the best due to drunkenness. He left the Netherlands and ended up in Hamburg. He studied at the local gymnasium in 1783-1785. After returning to Berlin, he began to analyze the fundamental works of I. Kant. As a result, he wrote a work on transcendental philosophy [10]. In it, he demonstrated a high skill of analytical examination of the text. He presented the results of this analysis to I. Kant. I. Kant spoke positively about the work of S. Maimon and sent him a letter [11. p. 211-212]. Subsequent correspondence did not take place. The philosopher from Königsberg did not want to discuss his own work anymore. But S. Maimon was already in a state of intellectual dialogue with I. Kant and in the subject field of the Kantian tradition. He was not going to leave this paradigm. S. Maimon managed to outline the perspective of the evolution of the Kantian intellectual tradition, which required a constant influx of intellectual participants. The work of G. Fichte was a confirmation of this methodological ability to create the context of a research search.

S. Maimon gave relevance to the Kantian tradition based on the philosophy of dialogue, which was still characteristic of Plato. Aristotelianism in the work of S. Maimon manifested itself in his interest in categorical structures of thinking. S. Maimon was well acquainted with the philosophical works of B. Spinoza, D. Hume and G. Leibniz. He saw his task in creating an integrated philosophical theory on the basis of already created philosophical systems. In it, the Kantian tradition retained its position thanks to modifications and interpretations concerning the concept of "things-in-themselves", an object of cognition an act. S. Maimon dedicated a special work "On symbolic knowledge and philosophical language" substantiating the thesis that philosophy is the science of the structure of language [9]. This is an important groundwork for the formation of two directions of neo-Kantian philosophy in the XIX century.

S. Maimon, despite his complex nature, lack of university education, became part of the philosophical tradition of Germany and Eastern Europe. He was admired by G. Fichte. The influence of S. Maimon is found in the works of Hegel. There was a period when his philosophy was forgotten. Interest in her was revived in the 19th century thanks to I. Erdman. H. Feichinger, E. Cassirer, H. Bergman, G. Cohen, T. Adorno addressed the philosophy of S. Maimon [8. p.49], F. Rosenzweig, H. Arendt, M. Frank.

Halaxi became an important phenomenon in the intellectual space of Europe, creating a stable tradition of the influence of the philosophy of I. Kant on the intellectuals of the Russian Empire. Kantianism thought of I.G. Abicht. He taught in Vilnius at the be-

ginning of the 19th century. He had a fairly high status of a researcher and a post of professor at the University of Erlangen. The Berlin Academy of Sciences highly appreciated his work «The Progress of Metaphysics from Leibniz to Wolf». Under the influence of I. G. Abikht supporters of the philosophy of I. Kant were K. Shirma, L. Rozvadovsky, J. Bobrovsky and M. Massonius. Kantianism was adhered to by Yu.U. Bykhovets, who, while studying at the University of Königsberg, listened to I. Kant's lectures. Under the influence of the philosophy of the German philosopher, the views of a native of Belarus, professor of philosophy A. Dovgird were formed [4]. He argued with the German philosopher based on the theology and sensationalism of Locke, the Scottish school. He carried out a thorough analysis of I. Kant's Critique of Pure Reason. The subject of consideration is transcendental analytics, transcendental dialectics and transcendental aesthetics.

At the end of the 19th century, the Kantian intellectual tradition acquired the sound of a humanitarian orientation within the Russian Empire. The role was played by the value problems of culture actualized by G. Cohen, E. Cassirer and P. G. Natorp. Their lectures in the period from 1910 to 1914 were listened to by M. I. Kagan, whose activities were closely associated with the Nevelskoy intellectual circle. The members of this circle were in the center of attention of the mayor of Vitebsk P. Medvedev. He played a significant role in the cultural life of Vitebsk, including in the organization of the education system. P. Medvedev invited M. Kagan, L. Pumpyansky, I. Sollertinsky, V. Voloshinov and M. Bakhtin to teach in Vitebsk. They represented the Nevelskoy circle, focused on the cultural themes of neo-Kantianism. The question of the influence of neo-Kantianism on M. Bakhtin is quite interesting. We can assume that the model of dialogue, which S. Maimon used when presenting his intellectual discussion with I. Kant, became part of the Kantian tradition, which manifested itself in the work of M. Buber. The model of dialogue has always been present in European culture. She attracted the attention of M. Bakhtin in the context of his studies on European medieval folk culture. He identified the main forms of dialogue of this culture, which were the main mechanism for opposing the monologue of the dominant culture. In the era of dialogue, representatives of humanism used it. The object of their consideration was the everyday life of the bearers of the dominant culture. François Rabelais became the image of dialogue.

S. Maimon wanted to create a dialogue critical tradition based on Kantian philosophy. Judging by the works of M. Bakhtin, he succeeded. The subtlety of this conclusion lies in the fact that we mean not so much the thesis that M. Bakhtin was a neo-Kantian, but the thesis that the genre of analysis of I. Kant's works used by S. Maimon in the form of separate commentaries on being and social reality created the construction of an intellectual dialogue. M. Bakhtin expanded this methodology to the level of folk culture and literary text. He found elements of dialogue in the main subsystems of European culture. As a result, he discovered the universal status of the value foundations of culture and an obvious connection between the universals of culture and the categories of philosophy.

Conclusion. S. Maimon became the spokesman for the Haskala, focused on mastering the intellectual tradition of the New European culture. He not only reached the level of this culture, but also created a mechanism for its continuity in Eastern Europe, which was confirmed in the intellectual activity of the neo-Kantians of the Nevelskoy circle and

expressed in the phenomenon of M. Bakhtin. The intellectual transboundary infrastructure of the Haskala of the 19th century and the beginning of the 20th century, created by the residency qualification, played a role in the formation of a unique contact zone in the Vitebsk region. The representatives of Jewish youth, who have retained a close connection with the educational space of European universities, ensured the presence of the Russian philosophical tradition in the European space of the intellectual tradition. The territory of Belarus became a meeting place for the original Russian philosophers of the Silver Age culture with a new modification of the philosophy of I. Kant. Among these philosophers was M. Bakhtin.

References

1. Avtobiografia/ Salomon Maiman; peraclad z njmeckaj movy M. Patockaga. — Minsk: Ecanompres, 2018 —224 p.
2. Barchatkov, A. I. Critica S. Maimonom teoryi analiticheskich suzdenij I. Kanta / Kantovskij sbornik 2013. V.33. pp.7-15.
3. Biralo, A. A. Filosofskij problem v nauke epochi Prosvechenij v Belorussii i Litve. —Minsk: Izdatelstvo BGU, 1979 —158 p.
4. Dorochevich, E. K. Aniol Dovgird myslitel epochi Prosvechenij. —Minsk: Nauka i tehnika, 1967 —253 p.
5. Lochevskij, K. V. Jzyk i formirovanij subjectivnosti: versij Solomona Maimona / Vesnik Russkoj christianskoj humanitarnej akademii. 2019. V.20. pp.13-19.
6. Patkul, A. B. (2018) On Recent Russian Translations of Salomon Maimons Works / Kantian Jomal, 37(2). pp.96-100.
7. Solomon Maimon. Autobiografia. — M.: Knizniki, 2016 — 348p.
8. Adorno, T. Kant's Critique of Pure Reason. — Stanford, 2001
9. Lachterman, D. Mathematical Construction, Symbolic Cognition and the Infinite Intellect: Reflections on Maimon and Maimonides // Journal of the History of Philosophy. — 1992. — V.30. — P. 497-522.
10. Maimon, S. Essay on Transcendental Philosophy. — London: Continuum, 2010. V.1. — 352p.
11. Philosophical Correspondence, 1759—1799. — Cambridge: Cambridge University Press, 1999.

Author's Bio

LOIKO Alexander Ivanovich, Doctor of Philosophy, Head of the Department of Philosophy of the Belarusian National Technical University, Minsk, Belarus. E-mail: loiko@bntu.by.

УДК 171

DOI: 10.25686/2410-0773.2021.2.9

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОМПОНЕНТА НЕМЕЦКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ

А. И. Лойко

Белорусский национальный технический университет, Минск (Беларусь)

Введение. Статья посвящена недостаточно изученному межкультурному феномену немецкой классической философии на территориях Восточной Пруссии, Речи Посполитой и западной части Российской империи в сопряжении его с Хаскалой.

Методы. В исследовании используются исторический метод и метод философской компаративистики.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. В качестве концептуальной основы исследования использована, характерная для европейского региона, модель интеллектуальной межкультурной коммуникации. Это позволило привлечь к исследованию ранее не рассматривавшийся материал об интеллектуальных контактах в Восточной Европе через посредство мультикультурной среды.

Заключение. Выявлена роль мультикультурной среды в придании немецкой классической философии регионального интеллектуального формата классического кантианства и неокантианства.

Ключевые слова: немецкая классическая философия, Восточная Пруссия, Кант, мультикультурная среда, Хаскала, Маймон, Восточная Европа, философская компаративистика, неокантианство.

Список литературы

1. Аўтабіяграфія / Саламон Майман; пераклад з нямецкай мовы М. Патоцкага. — Мінск: Эканомпрэс, 2018. — 224 с.
2. Бархатков, А. И. Критика С. Маймоном теории аналитических суждений И. Канта / Кантовский сборник. 2013. Т.33. С. 7-15.
3. Бирало, А. А. Философские проблемы в науке эпохи Просвещения в Белоруссии и Литве. — Минск: Издательство БГУ, 1979 —158 с.
4. Дорошевич, Э. К. Аниол Довгирд мыслитель эпохи Просвещения. — Минск: Наука и техника, 1967 — 253 с.
5. Лощевский, К. В. Язык и формирование субъективности: версия Соломона Маймона / Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2019. Т.20. Вып.2. С. 13-19.
6. Паткуль, А. Б. О недавних русских переводах работ Соломона Маймона / Кантовский сборник. 2018. Т.37. № 2. С. 96-100.
7. Соломон Маймон. Автобиография. — М.: Книжники, 2016 —348 с.
8. Adorno, T. Kant's Critique of Pure Reason. — Stanford, 2001
9. Lachterman, D. Mathematical Construction, Symbolic Cognition and the Infinite Intellect: Reflections on Maimon and Maimonides // Journal of the History of Philosophy. — 1992. — V.30. — P. 497-522.
10. Maimon, S. Essay on Transcendental Philosophy. — London: Continuum, 2010. V.1.— 352p.
11. Philosophical Correspondence, 1759—1799. — Cambridge: Cambridge University Press, 1999.

Авторская справка

ЛОЙКО Александр Иванович, доктор философских наук, заведующий кафедрой философских учений, Белорусский национальный технический университет. E-mail: loiko@bntu.by.

Библиографическая ссылка

Лойко А. И. Межкультурная компонента немецкой классической философии в Восточной Европе // SocioTime / Социальное время. — 2021. — № 2 (26). — С. 9-15. — DOI: 10.25686/2410-0773.2021.2.9

УДК 124.5 + 37.014

DOI: 10.25686/2410-0773.2021.2.16

ФИЛОСОФИЯ ОБРАЗОВАНИЯ: ЦЕННОСТИ, ЭДУСЕМИОТИКА И МЕЖКУЛЬТУРНЫЙ ДИАЛОГ

И. Семяцкая¹, С. Н. Гавров²

¹Колумбийский университет, Нью-Йорк (США)

²Финансовый университет при правительстве РФ, Москва (Россия)

Введение. Настоящая статья призвана исследовать некоторые признаки, составляющие систему образования в России, на фоне проблематики исторически сложившейся в Америке «погони за счастьем», американской материалистической мечтой. В то время как формальное образование на Западе явно сосредотачивается на академических дисциплинах, в России всегда существовал элемент «воспитания» как признак ценностного измерения, вливающего, иногда неявно, как на формальное, так и на неформальное [или культурно обусловленное] образование. Структурно работа состоит из 6 частей, что обусловлено целями исследования. Введение, семиосфера и диалог, социализация как неформальное образование, в поисках счастья, обращение вспять процесса секуляризации, ценностное образование, заключение.

Методы. В статье используется сочетание методов философской аналогии и сравнения. В качестве основного метода исследования авторы используют семиотический анализ, обращаясь также к компаративной методологии при анализе особенностей, сходного и различного в российской и американской системе образования, ценностей и картины мира.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. Статья призвана продемонстрировать повсеместное распространение и важность эдусемиотической концепции ценностного образования, несводимого к внушению, но ориентированного на самообразование, встроенного в человеческий опыт, осуществляемое на его основе. Эдусемиотическая проблематизирует цели образования и фокусируется на обучении с акцентом на опыте, на диалоге, координации, поисках смыслов и передаче ценностей новым поколениям. Ценности транслируются системой образования, подвергаясь при этом некоторому осовремениванию [вновь понимаемые и трактуемые в духе времени]. Ценности «обитают» в жизненном опыте, а эдусемиотика превосходит образование, сведённое к обучению, эмпирическим фактам, тому, на чём построена западная по своему происхождению позитивистская наука.

В статье также критически рассматривается образование как социализация через социальные сети и подтверждается ценность духовного образования в отличие от устойчивой секуляризации. Духовное, нравственное образование, воспитание ценностной основы воспроизводства общества и отдельного человека позитивны — они соответствуют исторически сложившейся в России системе образования и воспитания личности. Такой ценностно-ориентированный подход имеет ряд преимуществ перед секулярно изменённой в последние столетия системой западного образования, позитивистского взгляда на мир. Позитивистский взгляд недостаточен для понимания мира в его многообразии, не включает ценностного измерения, ведёт к редукции и позитивистским секулярным схемам. Россия в этом смысле смогла сохранить ценностное измерение образования и не только образовывает, но и воспитывает новые поколения. Однако и она испытывает вызов со стороны неформальных средств социализации, неформальных коммуникаций социальных сетей и чуть более формально структурированных посредством СМИ рекламы и PR, подвергается воздействию массовой, коммерчески ориентированной культуры.

Заключение. Авторы акцентируют внимание на основном смысловом послылье статьи: воспитание является неотъемлемой частью образования, отрицание этого — ошибка, которую стоит исправить. Секуляризация общества, культуры и сферы образования была, возможно, уместна в начале пути, при переходе от Средневековья к Новому времени. Но остановиться на этом пути стоило уже после достижения первых результатов — это не тот успех, который следовало развивать. Сегодня процесс секуляризации зашёл слишком далеко и требует десекуляризации в целях достижения гармонического

равновесия между верой и разумом, между образованием и воспитанием, исторически имеющим религиозные корни.

Ключевые слова: философия образования, культура, диалог, новые медиа, семиосфера, социализация, секуляризация, десекуляризация, ценности, духовное образование, семиосфера, эдусемиотика.

Введение. Семиосфера и диалог.

В качестве основного метода исследования авторы используют семиотический анализ, обращаясь также к компаративной методологии при анализе особенностей, сходного и различного в российской и американской системе образования, ценностей и картины мира. Согласно Федеральному закону «Об образовании» от 29 декабря 2012 г., образование в России определяется как обучение и «воспитание» — одновременно отвечающее корыстным интересам и интересам общества и государства в целом. Оставляя в стороне озабоченность по поводу того, что личные интересы могут часто вступать в противоречие с интересами общества, мы хотели бы отметить, что это было ещё в 1996 году, когда процесс «воспитания», посвящённый человеческому развитию как функции. В российской системе образования особое внимание исторически уделялось непрерывному воспитанию ценностей. Но то, что ещё вчера получалось делать хорошо, сегодня становится проблематичным, вызывает озабоченность у нас, теоретиков образования. Эта область образования, которая рассматривает ценности как составляющие того, что в древности называлось хорошей жизнью, неотделимой от добродетелей (*arete*). Последние мы понимаем как определённые качества, характеризующие образ жизни, направленный на достижение самореализации и счастья (*eudaimonia*), рассматриваемые нами как наиболее значимая цель образования. Мы разделяем стремление древних греков к тому, чтобы образование стало способом жизни, а ученик — осмысленно участвующим в процессе, как самообразования, так и взаимоотношений с другими на основе изученных наук, и жизненного опыта.

Эта статья призвана продемонстрировать повсеместное распространение и важность концепции обучения ценностям с эдусемиотической точки зрения. Культурные ценности пронизывают то, что известный русский семиотик московско-тартуской школы Юрий Лотман назвал «семиосферой». Лотман [1990, 2009] описал семиосферу в терминах абстрактного пространства (или множества пространств, каждое со своим языком и культурными текстами), которое можно рассматривать по аналогии биосферы органической жизни. Он определил семиосферу как особое «синхроническое пространство, которое заполняет границы культуры, без которого отдельные семиотические системы не могут функционировать или возникать» [1990, с. 3]. Существует граница между системой знаков внутри семиосферы и окружающим внесемиотическим пространством. Функция границы, или пограничной линии, состоит в том, чтобы отделить «я» от другого, один культурный текст от другого, один набор ценностей от другого. Однако в конечном итоге несоизмеримости нет, потому что граница одновременно является семиотическим мостом как совокупностью переводимых «фильтров», которые функционируют как прерогатива подлинного диалога. Действительно, исследование условий для установления диалогической связи между тем, что может показаться парой бинарных противоположностей (например, я против другого или организм против окру-

жающей среды), является частью текущих исследований в области педагогической теории и философии образования (например, Semetsky 2012b) как специфически эдусемиотическое исследование, в котором знак — реляционная сущность, которая служит несводимой единицей, описывающей систему.

Знаки всегда вовлечены в отношения, участвуя во взаимозависимой динамике, а не оставаясь статическими, стабильными субстанциями, независимыми друг от друга. Как изучение знаков, семиотика считает упор на условия истинности редуктивным, но сосредотачивается на значении знаков и коммуникации в рамках жизненного опыта. Если «образование ... тождественно жизнедеятельности, которая является плодотворной и по своей сути значимой, единственная конечная ценность, которая может быть установлена, — это просто сам процесс жизни» [Dewey 1924 [1916], с.248]. Педагогика в духе эдусемиотики не сводится к обучению «истинным» фактам, а направлена на обогащение опыта значениями и ценностями: таким образом подразумевается ценностное измерение. Это школьная и образовательная оценка во всём мире. Весь опыт культуры заполняет семиосферу как диалогическую и потенциально интерпретирующую структуру, которая всегда уже «опосредована и поддерживается знаками» [Deely 1990, с.5].

В Европе с 80-х годов прошлого века особое внимание уделялось управлению разнообразием и укреплению демократии (в Европе и за её пределами), что привело к созданию особого дискурса о межкультурном диалоге, который был принят ООН, ЮНЕСКО и Советом Европы. Эта концепция явно предполагает свободу, демократию, права человека, культурную и религиозную терпимость и стала, как указывают Бесли и Петерс [2012] в своей влиятельной книге «Межкультурность, образование и диалог», доминирующей парадигмой современной культурной политики. В образовании межкультурный диалог служит не только средством коммуникации, но и становится основополагающей концепцией, позволяющей избежать таких мрачных признаков крайностей глобализации, как изоляция, национализм и маргинализация. Педагогика общих ценностей и то, что один из руководителей [Semetsky 2010b, 2010d] назвал этикой интеграции как неотъемлемая часть образовательной науки, являются важным средством достижения этой цели.

Конечно, и обучение, и «воспитание» — это целенаправленные процессы. Даже если цели не всегда чётко сформулированы, они всегда подразумеваются и осуществляются на практике, сознательно или бессознательно, учителями, родителями или случайными взрослыми, которые могут комментировать наблюдаемое поведение ребёнка, которое не согласуется с их точкой зрения на то, что составляет хорошую жизнь в соответствии с их набором убеждений и ценностей, и того, что кажется им несоответствующим. Таким образом, ценности становятся индивидуальными или культурными знаками как знаки культуры, составляющие желаемую «хорошую жизнь», которая воплощает в себе достижение желаемой личной цели и достигает *eὐδαιμονία* — процветания, блаженства, счастья как конечной цели образования. Философия древних греков постулировала образование, эквивалентное образу осмысленной жизни, посвящённой проблеме самообразования, основанной на исследуемой жизни, в которой опыт последовательно переоценивается, и это намерение пересматривается в образовательной науке.

Методы. В статье используется сочетание методов философской аналогии и сравнения. В качестве основного метода исследования авторы используют семиотический анализ, обращаясь также к компаративной методологии при анализе особенностей, сходного и различного в российской и американской системе образования, ценностей и картины мира. В XX веке именно Джон Дьюи в своём педагогическом кредо постулировал всю социальную жизнь как образовательную с точки зрения её «расширения и углубления» посредством «расширяющегося осознания значений» [Dewey 1924 [1916], с.427]. Дьюи считал, что всякое образование по своей сути морально и основано на значимом опыте. Он критиковал школьную систему за то, что она уступает узкоутилитарному подходу, согласно которому единственная образовательная цель аналогична ограничению учащихся привычными тремя R и всеми формальными дисциплинами, связанными с ними [Dewey 1959]. Он утверждал, что в образовании необходима искренняя вера в существование моральных принципов, которые создают необходимый фон для успеваемости и социального благополучия учащихся благодаря «интеграции органических и экологических связей» [Dewey 1958 [1925], с.279]. Организм и среда вместе образуют единую, хотя и двустороннюю сущность, структурированную как метафорически понимаемый знак двуликого бога Януса.

Целевая группа по обучению в США, созданная в 1996 году Корпорацией Карнеги, во многом подтолкнула современный контекст так называемого качественного обучения в формальном образовании. Эта концепция представляет собой поворотный момент в доминирующих, довольно пессимистических, представлениях о роли школы и, в свою очередь, о способности обучения влиять на изменения в картине мира и поведении учащихся. Карнеги использовал ряд исследований, которые выявили недостатки более ранних представлений об ограниченном влиянии школьного образования на развитие и воспитание учащихся, что потенциально могло привести к формированию моральных качеств, но далеко не всегда приводило в реальности. Невероятность и неадекватность ценностно-нейтрального подхода к такой наполненной ценностями области, как образование, оказались ложными. С точки зрения двух семиотических характеристик коммуникации и сигнификации, привычная модель отправителя-получателя прямой передачи сообщений от учителя ученику в виде атомистических фактов, лишённых каких-либо «проявлений смысла» [Клюканов, 2010], продемонстрировала свою неадекватность вследствие игнорирования ценностного измерения, присущего эдусемиотике.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение.

I. Социализация как неформальное образование.

Существует также менее формальная сторона образования и социализации, которая предполагает все эти множественные и разнонаправленные, запланированные или незапланированные воздействия и эффекты окружающей среды всякий раз, когда человек становится обусловленным правилами языковой игры, принятыми данным обществом, а также социальными и моральными нормами. И русская и западная культуры проявляют признаки социализации всякий раз, когда происходит обучение ценностям неформально или косвенно, в процессе повсе-

дневной жизни, в том числе погружаясь в привычное информационное пространство, с индивидуально настроенными каналами коммуникации. Одна из косвенных «педагогических» методик социализации заключается в поощрении и наказании, когда социальная группа или общество в совокупности склонны вознаграждать человека за должным образом усвоенное поведение и наказывать его за сопротивление усвоению принятых норм. Несомненно, проблем много: общество само по себе часто демонстрирует непреодолимый разрыв между своими словами и делами, когда его идеологи и лидеры проповедают одно, а практикуют другое. Или в обществе в целом есть определённые нормы, правила, кодексы и законы, которые одна социальная группа может осудить, занять неконформистскую позицию. Например, часть интеллигенции в позднем СССР самоопределила себя в отношении советской власти.

Функция единой, формальной и неформальной, образовательной системы выражаются либо в терминах однонаправленных векторов, которые создают эффект синергии, либо в режиме бинарных противоположностей как полюсов, которые в конечном итоге отрицают друг друга. Тем не менее, векторы, действующие в противоположных направлениях, даже стремясь к нулевому эффекту, оставляют часто нередуцируемый остаток в зависимости от их доминирующей силы. Помимо организованного институционального образования, в России семья традиционно считается частью этой системы, пусть даже менее формальной, чем формализованные элементы образования. Такие элементы культуры, как массовая информация, включая фильмы, телешоу, рекламу и социальные сети, представляют собой то, что канадские критически настроенные теоретики в области образования Стейнберг и Кинчело [1998] описали как социальную конструкцию. Эти материальные влияния воплощают в себе ряд значительных нематериальных ценностей, тем самым прямо или косвенно приводя к оценке и переоценке современной системы ценностей и, как следствие, к индивидуальным и культурным изменениям.

Ценности, вместе с проблематикой ценностного воспитания, в последние годы широко рассматривались в областях социологии и философии образования, а также в условиях культурных разногласий, в том числе в России. В Международном справочнике по изучению ценностей и благополучия учащихся [Lovat et al., 2010] представлены самые современные исследования со всего мира и значительно расширен круг вопросов, связанных с воспитанием ценностей, с учётом морали, этики, гражданского воспитания и гражданственности. В этом отношении ценностное воспитание является важным компонентом эдусемиотики как нового направления в философии образования. Эдусемиотика — это концептуальная структура, которая относится к явно целостному образованию, которое может преодолеть дуализм разума и тела как широко распространённое картезианское наследие [Stables and Semetsky, 2015]. В то время как формальное образование, если оно сводится к его техническим целям и аналитическому разуму, имеет человеческий разум в качестве единственного адресата, представляет собой обучение, расположенное в жизни, в опыте, которое относится ко всему человеку с его эмоциями, чувствами и часто бессознательными ожиданиями и невысказанными желаниями [Semetsky, 2011, 2013]. Однако реклама на телевидении и в СМИ вполне может

сыграть на этих неявных факторах. Этот тип социализации, находясь вне любой формальной образовательной системы, систематически и эффективно производит «пользователей» массовой культуры, сводя её «учеников» к потребителям, даже если цели такого неформального социального строительства, по-видимому, граничат с так называемой скрытой учебной программой. В современной России общественное мнение доходит до того, что телевидению и особенно интернету часто присваивается статус символического «врага», который разрушает традиционные ценности, не предлагая взамен чего-либо позитивного. В качестве примеров часто приводят возникающий при просмотре ряда программ моральный диссонанс, противоречащий традиционным идеалам общества, высокой культуре. Эти программы построены на рейтингах и рекламе, которые генерируют поток доходов для этих шоу.

В позднесоветское время, когда наполнение товарных рынков в СССР характеризовалось дефицитом товаров и услуг, их не нужно было рекламировать. Тем не менее, несмотря на то, что рекламы было мало, она была практически не нужна в экономическом смысле. Её роль понимали как показатель развития и прогресса, в конечном итоге направленный на создание чувства радости и счастья. В постсоветской России произошёл ренессанс рекламы, рекламные технологии поднялись на невиданную ранее даже в досоветской России высоту. Изменилось не только общество, но и хозяйственный уклад, появились новые технологии, наступил процесс быстрого формирования общества потребления. Но содержательно, условно говоря, «Солярис», «Сталкер» и «Иваново детство» Андрея Тарковского были заменены на многосерийный «Американский пирог» и «Последнего девственника Америки». Очень жаль, что в качестве «аборигенов», падких до стеклянных бус в обмен на ценности, оказались граждане бывшего СССР. Не все, но многие, достаточные по количеству для того, чтобы это «равноценный» обмен (обман) был коммерчески успешным.

Люди социализируются посредством такого неявного обучения ценностям с помощью знаков рекламы, чтобы стать успешными потребителями как единообразным мерилom личного успеха и счастья в обществе потребления, даже если образовательная система сама по себе может пытаться привить другие ценности. Обычно противоположные ценности игнорируются, либо индивидуальное «я» получает внутреннюю двойственность, амбивалентность в отношении к повседневной жизни и информационному пространству. Это часто приводит к психологическим и социальным конфликтам или комплексам, когда ложное сознание берёт верх, и человек может превратиться в личность, надев социальную маску, чтобы приспособиться к двойным стандартам. На динамику изменения ценностей и общественного сознания также влияет скорость, с которой происходят изменения в социокультурной среде, которые могут казаться незначительными в рамках исторических периодов, но создают противоречивые требования в отдельные периоды, прежде всего в кризисные, пограничные, какими были, например, 90-е годы XX века для России.

Вообще Россия является образцовым примером в этом отношении, поскольку в течение двадцатого века, в 1917 и 1991 годах, пережила, пор меньшей мере, два

масштабных социокультурных потрясения. Например, в 1920-х годах это была целенаправленная деятельность от имени государства по изменению индивидуально-го и коллективного сознания в условиях переоценки ценностей. Давным-давно Залкинд [1924] вступил в явную полемику с устаревшим (после Октябрьской революции) Библейским Декалогом. Была создана новая наука — педология как междисциплинарная наука о ребёнке, включающая всё человеческое сознание и поведение, которую пропагандировали такие провидцы, как, например, Лев Выготский [1925], — которая быстро развивалась и так же быстро приходила в упадок. «Успешная» социализация, граничащая с идеологической обработкой, на любом прошлом историческом этапе становилась препятствием в новой исторической ситуации и в новых пространственно-временных координатах, вызывая социальную дезадаптацию к новым обстоятельствам опыта. Российская социальная история кажется практическим, даже если немного ироничным, подтверждением философии образования Дьюи — с её акцентом на совокупность экологической ситуации в сравнении с изолированным человеком и на важность транзакционной динамики знаков, лежащих в основе человеческой культуры. Дьюи упорно боролся за развитие ценностных суждений в рамках динамики опыта.

Мы можем предположить, что единственный выход из дилеммы выбора образа жизни (несмотря на «хорошую жизнь»), который чаще всего граничит с определённым гражданским неповиновением — это оставаться верным тем традиционным ценностям, идеалам и нормам, по которым человек был социализирован. Мы сознательно избегаем любой «моральной алгебры» предполагаемых противоположностей, добро и зло, в наших теоретических рассуждениях [ср. Федотова 2005]. Даже несмотря на то, что продолжающиеся дебаты относительно методов этики, составляющих добрую жизнь, кажутся бесконечными, и «поскольку Сократ (философы вообще) искали ... критерии для различия между добром и злом» [Baron et al. 1997, с.1]. Все эти подходы были основаны на рассуждениях независимого морального агента, который представляет этические категории в форме «либо-либо» дуалистических противоположностей. Но допущения классических этических теорий, кантовских или консеквенциалистских, или даже этики добродетели с её акцентом на индивидуальной силе характера, кажутся неадекватными в современных условиях глобализации и среди настойчивых апелляций к неопределённой политике мультикультурализма. Эдусемиотика проблематизирует статус индивидуальной интенциональности, потому что люди являются знаками среди знаков и всегда уже взаимодействуют с другими знаками, составляющими как таковые относительно динамику опыта. Другими словами, граница, отделяющая людей от окружающей их среды, постоянно смещается и, таким образом, расширяет границы семиосферы. Вневременная стабильность личности, по иронии судьбы, делает её неадаптивной в быстро меняющиеся времена, в отличие от обычно воспринимаемой «белой вороны», которая часто становится радикально трагическим, или, когда отчуждение личности от навязанных обществу ценностей «мейстрима» проходит в более лёгкой форме, радикально комическим персонажем в литературе и искусстве.

Другой и широко распространённый вариант предполагает некоторую вторичную социализацию и изучение новых норм, ценностей и способов поведения, которые на конкретном историческом этапе приводят к определённому социальному успеху. Перестройка кажется ярким примером: это радикальный и внезапный переход от советского к постсоветскому образу жизни на национальном уровне, когда быстрые взлёты и падения инфляции (феномен, неизвестный ранее в социалистическом обществе) быстро научили людей искусству выживания, создавая адаптивный и относительно успешный тип личности для жизни в рамках общества потребления западного образца. Понятно, что речь идёт о личности обеднённой, упрощённой, выхолащенной, всё менее и менее приверженной целям и ценностям культуры, этике добра и милосердия.

Другой тип — это люди с высоким моральным порогом, которые жертвуют своими корыстными интересами, чтобы соотнести своё существование с моральными [идеальными] качествами. Однако этот второй тип, будучи теоретически привлекательным, не может быть выбран в качестве практического образца для подражания человека, который достиг бы реализации в качестве конечной цели «хорошей» жизни. В рыночных условиях, в мире конкуренции, а не сотрудничества, мы должны понимать долгосрочные последствия такого выбора. Это часто приравнивается к нашему отказу от того, что обычно понимается как благополучие, и риску стать вышеупомянутой белой вороной. В последние годы было много информационно значимых примеров этого личностного нонконформизма и его последствий для социального благополучия.

II. В поисках счастья. В западной культуре автономный человек традиционно считался образцом для подражания, а достижение такого состояния считалось добродетелью. Тем не менее, в своём знаменитом анализе индивидуализма и приверженности с точки зрения (почти канонического) американского стремления к счастью американские авторы Белла, Мэдсен, Салливан, Свидлер и Типтон [1996] рассматривают акцент на индивидуализме как в конечном итоге разрушительной силе, которая сопротивляется таким ценностям, как «забота ... и тем более мудрость» [1996, с.11]. Вечно заражённый ошибочным отождествлением индивидуальности со стремлением подростков к независимости, индивидуальное «я» становится отчуждённым в самом процессе раскрытия себя. По мнению Белла, представление о себе как о полностью свободном агенте, способном осуществлять индивидуальный выбор, заслуживает рассмотрения. Он считает отстранение себя от социокультурной традиции не только проблематичным, но и глубоко укоренившимся в исторической американской «самости» [Bellah et al. 1996, с. 55]. Если американская культура «преуспела» в подчёркивании ценности самостоятельности, то уход из дома как предварительное условие обретения своего настоящего «я» становится общепринятой культурной моделью. Однако разрыв связей с прошлым ведёт к тому, что человек теряет почву под ногами и впоследствии подменяет традиционные моральные принципы набором произвольно выбранных индивидуальных ценностей.

Тем не менее, отсутствие того, что Bellah et al. называть «объективным критерием выбора одной ценности или образа действий по сравнению с другой» [1996,

с.76] приводит к созданию пустых «я», определяемых случайными и произвольными предпочтениями. Моральная вселенная этих «я», полная идиосинкразических оценочных суждений становится полностью лишённым моральных универсалий, а также «какой-либо фиксированной моральной цели» [1996, с.76]. По иронии судьбы, самоощущение как постоянное развитие приобретает негативный оттенок. Так можно прийти к характерной картине современного я, свободного от ценностей и/или моральных принципов и убеждений, становясь социальными трансформерами, теми, кто может по желанию изменять не только своё поведение, но и принимать на время различные ценности, примеривая на себя различные социальные роли. Надевая одну социальную маску за другой, такое «я», по видимому, «может играть во все из них как в игру, сохраняя определённые социальные идентичности на расстоянии вытянутой руки, но никогда не меняя свою собственную «базовую» идентичность, потому что эта идентичность зависит только от обнаружения и следования своей идентичности, собственных личных желаний и внутренних побуждений» [1996, с.77]. Bellah et al. противопоставляют универсальное понятие моральной добродетели субъективной доброте удовлетворения своих желаний, указывая на процедуру, когда полезность и стремление к обладанию — потреблению людей и предметов, когда «я» начинает отождествлять моральное добро с простым чувством хорошего самочувствия, отсутствием рефлексии по получению искомого. Несмотря на то, что каждый, очевидно, может понять, чего он хочет, исходя из того, что заставляет его чувствовать себя хорошо, Белла и др. выражают свои сомнения в возможности истинного самопознания, утверждая, что ценности и желания человека не могут быть независимыми от ценностей других и, следовательно, никогда не могут быть бескомпромиссными со стороны чувств и действий других.

Двусмысленность и неуловимость «индивидуалистического самопознания» [Bellah et al. 1996, с.79] неявно присущи исторически американскому стремлению к счастью, которое, таким образом, сводится к тому, что Белла назвал радикальной частной проверкой в рамках полностью автономных поисков, отделённых от «семьи», религии и призвания как источников авторитета, долга и морального примера» [1996, с.79]. Bellah et al. описывают автономию в негативных терминах как «свободу от» вышеупомянутых ценностей и освобождение от «семьи, сообщества и унаследованных идей» [1996, 83]. Вывод, к которому приходят авторы, звучит резюмирующе — трансформация культуры должна происходить как на уровне индивидуального, так и коллективного сознания. Однако вопрос о том, как следует жить в обществе, чтобы преодолеть моральный кризис, остаётся открытым. Порочный круг, который, по понятным причинам, глубоко беспокоит Белла, так и не был разорван в результате этих интеллектуальных рефлексий. Возможен ли выход из этой часто мучительной раздвоенности? Как превратить его в путь следования добродетели — путём самоанализа на основе собственного опыта в неформальной школе жизни? Хотя конфликт между давлением общества и индивидуалистической «свободой от», сегодня всё больше осознаётся, и вследствие этого, ослабляется, не совсем понятно, что происходит с людьми в онтологическом смысле.

Философ образования Нел Ноддингс [2006] пропагандирует критические уроки, ядром которых является самопознание: «когда мы утверждаем, что обучаем, мы должны серьёзно относиться к Сократу. Незнание жизни могут быть ценными и достойными прожития, но образование, не предполагающее проведения таких экзаменов, может быть недостойным ярлыка образования» [Noddings 2006, с.10]. Важно отметить, что Ноддингс не делает различий между критическим и рефлексивным мышлением: именно благодаря использованию саморефлексии в контексте личных убеждений и принятия решений каждая область человеческого взаимодействия подвергается критическому анализу, поскольку новое знание не может быть получено априори. Семиотика утверждает, что значения созданы в процессе интерпретации, под видом слов или действий.

Структуру и динамику критических уроков, которые Ноддингс предлагает специально для школ на уровне формального образования, нельзя рассматривать в отрыве от жизни с её разнообразным опытом и социокультурной динамикой общения и смыслообразования. События реальной жизни функционируют как тексты, составляющие культурную семиосферу. В этом случае повторяющийся диалог принял бы циклическую форму с новыми значениями, создаваемыми в каждом акте интерпретации. Такой самореференциальный и рефлексивный способ общения, а не передача разрозненных сообщений, может раскрыть потенциально трансформирующую природу обучения как ядра эдусемиотики. Самообразование как функция эмпирического обучения приводит к воссозданию собственного Я, если не создаётся заново, возможно, в конце концов, по образу и подобию Бога?

III. Обращение вспять процесса секуляризации. Одностороннее движение секуляризации и отказа от религиозных по своим основаниям ценностей началось очень давно: примерно с конца средневековья человечество на Западе начало неуклонно терять восприятие человека как созданного по образу Бога. Этот процесс ускорился во второй половине двадцатого века, изъав «трансцендентальное» как из Бытия (в онтологическом смысле), так и из бытия, в экзистенциальном смысле. При этом цель последнего сводится к материальному успеху, приравненному к прогрессу в земной жизни. После Второй мировой войны национальные, сексуальные и т. п. «свободы» стали ведущей парадигмой как в философском дискурсе, так и в дискурсе о социальной справедливости, с разной степенью произвольности, приравняваемой к свободе и демократии, что выражалось, в частности, в снижении уровня социокультурных репрессий с целью «воспитания» внешне свободных людей. Сегодня такая «свобода от», о которой говорят Белл и др., является фактом жизни. Однако маловероятно, что рост потребления, сопровождаемый освобождением от культурных традиций, или приобретённая свобода практиковать различные индивидуальные формы личного поведения сделали человека счастливым или хотя бы довольным своей жизнью. Например, статистика показывает, что около 80 % населения США (действительно стремящихся к счастью, по крайней мере, теоретически) совсем не чувствуют себя счастливыми. В Индонезии, например, несмотря на то, что качество жизни намного ниже, чем в Америке, статистика кажется обратной [Abdallah et al, 2009]. Это очевидное противоречие и отсутствие корреляции между материальным успехом и счастьем можно объяснить ссылкой на

исторические и культурные традиции, сохраняемые в Индонезии, в то время как материальные ценности в значительной степени вытеснили традиционные ценности на Западе.

В России древняя православная традиция, как наиболее аутентичная форма христианства, жива и, несмотря на то, что она была обеднена за многие десятилетия советской власти, продолжает влиять на нравственную жизнь общества, тем самым участвуя в духовном измерении человеческого опыта. Новые капиталистические ценности, которые, казалось бы, определяют экономический и материальный прогресс человечества, по-видимому, способствуют его регрессу как символическому продолжению — развитию в рамках исторического процесса библейского падения человека.

Следовательно, сверхзадача образовательной системы (включая формирование ценностей и неизбежную социализацию) состоит в том, чтобы воспитать человека в традиционном смысле этого слова, тем самым сделав возможным человеческое развитие как процесс самообразования. Формальная система образования всегда оставалась предметом исследования в России, в отличие от неформальных — культурных и социальных аспектов, составляющих систему социализации. Недавно по историческим меркам разработанная система мониторинга российского образования [Сидоров, Васильева, 2007] участвует в широко обсуждаемой проблеме подотчётности в западном образовании. Однако сохраняющаяся мировая тенденция к удалению остатков социокультурных границ в пользу постоянно растущей индивидуальной свободы имеет тенденцию ещё больше ускорять моральное и духовное «падение» человека. Исторически сложилось так, что российская система образования всегда была саморефлексивной и осознавала свои культурно обусловленные цели и задачи, пытаясь уменьшить элементы невмешательства в воспитании людей. Она стремилась транслировать во времени высокие моральные качества, сформировавшиеся в массовой системе образования не позднее «золотого века» русской культуры, отражённые и интерпретированные в соответствии с её «серебряным веком». Имманентная, хотя и идеальная цель такой традиции состояла в том, чтобы воспитать «хорошего человека» как члена альтруистического, объединённого высокими целями и ценностями сообщества, сообщества. Такого, кто хотел бы и мог бы согласовать свои личные интересы с интересами общества. Это наша проверенная временем и во многом выстраданная традиция, отказываться от которой в угоду консюмеристскому духу эпохи и транслируемым массовой культурой ценностям совсем не стоит. Так, дикари, получившие в рамках «свободного и честного» обмена с колонизаторами много стеклянных бус, не становились от этого счастливее или богаче. Это сиюминутное упоение, при котором довольно быстро наступало разочарование результатами обмена. Возвращаясь от этой аналогии к псевдоценностям, заметим, что они имманентно несут в себе «ценности без ценности», отсутствие, или даже отрицательное содержание которых становится вполне очевидным со временем.

Размышляя об этом, уместно вернуться к проблеме координации, которой занимается эдусемиотика. Это гармоничная и сбалансированная коммуникация между отдельными частями и всей системой, которая больше суммы её отдельных

частей, и которая поддерживает существование семиотической [Semetsky, 2004, 2010a], образовательной и социальной системы. Системный или скоординированный, этот подход предполагает, что нет места для исключительно корыстных действий, подразумеваемых идеологией общества потребления.

Именно Дьюи в рамках системного мышления считал индивидуальный организм всегда «частью целого ... обусловленным обществом, хотя сам является условием полной детерминации последнего» [Дьюи 1958 [1925], с.65]. Даже рациональный эгоизм, не говоря уже об этическом эгоизме, может разрушить гомеостаз системы в целом и, следовательно, имеет тенденцию разрушать индивидуальные «я» как её неотъемлемые компоненты [Гавров, 2017, 2018]. Смысл существования тогда начинает напоминать фантом — простую видимость, а не реальность. И за эту недолговечную иллюзию (если не полностью заблуждение) люди расплачиваются, этически разрушая себя. Ни алкоголь, ни наркотики, ни виртуальная реальность не могут наполнить человеческую жизнь смыслом, если иллюзия абсолютного эгоизма сохраняется и становится заменой альтруизма как естественной основы для взаимного благополучия. Как может быть прогресс, если и когда изначальная социальная целостность уступает место преувеличенной автономии и эгоистическому интересу? И всё же победа эгоизма над альтруизмом, которая продемонстрировала своё присутствие и в постперестроечной России, не может длиться бесконечно. Нынешняя тенденция к эгоцентризму и эгоизму является лишь этапом диалектического процесса к новому синтезу, охватывающему эдусемиотические ценности координации и диалога и воплощающему этику интеграции [Semetsky, 2012a], а также включающему духовное образование в отличие от устойчивой секуляризации.

Интересно, что в Великобритании духовное измерение в образовании было возвращено к жизни на основании Закона об образовании 1944 года, который отделил его от нравственного воспитания и представил его как отчасти светский синоним христианства. В 1998 году духовность была одобрена на широком уровне школьных программ и не связана исключительно с религиозным контекстом. В Австралии, образование в области духовных ценностей в основном отнесено к частным школам вне государственной системы образования. В недавней всеобъемлющей работе Кроуфорда и Росситера [2006] основное внимание уделялось поискам молодыми людьми смысла, идентичности и духовности как главными в их жизни. Авторы выразили озабоченность по поводу принятого в Австралии подхода к нравственному и духовному воспитанию, которое не должно сводиться к простой «инъекции» духовности в общественное образование, и призвали к применению различных стратегий. Социолог образования Филип Векслер [1996, 2008], указывая на важность традиции для социокультурной жизни, приписал статус символического движения педагогической теории и практике, направленной на привнесение духовности в светские отчуждённые контексты, чтобы удовлетворить их жажду смысла. Векслер рассматривает свой научный подход в рамках давней религиозной традиции и уделяет особое внимание еврейскому мистицизму. Он призывает к «широкомасштабному возрождению ... культуры современности, переосмыслению жизни» [Wexler 2008, с.9]. Этот пересмотр и новый синтез должны

включать заботу об окружающей среде вместе с ней, людьми, как живыми организмами, включёнными в единую «семиотическую сеть ... пронизанную знаками» [Deely, 2001]. Такая семиотическая система всегда уже является экологической системой, учитывая, что слово экология происходит от греческого *oikos*, означающего «домашнее хозяйство» в самом широком смысле, как социальном, так и естественном, а экологическая установка требует диалогического общения между всеми членами такого домохозяйства.

IV. Ценностное образование. Возникает вопрос: что делать? Первый шаг — признать, что существует серьёзная проблема, связанная с влиянием на неформальное образование телевидения, газет и интернет-коммуникаций, а также социальных сетей. Такое социокультурное «образование» не следует недооценивать. В этом контексте множество сообщений, косвенно передаваемых различными средствами массовой информации, временами сильно контрастирует с идеей воспитания ценностей, посвящённых саморазвитию и проживанию хорошей, осмысленной и ценной для себя и для других, включая природу, жизни. Как ясно дал понять Маршалл Маклюэн — сам носитель является сообщением. Вместо того чтобы быть «просто пассивным каналом для передачи информации, (средство коммуникации) является активной силой в создании новых социальных паттернов и новых перцептивных реальностей» [Logan 1986, с. 24].

К сожалению, преобладающая в современных российских масс-медиа идеология образов (в том числе созданных на Западе), передаваемая по различным информационным каналам, демонстрирует, во-первых, наличие, признаков насилия (часто немотивированного) на физическом, психологическом и / или сексуальном уровнях, которые способствуют усилению тревоги и страха среди взрослого населения. При этом для детей ситуация ещё серьёзнее. Каналы с боевиками и триллерами несут информацию о масштабах преступности, неявно сообщая о скрытой учебной программе, стремясь представить любого человека потенциальным преступником. Эта практика деструктивна и разрушительна. Во-вторых, в подавляющем большинстве современных сюжетов присутствует раннее введение в сексуальные и связанные с ними темы. Подростающее поколение слишком рано знакомится с сексуальными аватарами, что приводит к переносу этих виртуальных переживаний в реальную жизнь, стимулируя такое псевдоискусство. В-третьих, разрушительна сила денег как главной, чуть ли не предельной ценности этого социального символа, пронизывающего постсоветскую реальность.

Очевидно, что в советское время предпосылки для ускоренной потери накопленного социально-культурного капитала и массовой первичной и вторичной де социализации и деаккультурации отсутствовали. Скорее это были не массовые, но девиантные практики для меньшинства. Эти предпосылки должны быть добавлены к тому всепроникающему влиянию, которое приобрели в постсоветский и последующий период, массовые псевдолиберальные ценности (прежде всего, ложное представление о свободе личности, граничащее с моральной вседозволенностью и распушенностью), критиканское отношение к отечественной истории и культуре, широко внедрявшееся в сознание населения в массовом кинематографе, потребительской и политической рекламе постсоветского времени, а также аморальных

образах в интернете, ставших широкодоступными детям, молодёжи и взрослому населению... [Шалаев, 2015, 2016].

Действительно, период перестройки в России — это новое осознание того, что нельзя честно «заработать» действительно большие деньги, но всё покупается за деньги, а способов «заработать» много. Происходит осознанно стимулируемый процесс дегероизации: высмеивание, насмешка и принижение многих из тех, кто был знаковыми фигурами в недавнем прошлом, таких как Маркс, Ленин, Че Гевара... Такое разрушение исторической и идеологической базовой структуры, сопровождающееся разрушением ценностей как следствие потери моральной основы, является одним из причин распада СССР.

Ещё в 2000 году исследование, проведённое Российской академией образования, пришло к выводу, что технологии телевидения, радиовещания и средств массовой информации не только используют фундаментальные социокультурные и психологические механизмы, но и направлены на их разрушение, а не на поддержание психического здоровья человека [Собкин и др., 2000]. Человек, который социализирован в рамках абсолютной парадигмы общества потребления, вероятно, в конце концов, достигнет пределов потребления, потеряет всякий интерес к тем ценностям, которые даже немного выше, чем просто материальные блага и эгоистически понимаемый жизненный «успех». Если постоянная подпитка своего эго становится самым смыслом жизни и выбранным этосом [греч. *ἦθος* «нрав, характер, душевный склад»], то вполне логично, что эгоцентричный субъект, имеет большие шансы поддаться болезни, депрессии и, возможно, даже самоубийству. Практика употребления наркотиков, алкоголя, а также психологические и социальные отклонения имеют тенденцию становиться всё более и более распространёнными, тем самым теряя свой воспринимаемый статус маргинальности, но становясь новой нормой, эквивалентной попытке убежать от себя в фантастический мир иллюзий. В этот критический поворотный момент, как указывали французские философы Жиль Делёз и Феликс Гваттари [1987], существуют только две альтернативы: нужно «либо аннигилировать в чёрной дыре, либо изменить плоскости. Уничтожьте, откройте новую функцию» [Deleuze and Guattari 1987, с.134]. Мы добавим — эдусемиотическую функцию.

Выберем ли мы, вместо того, чтобы стремиться к самоуничтожению, движение вверх, к подъёму на новый уровень существования, чему во многом способствует самообразование? Не так важно, продолжим ли мы при этом сетовать на определённые передачи, реалити-шоу или социальные сети. Недостаточно просто возражать против негативных сообщений, фоновой негативизации информационного пространства. Необходимо найти и привести интеллектуальные доводы в пользу установления гармоничной взаимосвязи между неформальным культурным образованием, косвенно продвигаемым социальными сетями, и формальным образованием в школах и учреждениях. Для этого необходимо пересмотреть цели образования. Мы не должны забывать Альфреда Норта Уайтхеда, недвусмысленно сформулировавшего цель образования как тщательную опеку против бесполезных и вредных, «инертных», бессмысленных идей. Мы можем снова вспомнить Джона Дьюи, утверждавшего, что целью образования является образование. *Edusemiotics*

перестраивает цели образования вместе с его неотъемлемой частью — ценностным воспитанием, превосходящим и адаптирующим формальное и неформальное (фонное), посредством СМИ и интернета, преподавание грубых фактов. Стоит помнить и том, что ценности действительно «обитают» в человеческом опыте.

Согласно Дьюи, обучение на собственном опыте означает установление «прямой и обратной связи между тем, что мы делаем с вещами, и тем, что нам нравится, и в результате чего мы страдаем». В таких условиях действие становится попыткой, экспериментом с миром, чтобы выяснить, на что он похож, происходящее становится инструкцией — открытием связи вещей» [Dewey 1924 [1916], с.164]. Прямое обучение как линейная модель общения контрпродуктивно по отношению к эдусемиотической идее ценного образования. Это и «действие», и «переживание», встроенные в жизненный опыт, устанавливают саморефлексивный способ существования в мире на основе «коммуникации среды [или] координации» [Deleuze and Guattari 1987, с.313]. Именно семиотическая коммуникация между различными средами, пересекающая границу, окружающую любую семиосферу, может наполнить человеческую жизнь подлинно познавательным опытом. И этот образ жизни, как хороший и значимый, повернул бы вспять секуляризацию и позволил бы вернуться к религии [духовной связи] в соответствии с эдусемиотическими принципами саморефлексии, самоотнесения и интеграции [Semetsky, 2013]. Эдусемиотика не только преодолевает дуализм разума и тела, но и обогащает образование ценностями, в том числе духовными, что лежит в основе сосуществования разных культур.

Эдусемиотика не только преодолевает дуализм разума и тела, но и обогащает образование ценностями, в том числе духовными. Сосуществование различных культур основано на диалоге, ведущем к общим смыслам в терминах того, что Лотман [2009] назвал единым текстом, характеризующимся максимальной переводимостью разных языков, разных ценностей и разных культур друг в друга. Такой единый текст сделал бы возможным то, что Винфрид Нот недавно назвал в контексте образования «межкультурной компетенцией» [2010, с.9]. Это актуальный вопрос в нынешних геополитических контекстах, демонстрирующих разнообразные и поливалентные признаки времени [Semetsky, 2010с] среди культурных конфликтов и столкновения ценностей. Образовательный подход к межкультурному и повторяющемуся диалогу между Россией и Западом может преодолевать барьеры, разделяющие разные семиосферы, и формировать общий ойкос, преодолевая социокультурные и национальные различия [Шалаев, 2015, 48—57].

Заключение. Резюмируя сказанное, следует акцентировать внимание читателей на важных идейных посылах авторов. Во-первых, воспитание является неотъемлемой частью образования, отрицание этого — ошибка, которую стоит исправить. Во-вторых, секуляризация общества, культуры и сферы образования была, возможно, уместна в начале пути, при переходе от Средневековья к Новому времени. Но остановиться на этом пути стоило уже после достижения первых результатов, по нему не следовало идти в течение столетий. Сегодня процесс секуляризации зашёл слишком далеко и требует десекуляризации в целях достижения гармонического равновесия между верой и разумом, между образованием и воспита-

нием, исторически имеющим религиозные корни. Для России точкой, в которой оптимально соотносилось воспитание и образование, была система гимназического образования в предреволюционной России, подразделяющаяся на мужские и женские гимназии. К этому опыту раздельного обучения в 1943 году вернулось Советское правительство, и этот эксперимент, точнее возвращение к дореволюционной гимназической нормальности, продлился до 1954 года. Сегодня, в очередной в российской истории период «смены вех» к этому исторически апробированному опыту стоит присмотреться с сугубо утилитарными целями.

Список литературы

1. Белл Р., Нелли Р., Мэдсен В., Типтон М. Сердечные привычки: индивидуализм и приверженность в американской жизни. Беркли: Калифорнийский университет Press, 1996. 388 с.
2. Бесли Т., Майкл А. Петерс [ред.]. Межкультурность, образование и диалог. Нью-Йорк: Питер Лэнг, 2012. 223 с.
3. Кроуфорд Л., Россигер Г. Причины жизни: образование и молодёжные поиски смысла, идентичности и духовности. Camberwell: Австралийский совет образовательных исследований, 2006. 333 р.
4. Дили Д. Основы семиотики. Блумингтон и Индианаполис: Издательство Индианского университета, 1990. 256 с.
5. Дили Д. Четыре эпохи понимания: первый постмодернистский обзор философии с древних времён до рубежа двадцать первого века. Торонто: University of Toronto Press, 2001. 422 с.
6. Делёз Дж., Гваттари Ф. Тысяча плато: капитализм и шизофрения, Брайан Массуми [пер.]. Миннеаполис: Университет Миннесоты, 1987. 366 с.
7. Дьюи Д. Демократия и образование: введение в философию образования. Нью-Йорк: Макмиллан, 1924 [1916]. 435 с.
8. Дьюи Д. Опыт и природа. Нью-Йорк: Довер, 1958 [1925]. 557 с.
9. Дьюи Дж. Моральные принципы в образовании. Нью-Йорк: Библиотека мудрости. 339 с.
10. Федотова В. Г. Хорошее общество. М.: ИФРАН, 2005. 344 с.
11. Гавров С. Н., Востряков Л. Е. Международное культурное сотрудничество как часть государственной культурной политики России // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств, 2018. № 3 [83]. pp. 152—160.
12. Гавров С. Гибридные войны: архаизация политического сознания и инволюция медиа. Русский журнал связи. 2017. Том 9. № 2. pp. 207—210.
13. Клоканов И. Е. Коммуникационная вселенная: проявления смысла, ступенчатая значимость. Лэнхэм, Мэриленд: Роуман и Литтлфилд, 2010. 335 стр.
14. Логан Роберт К. Эффект алфавита. Нью-Йорк: Уильям Морроу, 1986. 267 с.
15. Лотман Ю. Вселенная разума: семиотическая теория культуры, А. Шукман [пер.]. Блумингтон: Издательство Индианского университета, 1990. 375 стр.
16. Лотман Ю. Культура и взрыв, Вильма Кларк [пер.]. Берлин и Нью-Йорк: Mouton de Gruyter, 2009. 875р.
17. Ловат Т., Туми Р., Невилл К. [ред.]. Международное исследовательское руководство по оценке образования и благополучия учащихся. Дордрехт: Springer, 2010. 367 с.
18. Кивает Н. Критические уроки: чему должны учить наши школы. Кембридж, Массачусетс: Издательство Кембриджского университета, 2006. 86 с.
19. Ничего Б. Семиотика обучения и преподавания семиотики. Инна Семенская [ред.], Опыт семиотического воспитания. Роттердам: Смысл, 2010. pp. 1—20.
20. Семенский И. Сложность индивидуации. Международный журнал прикладных психоаналитических исследований. 2004. № 1. pp. 324—346.
21. Семенский И. Экологография и философия образования Дьюи: значение для будущих лидеров. 2010a. Форсайт 12. pp. 31—44.
22. Семенский И. Складки опыта, или: Построение педагогики ценностей. Философия и теория воспитания. 2010b. № 42. pp. 476—488.
23. Семенский И. Интерпретация знамений времени: за гранью Юнга. Социальная семиотика. 2010с. № 20. pp. 103—120.

24. Невитт К. [ред.], Справочник международных исследований по ценностям образования и благополучия студентов, Нью-Йорк: Springer, pp. 319—336.
25. Семенов И. Пересимволизация себя: человеческое развитие и герменевтика Таро. Роттердам: Смысл, 2011.
26. Семенов И. Жить, учиться, любить: построение новой этики интеграции в образовании. Беседа. 2012а. № 33. pp. 47—59.
27. Семенов И. К общим ценностям: диалог между собой и другими людьми и культурная педагогика концепций, 2012б.
28. Бесли Т., Питерс М.А. [ред.], Межкультурность, образование и диалог. Нью-Йорк: Питер Лэнг, 416 с.
29. Семенов И. Эдусемиотика образов: Очерки искусства - Таро. Роттердам: Смысл, 2013. 339 с.
30. Сидоров П. И., Васильева Е. Ю. Системный мониторинг образовательной среды: монография. - Архангельск: Изд-во. Центр СибГМУ, 2007. 335 с.
31. Собкин В. С., Хлебникова М. В., Грачёва А. М. Насилие и эротика на телеэкранах России: опыт контент-анализа телевизионных передач // Образование и информационная культура: социологические аспекты. М.: Институт социологии образования РАН, 2000. pp. 332—346.
32. Конюшня А., Семенов И. Эдусемиотика: семиотическая философия как образовательная основа. Лондон: Ратледж, 2015. — 182 с.
33. Стейнберг С. Р. Детская культура: корпоративный строй детства. Скрэнтон, Пенсильвания: Харпер Коллинз, 1998. 322 с.
34. Выготский Л. С. Сознание как проблема в психологии поведения. Советская психология, 1925. №17. pp. 5—35.
35. Векслер Ф. Святые искры: социальная теория, образование и религия. Нью-Йорк: St. Martin's Press, 1996. 192 с.
36. Векслер П. Символическое движение: критика и анализ. Нью-Йорк: Издательство Св. Мартина. 2008. 275 с.
37. Шалаев В. П. Осторожно, мутация: человек и общество перед вызовами глобализации, вестернизации и потребления: противоречия нарастают // SocioTime / Социальное время. 2015. № 3. С. 48—57.
38. Шалаева С. Л., Шалаев В. П. Псевдолиберальная культура как фактор глобальной западификации и социальной деструкции общества // Труды БГТУ. Серия: История, философия, филология. — 2016.- N5 (187). — С.137—142.

Авторская справка

СЕМЕНОВА Инна, профессор, Колумбийский университет, Нью-Йорк, США. E-mail: irs5@columbia.edu.

ГАВРОВ Сергей Назипович, доктор философских наук, профессор, профессор, Департамент массовых коммуникаций и медиабизнеса, Финансовый университет при правительстве РФ, Москва, Россия. E-mail: SNGavrov@fa.ru.

UDC 124.5 + 37.014

DOI: 10.25686/2410-0773.2021.2.16

PHILOSOPHY OF EDUCATION: VALUES, EDUSEMIOTICS AND INTERCULTURAL DIALOGUE

I. Semetskaya¹, S. N. Gavrov²

¹Columbia University, New York (USA)

²Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow (Russia)

Introduction. This article is intended to investigate some of the features that make up the education system in Russia against the background of the problems of the historically formed in America "pursuit of happiness", the American materialistic dream. While formal education in the West clearly focuses on academic disciplines, in Russia there has always been an element of "upbringing" as a sign of a value dimension, infus-

ing, sometimes implicitly, both formal and non-formal [or culturally conditioned] education. Structurally, the work consists of 6 parts, due to the objectives of the study. Introduction, semiosphere and dialogue, socialization as non-formal education, in search of happiness, reversing the process of secularization, value education, conclusion.

Methods. The article uses a combination of methods of philosophical analogy and comparison. As the main research method, the authors use semiotic analysis, referring also to the comparative methodology when analyzing the features that are similar and different in the Russian and American education systems, values and worldview.

Results. The article is intended to demonstrate the ubiquity and importance of the edusemiotic concept of value education, not reducible to suggestion, but focused on self-education, embedded in human experience, carried out on its basis. An edusemiotic perspective problematizes the goals of education and emphasizes learning from experience, dialogue, coordination, meaning-seeking and the transmission of values to new generations. Values, like culture, are messengers of the past, of what was accumulated by previous generations, are transmitted by the education system, while undergoing some modernization [re-understood and interpreted in the spirit of the times]. Values "live" in life experience, and edusemiotics surpasses education, reduced to teaching empirical facts, on which Western, in its genealogy, positivist science is built.

The article also critically examines education as socialization through social networks and confirms the value of spiritual education in contrast to sustainable secularization. Spiritual, moral education, upbringing of the value basis of the reproduction of society and the individual are positive, they correspond to the historically established system of education and upbringing of the individual in Russia. This value-oriented approach has a number of advantages over the secularly changed system of Western education in recent centuries, the positivist view of the world. The positivist view is insufficient for understanding the world in its diversity, does not include the value dimension, and leads to reduction and positivist secular schemes. In this sense, Russia was able to preserve the value dimension of education, not only educates, but also educates new generations. However, it is also challenged by informal means of socialization, informal communication of social networks and a little more formally structured, through the media, advertising and PR, the impact of mass, commercially oriented culture.

Conclusion. The authors focus on the main semantic message of the article: upbringing is an integral part of education, denial of this is a mistake that should be corrected. The secularization of society, culture and education was perhaps appropriate at the beginning of the journey, during the transition from the Middle Ages to the New Time. But it was worth stopping on this path after the first results were achieved, this is not the success that should have been developed. Today the process of secularization has gone too far and requires desecularization in order to achieve a harmonious balance between faith and reason, between education and upbringing, historically having religious roots.

Keywords: philosophy of education, culture, dialogue, new media, semiosphere, socialization, secularization, desecularization, values, spiritual education, semiosphere, edusemiotics.

References

1. Bell R., Nelly R., Madsen W., Tipton M. Heart Habits: Individualism and Commitment in American Life. Berkeley: University of California Press, 1996. 388 p.
2. Besley T., Michael A. Peters [ed.]. Interculturalism, education and dialogue. New York: Peter Lang, 2012. 223 p.
3. Crawford L., Rossiter G. Reasons for life: education and youth search for meaning, identity and spirituality. Camberwell: Australian Council for Educational Research, 2006. 333 p.
4. Dili D. Fundamentals of semiotics. Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press, 1990. 256 p.
5. Dili D. Four ages of understanding: the first postmodern survey of philosophy from ancient times to the turn of the twenty—first century. Toronto: University of Toronto Press, 2001. 422 p.

6. Deleuze, J., Guattari F. *A Thousand Plateaus: Capitalism and Schizophrenia*, Brian Massumi [trans.]. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1987. 366 p.
7. Dewey D. *Democracy and education: an introduction to the philosophy of education*. New York: Macmillan, 1924 [1916]. 435 p.
8. Dewey D. *Experience and nature*. New York: Dover, 1958 [1925]. 557 p.
9. Dewey J. *Moral principles in education*. New York: Library of Wisdom. 339 p.
10. Fedotova V. G. *Good society*. Moscow: IFRAN, 2005. 344 p.
11. Gavrov S. N., Vostryakov L.Ye. International cultural cooperation as part of the state cultural policy of Russia // *Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts*, 2018. No. 3 [83]. pp. 152—160.
12. Gavrov S. Hybrid wars: the archaization of political consciousness and involution of media. *Russian Journal of communication*. 2017. Vol.9. No. 2. pp. 207—210.
13. Klyukanov I. E. *Communication universe: manifestations of meaning, graded significance*. Lanham, MD: Rowman & Littlefield, 2010. 335p.
14. Logan Robert K. *The Alphabet Effect*. New York: William Morrow, 1986. 267 p.
15. Lotman Yu. *The universe of reason: a semiotic theory of culture*, A. Shukman [trans.]. Bloomington: Indiana University Press, 1990. 375p.
16. Lotman Y. *Culture and Explosion*, Wilma Clark [trans.]. Berlin and New York: Mouton de Gruyter, 2009. 875p.
17. Lovat T., Toomey R., Neville K. [ed.]. *An international research guide to value education and student well-being*. Dordrecht: Springer, 2010. 367 p.
18. Nods N. *Critical Lessons: What Our Schools Should Teach*. Cambridge, Massachusetts: Cambridge University Press, 2006. 86p.
19. Nothing B. Semiotics of teaching and teaching of semiotics. Inna Semetskaya [ed.], *Experience of semiotic education*. Rotterdam: Sense, 2010. pp. 1—20.
20. Semetsky I. The complexity of individuation. *International Journal of Applied Psychoanalytic Research*. 2004. No. 1. pp. 324—346.
21. Semetsky I. *Ecolithography and Dewey's Educational Philosophy: Implications for Future Leaders*. 2010a. *Foresight* 12. pp. 31—44.
22. Semetsky I. Folds of experience, or: Building a pedagogy of values. *Philosophy and theory of education*. 2010b. No. 42. pp. 476—488.
23. Semetsky I. Interpretation of the signs of the times: beyond Jung. *Social semiotics*. 2010c. No. 20. pp. 103—120.
24. Neville K. [ed.]. *International Research Handbook on Values Education and Student Well—being*, New York: Springer. pp. 319—336.
25. Semetsky I. *Re-symbolization of oneself: human development and hermeneutics of the Tarot*. Rotterdam: Sense, 2011.
26. Semetsky I. To live, learn, love: building a new ethics of integration in education. *Conversation*. 2012a. No. 33. pp. 47—59.
27. Semetsky I. *Towards Common Values: Dialogue Between Oneself and Other People and Cultural Pedagogy of Concepts*, 2012b.
28. Besley T., Peters M.A. [ed.], *Interculturalism, Education and Dialogue*. New York: Peter Lang, 416 p.
29. Semetsky I. *Edusemiotics of images: Essays on art — Tarot science*. Rotterdam: Meaning, 2013. 339 p.
30. Sidorov P. I., Vasilyeva E. Yu. *System monitoring of the educational environment: monograph*. — Arkhangelsk: Publishing house. Center of SSMU, 2007. 335 p.
31. Sobkin V. S., Khlebnikova M. V., Gracheva A. M. *Violence and Erotica on Russian TV Screen: Experience of Content Analysis of Television Broadcasts // Education and Information Culture: Sociological Aspects*. Moscow: Institute of Sociology of Education RAS, 2000. pp. 332—346.
32. Stables A., Semetskaya I. *Edusemiotics: semiotic philosophy as an educational basis*. London: Routledge, 2015. — 182 p.

33. Steinberg S. R. Children's culture: corporate building of childhood. Scranton, PA: Harper Collins, 1998. 322 p.
34. Vygotsky L. S. Consciousness as a problem in the psychology of behavior. Soviet psychology, 1925. No.17. pp. 5—35.
35. Veksler F. Svyatye sparks: social theory, education and religion. New York: St. Martin's Press, 1996. 192 p.
36. Wexler P. The Symbolic Movement: Critique and Analysis. New York: St. Martin's Press. 2008. 275 p.
37. Shalaev V.P. *Ostorozhno, mutatsiya: chelovek i obshchestvo pered vyzovami globalizatsii, zapadifikatsii i potrebleniya: protivorechiya narastayut* [Carefully, mutation: man and society before the challenges of globalization, West certification and consumption: contradictions are growing] // Socio Time / Sotsial'noe vremya [SocioTime]. 2015. N3. Pp. 48—57.
38. Shalaeva S.L., Shalaev V.P. *Psevdoliberal'naya kul'tura kak faktor global'noj zapadifikatsii i social'noj destrukcii obshchestva* [Pseudo-liberal culture as a factor in the global Westernisation and social destruction of society] // Trudy BGTU. Seriya: Istoriya, filosofiya, filologiya [BGTU. Series: History, Philosophy, Philology]. 2016. N5 (187). Pp.137-142.

Author's bio

SEMETSKY Inna, Professor, Columbia University, New York City, United States. E-mail: irs5@columbia.edu.

GAVROV Sergey Nazipovich, Doctor of Philosophy, Professor, Professor, Department of Mass Communications and Media Business of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia. E-mail: SNGavrov@fa.ru.

Библиографическая ссылка

Семецкая И., Гавров С. Н. Философия образования: ценности, эдусемиотика и межкультурный диалог // SocioTime / Социальное время. — 2021. — № 2 (26). — С. 16-35. — DOI: DOI: 10.25686/2410-0773.2021.2.16

УДК 101. 130.3

DOI: 10.25686/2410-0773.2021.2.36

ФАКТОРЫ ЭНТРОПИИ КОММУНИТАРИЗМА И ЕГО АПОЛОГЕТИКА

А. Е. Шишкин*Казанский государственный институт культуры, Казань (Россия)*

Введение. Разрушаются прежние формы идентичности, утрачивают своё скрепляющее значение национальные традиции и религиозные убеждения. Процесс дивергенции носит как естественный природный, так и искусственный характер. В контексте консциентальной / геополитической войны, социально-политические технологии конструируются под видом светоносных идей, но изначально создающих неравные условия: рынок-Левиафан процветает, а общины упраздняются.

Методы. Стратификационный подход позволяет проследить замену мудрецов (1 страта) ростовщиками (3 страта). Геополитический подход раскрывает колониальный характер взаимодействия с мондиалистами, где стратегическое сырьё продаётся по демпинговым ценам, а заводы переходят инвесторам, которые могут стать потенциальными противниками. Консциентальный подход помогает выявить технологию насаждения идеи европоцентризма с демонстрацией «блеска» запада и «нищеты» востока, прославлением достоинств рынка и указаний на ошибки социализма, воспеания «самости» индивидуализма и критики коллективизма. Метод реконструкции общинных (патерналистских, братских) отношений обнаруживает состояние «расхристанности» современного обывателя.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. Человека интересует не природа денег, а обладание ими. Человек не дорожит именами Бога в себе: Истина, Добро, Девство, Целомудрие, Справедливость. Дихотомия коммунитаризма и консюмеризма решается в пользу последних.

Заключение. По нашим заключениям, консюмеризм нежизнеспособен. Для баланса сил в обществе, наряду с этатизмом, необходимо поддерживать коммунитаризм.

Ключевые слова: коммунитаризм, манипуляция, консюмеризм, консциентальная война, социализация, апологетика, идентичность.

Введение. Коммунитаристское (community — община) общество, основанное на коллективизме, всеединстве, патернализме, коммеморации и соборности представляет добровольные когорты иерархической справедливости [30, с. 30], действующие в неинституционализированной форме для духовно-нравственного преобразования самих себя. Коммунитаристы предлагают рассматривать справедливость не в контексте взаимовыгодных партнёрств, а в качестве условия, при котором люди, имеющие разные привязанности, частично их идентифицирующие, могут стать друзьями [30, с. 179]. Коммунитаристское общество не является собранием эгоистичных индивидов или совокупностью отдельных индивидов, а конгломерацией коллективного «Мы» [27].

История требует от нас расшифровки расхождения цивилизационных разломов Востока и Запада, а также осмысления процессов культурно-цивилизационной мутации, связанной с глобальным массовым потреблением [23, с. 48]. Где, когда и в связи с чем, человек духовный стал уязвим для человека материально-экономического?

Истоки энтропии цивилизационного сознания таятся либо в самой человеческой природе, либо в становлении и формационном / цикличном развитии человека. В родовых отношениях элита (большаки) не отделялась от своего племени

и выражала его интересы и чаяния. Р. Генон писал: «До тех пор пока на Западе существовали традиционные цивилизации, для противостояния Востока и Запада не было оснований. Противостояние имеет место лишь в случае современного Запада, поскольку речь идёт, скорее, о противоположности двух типов сознания, нежели двух более или менее определённых географических реальностей» [19, с. 152].

Нам важен изначальный излом и причины угасания родовых отношений. Что могло повлиять на загнивание коммунитаристских отношений в племенных справедливых братствах. Представим ситуацию, при которой мы вернулись в исходное положение и всё стали исихастами и подвижниками благочестия. И зададим вопрос: что может повлиять на умаление общин?

Методы. Первый *цивилизационный* фактор энтропии / негэнтропии связан с переходом от *родовой общины к территориальной (соседской)*. Влияние хазарского каганата¹, а затем «скандинавской колонизации» [26, р.37-63] сместили акценты от родовых общин к соседским. Утрата родовых связей была обусловлена приобретением политического значения [18, с. 110]. Сюзеренитет общин получил политическое верховенство [25, с. 330] сопоставимым с западными герцогствами и графствами [5, с. 80-87]. Так государственный аппарат древнего Киева упразднил значение родовых отношений, сделав народ («почву») подданными своих княжеств [12] (цивилизации). Получается, что уже в Древнем Киеве произошёл процесс замены родовых общин на соседские, с преобразованием коммунитарных отношений в прообраз будущего гражданского общества.

Если в родовой общине преобладал коллективный труд, разделение труда по половому и возрастному признаку, а также равное распределение продуктов, общая собственность на получаемый доход, совместное решение важных вопросов, отсутствие любого неравенства, то в территориальной общине, которая состояла из нескольких общин низшего порядка («домашними общинами» или «домами»), на первый план выходят экономические обязательства и «во главе встаёт отец-патриарх (деспот» [1], князь, феодал, император). *По мере феодализации общества земельный надел обрастал повинностями, а право пользования им соединялось с обязанностью несения тягла* [6, с. 347]. Большак в родовых коммунах и князь в территориальных общинах — разные понятия. Первый руководствовался правдой, второй — правом. Большак заботился о домостроительстве, а князь об экономике. Рассматривать князя как арбитра между спорящими сторонами неверно (он решает свои интересы), точно также как и современных ростовщиков нельзя назвать кредиторами, тогда как на самом деле это мы, вкладчики, их кредитруем.

Игнорирование родовых отношений привело к насаждению меркантилизма «избранных» и забвению традиций. Нельзя сказать, что муниципалитет формирует общины и управляет ими, напротив, лучшие члены общины должны создавать комитеты самоуправления, а если мэры насаждаются сверху, то они не имеют статус легитимности.

¹ Хазары, в отличие от варягов, не меняли менталитет у славян, как и в дальнейшем монголы, а довольствовались налогом.

Второй *мировоззренческий* фактор связан с *политической идеологией*. Без идеала, как путеводной звезды, жизнь становится бессмысленной. Идейная убежденность в минуты священной защиты Родины, семьи и чести даёт возможность преодолеть инстинкт самосохранения. Для одних людей картина мира открывается в виде либерализма, а для других — в виде консерватизма. Одним нужна свобода как вседозволенность, а другим — как борьба со страстями, мешающими сублимировать свои возможности на национальные проекты. Либеральные ценности вызывают иронию и двусмысленность, так как пытаются объединить в себе нравственное и рыночное, святое и меркантильное [9, с. 135]. Потребление в той мере, в какой это слово вообще имеет смысл, есть деятельность систематического манипулирования знаками [4, с. 164]. Маргинальность правовых норм («взбесившийся принтер»), а также неравные права на природную ренту создают рассогласованность взаимодействия социальных групп. Конституционный контекст народоправия (ст. 3) меняет парадигму: из трёх основных теорий местного самоуправления пропагандируются «государственная» и «общественно-государственная», а теория «свободных общин» объявлена как устаревшая.

Игнорирование *мировоззренческого* фактора приводит к ситуации, когда консерватор, защищающий традиции, высмеивается, а либерал, насаждающий консюмеризм восхваляется.

Третий *религиозный* фактор дал трещину между мистикой и схоластикой, между исповедничеством и богословием. В дальнейшем христианство разделится на две ветви, а далее ещё на сотни «ветвей»: «Всякий город или дом, разделившийся сам в себе, не устоит» (Мф.12:25). А. С. Хомяков точно определил это расхождение, указав на главную ошибку западного мышления: «Рим разорвал всякую связь между познанием и внутренним совершенством духа» [22, с. 55]. Болезнь прелести, выраженная в мечтательности, признаётся неопитами «благодатью» [7, с. 498], тогда как мистика есть живая связь с Богом. Понятие церковного прихода предполагает заниматься общинными интересами и проблемами, но превращение сакрального храма в коммерческое предприятие разрушило коммюнитарные связи.

По нашему мнению, разрушение социального института религии, существенно обеднило нравственные устои общества, открыв дорогу к формированию плоской и однобокой мировоззренческой картины мира, что особую опасность приобретает в ситуации деформации светской формы морали, в переходные периоды истории общества, когда атеизм соединяется с частнособственнической истемой ценностей и установками.

Четвёртый *антропологический* фактор связан с противостоянием эгоизма и альтруизма, индивидуализма и коллективизма. Только на первый взгляд личностные интересы и приоритеты могут быть противопоставлены общественным [21]. На самом деле человек становится человеком через «процедуру общественной и культурной социализации» [29, с. 176]. К сожалению, социальный заказ на эгоизма обусловлен рыночными отношениями, где «человек человеку волк» (Т. Гоббс).

Учёные, философы, политики всё чаще возлагают опору не на любовь и нравственно-религиозное всепрощение (Конт, Соловьёв, Достоевский), а на насилие (Макиавелли, Шопенгауэр, З. Фрейд [14]) и закон [11, с. 56]. Так общинно-добровольное — проальтруистическое отношение к труду [20, с. 183-184] становится принудительно рабским или мало оплачиваемым. Если альтруистические специальности врача, учителя, инженера, учёного не востребованы в созидательной деятельности, то это означает торжество биологического над социальным, материального над духовным, меркантильного над сакральным. Когда общество, отказываясь от смиренномудрия и сострадания, то подвергается диссипации и аннигиляции.

Игнорирование *антропологического* подхода в консюмеристской социальной политике интегрированных целей привело к печальным последствиям, когда мало-важные, второстепенные телесные вопросы стали основными на повестке решения государственных вопросов, а носители культуры и духовно-нравственных ценностей превратились в невостребованных «работающих нищих» и прекариат.

Пятый *стратификационный* и экономический фактор энтропии связан с появлением понятия «прибавочной стоимости» и возникающими формами вознаграждения. Отсюда, одни, согласно социал-дарвинистскому подходу по интеллектуальному участию или старшинству, или физической мощи забирали лучшую и большую часть, а другие довольствовались тем, что оставалось. История «вне человеческой самореализации не существует» [8, с. 7] и утопично полагать, что инновационное развитие может быть в принципе свободно от рисков. Любое инновационное развитие является процессом создания, внедрения и распространения новшеств [28, с. 181]. Переход от дисциплинарного общества к «обществу контроля» стал новым вызовом человечеству. Смеем предположить, что восточные страны пытались всю «прибавочную стоимость» вложить в национальный проект в виде скальных скульптур или золотых украшений богов, а другие, условно, западные народы, как индивидуалисты соблазнялись консюмеристским подходом и присваивали общие ценности. Поэтому одни народы задержались в развитии гармоничного сочетания с природой и Богом, а другие этносы, руководствуясь алчными интересами, приблизили инфо-биотехногенные времена, где коммуна стала артефактом и симулякром.

Строительство хозяйства предполагает заботу о сохранении энергии и экономии средств. На чём хозяйственник будет экономить? На бережливом расходе топлива, электроэнергии, воды и рабочей силы. Если предприниматель будет справедливо делить на всех работников прибавочную стоимость, то не останется средств на развитие производства. Сколько можно не доплатить рабочему 10 или 90 %? Отказ от родственных, семейных, национальных и религиозных связей между членами общества позволяет менеджеру выходить на предельную эксплуатацию рабочих. Именно поэтому из науки убираются идеологемы, позволяющие финансовому и экономическому развитию. Но встаёт вопрос, а зачем нужны дворцы, смартфоны и триста лет жизни, если человек становится одинок и жалок без «вытравления» из себя экзистенциальной вечной субстанции, связывающей имманентный и трансцендентный мир. Отсюда возникает востребованность апологетики вечного, светлого, доброго, родного, достойного и справедливого в новой саморазвивающейся системе коммунитаризма.

Игнорирование *стратификационного* подхода привело к извращению иерархических установок, где экономика в целом (возглавляемая ростовщиками), как важнейшая, но всё-таки вспомогательная отрасль развития общества, стала управлять армией и идеологией, руководимые воинами и мудрецами. Так «хвост» стал влиять «собакой».

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. В ходе исследования мы выяснили, что под воздействием международных и отечественных модернизационных процессов происходило угасание традиционных, национальных и религиозных установок.

Качественные масштабы энтропии в области экономической безопасности страны, такие как саботаж декларированных принципов в борьбе с коррупцией или игнорирование восстановления института конфискации угрожают функционированию всему общественному механизму и существованию государства [2, с. 82].

Распадение на части соборного единства русского народа (в союзе с автохтонными этносами) повлекло за собой раскол общества, потерю уважения в международных отношениях, абсентеизм, компрадорство, череду «цветных революций» и утерю автономии.

Выход из тупика имеет два решения: либо продолжать ассимилироваться с теми народами (государствами), которые развиваются благополучно, либо найти способы разогрева пассионарности собственными внутренними силами. Для автора этого исследования приемлемым является второй вариант.

Известны два варианта насаждения идеологии сверху и снизу. Если не будет осуществлена революция сверху по прагматическим программам (авторская позиция), то остаётся угроза натиска популизма через революцию снизу.

Сегодня, в условиях системного кризиса, за стол переговоров должны садиться, политики, духовенство основных конфессий, расположенных на территории России, идеологи, историки, этнографы для снятия «заклятия» одних норм и установления других «заколдованных» кодов, которые помогут сохранять доминанту нравственного превосходства в решении многочисленных проблем в различных отраслях знаний и деятельности человека. Данный механизм «*соборных решений*», с одной стороны, должен учесть сохранение тривиального консюмеризма для обывателей, с другой стороны, предложить для развития общества патриотическую идеологию, причастную к трансцендентным, сакральным ценностям. Замена симулякров на денотаты должна вобрать в себя все сферы человеческого бытия: политику, религию, философию, экономику, культуру, образование.

В нашем видении регенерация общины предполагает «перезагрузку» общества в два этапа. Во-первых, посредством применения метода эпиморфоза как операции по ампутации институционального органа, представляющего метастазу общества (наркомания, ростовщичество, коррупция, компрадорство). Во-вторых, с помощью метода морфаллаксиса за основу следует взять здоровую клетку организма (целомудрие, девство, смиренномудрие, подвижничество), и «отрастить новый орган» в изменённой форме для развития и господства социальной среды над биологической.

«Политические и социальные кризисы» в своей неразрешённости задают поиск смены «стандартов коммуникации» [13, с. 28]. Для выхода человечества из тупика социальной эволюции необходимо создать новую историческую систему

планетарного масштаба, которая в своих сущностных характеристиках должна отрицать капитализм [3, с. 211]. По большому счёту человечеству следует разработать метод по обнаружению лучших мудрецов из общин всех государств мира и дать им полномочия по «перезагрузке» «общества риска». Этими мудрецами, с нашей точки зрения, являются коммунитаристы, которых для начала следует защитить от произвола атеистического мондиализма.

Обычно метод апологетики связывают с защитой христианства. Нам известны апологии Сократа [16]. А мы представляем апологетику коммунитаризма как Запада, так и Востока. Суть апологетики коммунитаризма заключается в том, чтобы на основе наблюдаемой и познаваемой целесообразности устройства мира побудить человека к размышлению о его первопричине — Живом Боге [15, с. 136-139].

Бессмысленным становится разговор о коммунитаризме, если изначально поиск денотатов не связан с трансцендированием. Без поиска горних высей научные изыскания и опыт подвижников благочестия будет отдан на откуп ростовщикам.

Перед нами стоит научная задача по очищению аксиологических концепций от тлена скрытых интересов мондиалистов, оплачивающих заказы по выполнению услуг, связанных с продлением жизни человеконенавистного рынка-Левиафана, у которого здесь-бытие-жизнь превращается в смерть-небытия в вечности с несущими разрушительными конструктами для человека, семьи, общества, природы, вселенной.

Любое отрицание таит в себе естественнонаучный потенциал, который с помощью принципов казуальности, универсальности и рациональности следует обнаружить в наших оппонентах и предоставить в свете коммунитаристских истин. Апологетика строится на эффективности аргументации, где главной задачей является «не открытие, а убеждение и доказательство» [10, с. 40].

Апологетика коммун должна строиться на основе элиденциального свидетельства (повседневная практика) классических теорий (блаженный Августин, Фома Аквинский, Василий Великий), а также на «неоспоримых» исторических доказательствах, экспериментального религиозного опыта, пресупозиционной естественнонаучной картины мира как книги Вселенной, основанной на абсолютных моральных принципах бескорыстия, чистоты, любви, блага, добра и истины.

Заключение. Представлены пять факторов энтропийных процессов в обществе и осуществлена попытка обнаружить негентропийные социальные процессы. Теория сложности, по мнению Р. Ф. Полишук, в отчуждении как перевёртывании субъект-объектного отношения, обеспечивает самокоррекцию наследственного (биологического и социокультурного) кода при условии притока свободной энергии, что позволяет локально вытеснять энтропию как меру хаоса [17, с.34].

В качестве альтернативы обскурационным процессам предложен исторически выверенный нашими предками метод общинного бытия. Из коммуны лучшие делегировались в местное самоуправление и государственные органы, чтобы строить идеальное общество.

В предощущении наступления посткапиталистического периода человечество ищет саморазвивающуюся систему. В. Вернадский написал теорию неосферизма, С. Булгаков — «христианский социализм, И. Ильин предлагает формировать русский национальный духовный характер. Для автора этой статьи научным вкладом является поиск подвижников благочестия для преподавания в Народном универси-

тете нового типа, способного подготовить специалиста консциентальной безопасности и осуществить «перезагрузку» политического истеблишмента законным путём через ротацию кадров в течение 15 лет [20]. За это время мы должны овладеть методикой апологетики коммунитаризма в сухом остатке.

Список литературы

1. Аверинцев С. С., Алексеев В. П., Ардзинба В. Г., Гуляев В. И., Дандамаев М. А. и др.; Под ред. Г. М. Бонгард-Левина. Древние цивилизации. — М.: «Мысль», 1989. — 480 с.
2. Ахмадуллин И. Р. Делегитимизация элит через призму антикоррупционного законодательства // SocioTime / Социальное время. — 2019. — № 1(17). — С. 82-90. — DOI: 10.25686/2410-0773.2019.1.82
3. Бирюков А. А. Логика изменений социальных структур в странах периферийного капитализма. — Хабаровск, 2012. 223 с.
4. Бодрийяр Ж. Система вещей. — М, 1995. 172 с.
5. Горский А. А. Русь: От славянского Расселения до Московского царства. — М.: ЯСК, 2004. С.80-87 (- 368 с).
6. Данилов В. П. К вопросу о характере и значении крестьянской поземельной общины в России // Проблемы социально-экономической истории России. — М, 1971. С.347.
7. Игнатий (Брянчанинов), еп. Соч. в 5-ти т. СПб. 1905.Т.IV. 572 с.
8. Кемеров В. Е. Концепция радикальной социальности // Вопросы философии. — 1999. № 7. С.3-13.
9. Курочкина О. П. Критика теории ценностей в современной философии. — Владивосток, 2000. 149 с.
10. Майоров Г. Г. Формирование средневековой философии: Латинская патристика. — М., 2009. 296 с.
11. Марков Б. В. Философская антропология. — СПб.: Питер, 2008.
12. Мининкова Л. В. Сюзеренитет-вассалитет в домонгольской Руси. — Ростов-н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ, 2007. 520 с.
13. Миронов А. В. Общественный договор: трансформация эмоционального в рациональное в моральном соглашении // SocioTime / Социальное время. — 2019. — № 4(20). — С. 28-36. — DOI: 10.25686/2410-0773.2019.4.28
14. Омельчанко Е. В. Проблема эгоизма в работах З. Фрейда // Журнал практической психологии и психоанализа. 2014. № 3. URL: <http://psyjournal.ru/> (Дата обращения: 01.10.2014).
15. Осипов А. И. Путь разума в поисках истины. — М.: Изд. Срегенского монастыря, 2003. 496 с.
16. Платон. Собрание сочинений в 4 т.: Том I. Общ. редакция А. Ф. Лосева и др. — М.: Мысль, 1990. 860 с.
17. Полищук Р. Ф. Мир и Россия в мире с точки зрения физики // SocioTime / Социальное время. — 2018. — № 2(14). — С. 34-45. — DOI: 10.15350/2410-0773.2018.2.34
18. Пресняков А. Е. Княжое право в Древней Руси. Очерки по истории X-XII столетий. СПб. : Типография М. А. Александрова, 1909. С.110 (- 315 с).
19. Семинарские занятия по истории мировой духовной культуры. Часть № 3 / под ред. Радовельяма М. Р., Андреевой О. И., Петкова С. М. Ростов-на-Дону, 1996. С.152.
20. Столяров А. А. Схоластическая философия. Введение. Социокультурный контекст развития средневековой философии / История философии. Запад-Россия-Восток. // Книга первая. Философия древности и средневековья. М.: Греколатинский кабинет, 1995. С. 181-187.
21. Тимжук Джулфа Аарон Диалогический аспект Африканского коммунитаризма в философии убунту (философия гуманизма). 2017. DOI: 10.25136/2409-7144.2017.9.21348
22. Хомяков А. С. Полное собр. соч. Т.2. Изд.3. М. 1886. 450 с.

23. Шалаев В. П. Осторожно, мутация: человек и общество перед вызовами глобализации, западификации и потребления: противоречия нарастают // SocioTime / Социальное время. 2015. № 3. С. 48-57.
24. Шишкин А. Е. Народный университет социально-политических технологий «Ладомир». Самара: Мечта, 2018. 444 с.
25. Юшков С. В. Общественно-политический строй и право Киевского государства. М. : Гос. изд-во юридической литературы, 1949. С. 330 (- 544 с).
26. Arne T. J. Det stora Svitjod. Essauer om gangna tidars svensk-ruska kulturfobindelser. / T.J. Arne. Stockholm, 1917. P. 37—63.
27. Battle M. Ubuntu: I in you and you in me. Church Publishing, Inc., 2009. 180 p.
28. Crocco M. Innovation and Social Probable Knowledge // Cambridge j. of Economics. — L., 2003. Vol. 27. № 2. P.177-190.
29. Menkiti, Ifeanyi A. "Person and Community in African Traditional Thought." In African Philosophy, an Introduction, edited by Richard Wright, Lanham, Md.: University Press of America, 1984. P.171—182.
30. Sandel, M. Liberalism and the Limits of Justice. Cambridge University Press, 1998 (first edition 1982).

Авторская справка

ШИШКИН Алексей Ефимович, кандидат педагогических наук, доцент социальной философии кафедры социально-культурной деятельности и педагогики, Казанский государственный институт культуры, Казань, Россия. E-mail: ladomir12345@rambler.ru.

UDC 101. 130.3

DOI: 10.25686/2410-0773.2021.2.36

FACTORS OF ENTROPY OF COMMUNITARIISM AND ITS APLOGETICS

A. E. Shishkin

Kazan State Institute of Culture, Kazan (Russia)

Introduction. The old forms of identity are being destroyed, national traditions and religious beliefs are losing their consolidating significance. The divergence process is both natural and artificial. In the context of a conscientious / geopolitical war, socio-political technologies are constructed under the guise of luminous ideas, but initially creating unequal conditions: the Leviathan market flourishes and communities are abolished.

Methods. The stratification approach allows us to trace the replacement of sages (1 stratum) by usurers (3 strata). The geopolitical approach reveals the colonial nature of interaction with the mondialists, where strategic raw materials are sold at dumping prices, and factories are transferred to investors who are potential opponents. The conscientious approach helps to reveal the technology of implanting the idea of Eurocentrism, demonstrating the "brilliance" of the West and the "poverty" of the East, glorifying the merits of the market and pointing out the mistakes of socialism, praising the "self" of individualism and criticizing collectivism. The method of reconstructing communal (paternalistic, fraternal) relations reveals the state of "rashness" of the modern man in the street.

Results. A person is not interested in the nature of money, but in the possession of it. A person does not value the names of God in himself: Truth, Goodness, Virginity, Chastity, Justice. The dichotomy of communitarianism and consumerism is decided in favor of the latter.

Conclusion. According to our conclusions, consumerism is not viable. For the balance of power in society, along with statism, it is necessary to maintain communitarianism.

Keywords: communitarianism, manipulation, consumerism, conscientious war, socialization, apologetics, identity.

References

1. Averintsev S. S., Alekseev V. P., Ardzinba V. G., Gulyaev V. I., Dandamaev M. A. and etc.; Ed. G. M. Bongard-Levin. Ancient civilizations [Drevniye tsivilizatsii]. M.: "Mysl", 1989, 480 p.
2. Akhmadullin I. R. Delegitimization of elites through the prism of anti-corruption legislation [Delegitimizatsiya elit cherez prizmu antikorrupsionnogo zakonodatel'stva] // SocioTime / Social time. - 2019. - No. 1 (17). - S. 82-90. - DOI: 10.25686 / 2410-0773.2019.1.82
3. Biryukov A. A. The logic of changes in social structures in the countries of peripheral capitalism [Logika izmeneniy sotsial'nykh struktur v stranakh periferiynogo kapitalizma]. Khabarovsk, 2012, 223 p.
4. Baudrillard J. The system of things [Sistema veshchey]. M, 1995, 172 p.
5. Gorskiy A. A. Rus: From Slavic Settlement to Muscovy [Rus': Ot slavyanskogo Rasseleniya do Moskovskogo tsarstva]. M.: YASK, 2004, 368 p.
6. Danilov V. P. On the question of the nature and significance of the peasant land community in Russia [K voprosu o kharaktere i znachenii krest'yanskoy pozemel'noy obshchiny v Rossii] // Problems of the socio-economic history of Russia. - M, 1971, p. 347.
7. Ignatius (Brianchaninov) [Ignatiy (Bryanchaninov)], bishop. Op. in 5 volumes. St. Petersburg. 1905. T. IV, 572 p.
8. Kemerov V. E. The concept of radical sociality [Kontseptsiya radikal'noy sotsial'nosti] // Problems of Philosophy. 1999. No. 7, pp. 3-13.
9. Kurochkina O. P. Criticism of the theory of values in modern philosophy [Kritika teorii tsennostey v sovremennoy filosofii]. Vladivostok, 2000, 149 p.
10. Mayorov G. G. The Formation of Medieval Philosophy: Latin Patristics [Formirovaniye srednevekovoy filosofii: Latinskaya patristika]. M., 2009, 296 p.
11. Markov B. V Philosophical anthropology [Filosofskaya antropologiya]. SPb.: Peter, 2008.
12. Mininkova L. V. Suzerainty-vassalage in pre-Mongol Rus [Syuzerenitet-vassalitet v domongol'skoy Rusi]. Rostov-n / D: Publishing house SKNTs VSh, 2007, 520 p.
13. Mironov A. V. Social contract: transformation of emotional into rational in moral agreement [Obshchestvennyy dogovor: transformatsiya emotsional'nogo v ratsional'noye v moral'nom soglasenii] // SocioTime / Social time. - 2019. - No. 4 (20). - S. 28-36. - DOI: 10.25686 / 2410-0773.2019.4.28
14. Omelchanko E. V. The problem of egoism in the works of Z. Freud [Problema egoizma v rabotakh Z. Freyda] // Journal of practical psychology and psychoanalysis. 2014. No. 3. URL: <http://psyjournal.ru/> (Date of access: 01.10.2014).
15. Osipov A. I. The Way of Reason in Search of Truth [Put' razuma v poiskakh istiny]. Moscow: Ed. Sretensky monastery, 2003. 496 p.
16. Platon. Collected works [Sobraniye sochineniy] in 4 volumes: Volume I. General. edited by A. F. Loseva et al. M.: Mysl', 1990, 860 p.
17. Polishchuk R. F. Peace and Russia in the world from the point of view of physics [Mir i Rossiya v mire s tochkoi zreniya fiziki] // SocioTime / Social time. - 2018. - No. 2 (14). - S. 34-45. - DOI: 10.15350 / 2410-0773.2018.2.34
18. Presnyakov A. E. Princely law in Ancient Rus. Essays on the history of the X-XII centuries [Ye. Knyazhoye pravo v Drevney Rusi. Ocherki po istorii X-XII stoletiy]. SPb.: Printing house of M. A. Alexandrov, 1909. 315 p.
19. Seminars on the history of world spiritual culture [Seminarskiye zanyatiya po istorii mirovoy dukhovnoy kul'tury]. Part number 3 / ed. Radoveljama M.R., Andreeva O.I., Petkova S.M. Rostov-on-Don, 1996, p. 152.
20. Stolyarov A. A. Scholastic philosophy. Introduction. Socio-cultural context of the development of medieval philosophy [Skholasticheskaya filosofiya. Vvedeniye. Sotsiokul'turnyy kontekst razvitiya

srednevekovoy filosofii] / History of philosophy. West-Russia-East. // Book one. Philosophy of Antiquity and the Middle Ages. M.: Grekolatinsky office, 1995, pp. 181-187.

21. Timkuk Julfa Aharon Dialogical Aspect of African Communitarianism in Ubuntu Philosophy (Philosophy of Humanism) [Dialogicheskiy aspekt Afrikanskogo kommunitarizma v filosofii ubuntu (filosofiya gumanizma)]. 2017. DOI: 10.25136 / 2409-7144.2017.9.21348

22. Khomyakov A. S. Complete collection op. [Polnoye sobr. soch.] T.2. Ed. 3. M. 1886, 450 p.

23. Shalaev V.P. Caution, mutation: man and society facing the challenges of globalization, Westernization and consumption: the contradictions are growing [Ostorozhno, mutatsiya: chelovek i obshchestvo perez vyzovami globalizatsii, zapadofikatsii i potrebleniya: protivorechiya narastayut] // SocioTime / Social time. 2015. No. 3. P. 48-57.

24. Shishkin A. E. People's University of Social and Political Technologies "Ladomir" [Narodnyy universitet sotsial'no-politicheskikh tekhnologiy «Ladomir»]. Samara: Dream, 2018, 444 p.

25. Yushkov S. V. Social and political system and the law of the Kiev state [Obshchestvenno-politicheskiy stroi i pravo Kiyevskogo gosudarstva]. M.: State. publishing house of legal literature, 1949, 544 p.

26. Arne T. J. Det stora Svitjod. Essauer om gangna tidens svensk-ruska kulturfobindelser. / T.J. Arne. Stockholm, 1917. P. 37—63.

27. Battle M. Ubuntu: I in you and you in me. Church Publishing, Inc., 2009. 180 p.

28. Crocco M. Innovation and Social Probable Knowledge // Cambridge j. of Economics. — L., 2003. Vol. 27. № 2. P.177-190.

29. Menkiti, Ifeanyi A. "Person and Community in African Traditional Thought." In African Philosophy, an Introduction, edited by Richard Wright, Lanham, Md.: University Press of America, 1984. P.171—182.

30. Sandel, M. Liberalism and the Limits of Justice. Cambridge University Press, 1998 (first edition 1982).

Author's Bio

SHISHKIN Alexey Efimovich, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of Social Philosophy, Department of Social and Cultural Activities and Pedagogy, Kazan State Institute of Culture, Kazan, Russia. E-mail: ladomir12345@rambler.ru.

Библиографическая ссылка

Шишкин А. Е. Факторы энтропии коммунитаризма и его апологетика // SocioTime / Социальное время. — 2021. — № 2 (26). — С. 36-45. — DOI: 10.25686/2410-0773.2021.2.36

УДК 316

DOI: 10.25686/2410-0773.2021.2.46

ПРЕДСВАДЕБНОЕ ЗНАКОМСТВО ЧУВАШСКОЙ МОЛОДЁЖИ: ТРАДИЦИИ И ТРАНСФОРМАЦИИ

Н. С. Волкович

Независимый исследователь, Санкт-Петербург (Россия)

Введение. В статье автор пытается раскрыть семантику знакомства парня и девушки в чувашской среде, а также проследить ход трансформации этого феномена во времени и пространстве. Отсутствие предметных исследований о трансформации брачных знакомств чувашей, современный кризис института семьи совокупно свидетельствуют о высокой актуальности статьи.

Методы. Концептуальной особенностью статьи является хронологический анализ доступных письменных источников с их постоянным сопоставлением с результатами экспедиций автора и фольклорными материалами. Некоторые из цитируемых письменных источников касаются мест, куда автором были осуществлены целевые экспедиции. Это наглядно показывает «как было» и «как стало». Метод комплексного подхода позволяет провести всесторонний анализ по этой проблематике. Полевые исследования включают в себя глубинное интервьюирование.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. В статье анализируются традиции и трансформация брачных знакомств чувашской молодёжи. Знакомство молодых в XVIII–XX вв. разительно отличается от того, что происходит в наши дни. Привлечённые источники конкретно указывают не только на сами отличия, но и на их причины. За знакомствами с целью создания семьи стояла налаженная система. В целом, трансформация имеет собственный вектор, свои причины и закономерности.

Заключение. Знакомство рассматривалось как один из этапов создания благополучного брачного союза в рамках рода. Брачный союз в свою очередь лежал в основе благополучия всего рода, его пролонгации. Существовавшее некогда единство рода полностью растворяло в себе личное. Самостоятельное знакомство не имело смысла. Только единое согласие всех колен родни санкционировало будущий брак. Одобрение брака происходит на уровне всей истории рода от умерших до живых.

Ключевые слова: свадьба, знакомство, чуваш, экзогамия, род, семья, традиция, трансформация, единство, преемственность.

Введение. Целью статьи является раскрытие семантики знакомства парня и девушки в чувашской среде, а также прослеживание хода трансформации этого феномена во времени и пространстве. В статье ставятся следующие задачи: хронологически проанализировать существующую литературу, разделить материал на тематические элементы, задействовать результаты экспедиций автора и использовать фольклорные материалы. Всё это призвано верифицировать результаты, выявить их трансформацию и определить наиболее устойчивые части традиции. Актуальность исследования обосновывается отсутствием предметных работ о трансформации

брачных знакомств у чувашей. Востребованность работ по данной теме также связывается с активным поиском путей выхода из существующего кризиса института семьи. Практически все без исключения исследователи, начиная с XVIII века, делали заметки о знакомствах, свадьбах, браке, семьях в среде чувашей. Но до определённой поры они были разрозненными. Целенаправленные исследования появились только во второй половине XX века. П. П. Фокин является одним из первых этнографов, кто стал разрабатывать тему брака системно. Он же составил достаточно подробную и до сих пор актуальную историографию в этой области [17, с. 5-8]. Из авторов, занимающихся обсуждаемой проблематикой в XXI в., следует назвать И. Г. Петрова, Е. А. Ягафова, А. А. Осипова. Поиск брачного партнёра не однолинейное действие, этот процесс многофакторный и многосложный. Знакомство тесно связано с, казалось бы, косвенными моментами. В данном случае представленный материал и носители культуры указывают на актуальность задействованных элементов.

Методы. Используется классический для этнологии метод комплексного подхода. Наряду с материалами этнографических экспедиций автора был привлечён значительный круг письменных источников, фольклор. Автор совершил целевые экспедиции к чувашам. Это — цильнинские чуваша Ульяновской области, нурлатские чуваша Республики Татарстан, афонькинские чуваша Самарской области. Выбор локаций вне Чувашской республики связан с обособленным проживанием чувашской диаспоры, что, как известно в этнологии, консервирует традицию в сравнении с основным ареалом проживания этноса. Кроме того, некоторые из цитируемых письменных источников касаются этих мест. Полевые исследования включают в себя глубинное интервьюирование.

Выбор метода обусловлен тем, что этнографы XVIII-XXI вв. и информанты описывают знакомство в контексте системы. К ней относятся, казалось бы, на первый взгляд отстранённые элементы: воспитание, труд, приспособление к внешней среде, уклад и т. д. Автор для раскрытия исследуемой темы неминуемо вынужден следовать за материалом.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. Во время Второй Камчатской экспедиции 1733-1743 гг. Г. Ф. Миллер зафиксировал среди чувашей факт сватовства сыновей в возрасте 5-6 лет [9, с. 67]. Он же добавлял: «Сватовство происходит посредством третьего человека: к тому же, когда жених ещё молод, или состоит под властью отца своего, то за него сам отец сватает» [9, с. 70]. Выделяются категории женихов: парни до 10 лет, которых обязательно женит отец; парней 11-17 лет также сватает отец; самостоятельные парни (обладающие материальной независимостью и желающие сами выбирать себе невесту). Рудименты влияния родительской воли на брак детей за последние десятилетия исчезают.

Автор: А жену сами подбирали или родители?

М. Б. и В. Б.: Родители!

Л. У., дочь (удивляется и переспрашивает, переходя на чувашский): Родители что ли вас поженили!?

М. Б. и В. Б.: Родители!

Л. У., дочь: Я не знала! Я без родителей знакомилась с мужем [ПМУ 2016: М. Бикмендеев (муж), 1926 г. р.; В. Бикмендеева (жена), 1930 г. р.; Л. М. Узикова (дочь), ок. 1960-х г. р.].

Родители добровольно не пытались перенести собственный традиционный опыт на своих детей. У дочери не было даже представления, что брак её родителей был по воле родни.

Инф.: Когда жениха / невесту выбирали родители — это было давно уже.

А. Т.: Мне сейчас надо троих замуж выдать. Откуда я знаю, кто у них женихи. Внучки же в Москве, Перми, Чувашии живут [ПМТ 2017: Л. С. Емельянова, 1939 г. р.; А. С. Терентьев, 1936 г. р.; В. А. Терентьева, 1940 г. р.; З. Ф. Терентьева, 1947 г. р.; М. А. Перепёлкина, 1937 г. р.].

Территориальная разбросанность сводит влияние родни на выбор брачного партнёра детей и внуков практически к нулю.

Р. Р.: Ну это раньше у нас было, когда родители указывали. В наше время мы уже сами выбирали. Моя мать не вышла замуж, он её бросил. Свадьбы не было. Мать-одиночка у меня мама. Вот мою маму так отказывали, отказывали ей его родители. Грубо говоря, выбраковывали.

Автор: У нас в городе сватов мы не засылаем. У вас сохранилось?

Г. М.: Это и сейчас есть, сватов засылаем. Родители мою жену одобряли, я вначале её домой привёл познакомиться до сватовства [ПМС 2018: Г. И. Макаров, 1942 г. р.; А. Е. Рыбаков, 1972 г. р.; Р. В. Рыбакова, 1949 г. р.].

Кроме очевидного смысла в этом диалоге о родителях и знакомстве затрагивается также тема со сватовством. Родня, не согласная с кандидатурой невесты, не пойдёт свататься. Система контроля над выбором молодых была организована многоступенчато и, следовательно, с большим запасом прочности. Происходит разложение. Воля родителей уже не явно через знакомство, а через другие каналы в общности (ещё не исчезнувшие) продолжает корректировать выбор.

«Вернулся с армии, походил три года после армии. Пора тебе жениться, родители говорят. Они сказали, когда и кто» [ПМС 2018: М. Т. Исмендеев, 1933 г. р.].

Этот брак для Михаила Туймендеевича стал единственным и на всю жизнь. Живёт с женой, в соседнем доме — сын с семьёй.

«Вот жена Черемшанского района, у меня двоюродная сестра там. Сестра замуж вышла и там живёт. Мне 26 лет было. Я к ней приехал в гости на праздники. А она: „Когда женишься?“. А я говорю сестре: „В Афонькино невест нет, найдите“. А там полдеревни тоже некрещёные и крещёные были. Пошли в клуб, они познакомили меня с женой» [ПМС 2018: Н. Я. Рыбаков, 1955 г. р.; В. С. Рыбакова, 1958 г. р.]. Два последних диалога описывают процесс знакомства с разницей примерно в тридцать лет (50-е гг. и 80-е гг. прошлого века). Это — прекрасная демонстрация вектора трансформации: инициатива знакомства с последующей женитьбой переходит от родителей к сыну. Но само знакомство организуется роднёй. В XXI в. из процесса знакомства родители будут вытеснены почти полностью.

В выдержках из ведомости Симбирской провинциальной канцелярии 1740-х гг. констатируется: «В супружество они вступают таким образом: к невестину отцу женихов отец посылает сватов... В родстве и в свойстве не близко, ни далеко не берут. И не токмо чтоб в свойстве, но и без свойства в своих деревнях не берут, вменяя в грех и в стыд» [4, с. 283].

По наблюдениям Н. Лейхтфельда на самое начало XX в., родительская воля в выборе невесты играла первоочерёдную роль [5, с. 87].

Приведённые этнографические факты подтверждают правило не брать невест из своего села. В посиделочных песнях прямым текстом идёт трансляция существующих табу. Избранница, согласно традиции, должна быть из другой деревни [19]. Ибо чувашская деревня основывается одним или несколькими родоначальниками, поэтому жители одной деревни всегда представляли круг родственников [10, с. 70]. В крупном селе родов становилось много, поэтому там такой закон перестаёт соблюдаться.

Автор: Вы всё из этого же села!?

Инф.: Нет, мы с соседних сёл пришли! Андрей Степанович и Людмила Семёновна с этого села [ПМТ 2017: Л. С. Емельянова, 1939 г. р.; А. С. Терентьев, 1936 г. р.; В. А. Терентьева, 1940 г. р.; З. Ф. Терентьева, 1947 г. р.; М. А. Перепёлкина, 1937 г. р.].

Из четырёх женщин только одна вышла замуж в свою деревню. Андрей Степанович, как и положено правилом патрилокальности, из своей деревни при женитьбе не уходил. В начале беседы они говорили, что такого правила нет. Правило замужества в соседнюю деревню соблюдалось, а сам регламент самими носителями культуры не понимался. Это является отчётливым признаком разрушения нормы. Но традиция ещё держалась (контролировалась) по инерции.

Отвечая на мой простой вопрос: «Из какой деревни жена?», Василий Алексеевич привёл счёт родства в его деревне: «Первый человек, пришедший сюда в эту деревню был Эльментюк, 1620-е годы примерно, 400 лет назад, у него сын Ильтепхин, у Ильтепхина Ильтирек и Ильментей. Вот теперь дальше идём! Ильтирек. Теперь наша линия пошла Ильтирек — это мой пра-пра-прадед, наверное. У Ильтирека сыновья Тюмака, Сильмук, Паймук. У Сильмука сын Селентей, у Селентея сын Эхтюк — это мой отец. Что я хотел сказать: у Паймука Влатимёр и Питимёр есть ещё. Вот мы дошли сейчас: у Питимёра рождается девочка, Тяхти зовут её. У Тяхти дочь Теви, а Теви бабушка моей жены. У Теви сын Эхтюк, у Эхтюка дочь Мария, моя жена. Она получается с нашей крови» [ПМА: В. А. Селендеев]. Сам ответ характеризует отношение чувашей к своим предкам. Интуитивно существует устойчивая связь между локацией и родовой идентификацией. Кроме того, до брака обязательно проводился счёт кровного родства. Причину трансформации обычая брать невест из чужой деревни Василий Алексеевич связывает с поиском невест общей чувашской веры. В XIX веке и ранее конфессиональных проблем не наблюдалось, т. к. чувашаи этой местности придерживались собственной веры. Этот аргумент становится актуальным только в XX и XXI вв., когда стал меняться конфессиональный

облик поселений. Религия является маркером принадлежности к единой культуре и системе ценностей. Очевидно, что принято было создавать семьи с обязательным соблюдением обычая брать невесту из другой деревни. Возникновение этого правила носители культуры неосознанно связывают с локализацией рода в рамках одной деревни. Позднее он дополняется попыткой сохранения чувашской веры.

Выясняю механизм контролирования соблюдения традиции. «Могли немного посмеиваться: „Вот на своей сестре женился...“» [ПМУ 2016: В. А. Селендеев, 1937 г. р.]. Трансформация постепенно перекраивает былые порядки. Происходит сдвиг в механизмах контроля (непреложное повсеместное соблюдение → активное подавление девиаций → высмеивание/критика → безразличие). Чувашки более поздних годов рождения не идентифицируют обычай жениться на девушках из чужой деревни [ПМС 2018: В. И. Портнов, 1951 г. р.].

В письмах о своих путешествиях 1831-1834 гг. А. А. Фукс предлагает следующую интерпретацию традиции выдавать замуж не в свою деревню. Если сын хотел непременно жениться на девушке из своего села, то отец парня «отвечал, что у них считается стыдом отдавать дочерей, или женить сыновей в своих деревнях; потому, что все могут подумать, будто бы они любили друг друга до свадьбы. Да и грешно! — сказал один из стариков (верно, собранных для совещания), очень грешно жениться на той девке, которую каждый день видишь! — Да и счастья не будет, возразил сердито другой старик. Как можно делать свадьбу, не выехавши из полевых ворот» [18, с. 26]. Первая гипотеза, приведённая А. А. Фукс, на наш взгляд, не вполне объективна по той причине, что в то время в деревне ещё не существовало даже такого понятия, как контрацепция. В результате любовной связи парня и девушки из одного села последняя вероятней всего стала бы беременной. В экспедициях автору этих строк пожилые женщины прямо говорили об отсутствии возможности планирования беременности. Как объясняли мои информанты, в советские годы женщины для этого выбирали единственно доступный способ: постоянный отказ в интимной близости своему мужу при наличии 3-4 детей.

Полный отказ в удовлетворении естественных желаний главы семьи в культурной среде с внешним почитанием мужа можно проинтерпретировать высокой условностью статуса хозяина в доме: «Приходит пьяный муж и кричит: „Кто в доме хозяин!? Кто в доме хозяин!?!“. Увидел жену: „А Вы, жёнушка, Вы!“» [ПМТ 2017: Л. С. Емельянова, 1939 г. р.]. «Они, жёны, настоящие хозяева!» [ПМТ 2017: А. С. Терентьев, 1936 г. р.]. В историческом плане женщины в итоге успешно решали вопрос изменения традиции многодетности за счёт «ограничения» мужа. «Молодые были, вот он провожал домой: ждёшь, не дождёшься, пока он поцелует. А потом, когда женатые, и не надо его! Пусть не подходит» [ПМТ 2017: Женщина, ок. 1930-х г. р.]. Сдвиг в сторону культуры малодетности фактически произошёл за счёт снижения рождаемости и, по нашим полевым данным, санкционирования интимных отношений. Если в середине XX в. в деревне не было надёжных контрацептивов, то в начале XIX в. их ещё не могло существовать. Если девушка становилась беременной вне брака с парнем из своей деревни, то шанс нормально выйти замуж у неё был

минимальным. «Раньше невесту с детьми не брали. Они, именно, девушками были, не женщинами» [ПМУ 2016: М. Бикмендеев, 1926 г. р.].

Беременная незамужняя становилась изгоем в своей деревне. Единственный исход для неё был брак с вдовцом при наличии у него детей от предыдущего брака [15, с. 135]. Однако необходимо знать следующее обстоятельство: «Выйти замуж за вдовца мешали предубеждения, суеверия о наведённой им „порче“ на покойную жену, о гнилости рода и др. Девушки старались избегать таких женихов» [12, с. 100]. Брак с биологическим отцом был затруднён в силу того, что девушку для парня сватали обязательно из другой деревни. Из этого всего следует, что боязнь быть уличёнными в половой связи до брака вряд ли могла быть первопричиной возникновения традиции выхода замуж в другие деревни. Традиция требовала не просто продолжения рода, а непреложного соблюдения условий межродовых брачных связей. Интересы рода, его выживание всегда стояли на первом месте и любой его член (независимо от «должности») был в первую очередь подчинён этому порядку.

Яркий пример сказанному — мотивация жён в условиях смены культуры регенерации: «Куда больше трёх детей? Не прокормить! Поэтому отказывали мужу» [ПМС 2018: Женщина, ок. 1930-х г. р.]. Думается, что и мужья осознавали правильность такого решения. Нерелигиозный celibat мужа и жены ради выживания детей нащупывает метафизическую сущность рода в жизни чувашей. Лично меня в поле как исследователя эмоционально удивляет способность людей не задумываться глубоко о смыслах происходящего. Для чувашской культуры крайне характерно строгое сохранение преемственности: «Старых порядков не меняем! Новых не придумываем!» [ПМУ 2016: В. А. Селендеев, 1937 г. р.]. В экспедициях, задавая вопрос старикам «Почему?», всегда следует ответ: «Не знаю, так принято». Крайне редко получаешь объяснения, которые, как правило, поверхностны. В первой половине XIX в. старики всё же брались разъяснять. По их ответам видно, что подлинная суть традиции и ими уже была утеряна (запрет кровосмесительных браков). Они просто оперировали большим количеством «цитат» из обрядов. Между знанием и пониманием есть определённая дистанция даже у самих исполнителей обрядовых действий.

Изменения собственной культуры происходят всегда по согласию между поколениями (чувство единства). С каждой новой генерацией вырабатывается нечто среднее, но, тем не менее, уже немножечко другое. Совокупность мельчайших изменений в целом формируют трансформацию. Если традиции больше не сохраняются и не понимаются, то они довольно далеки от реальных практик. Постепенно с ростом экономической самостоятельности и диффузии культурных навыков соседей (отхожие промыслы, поездка в город, индустриализация, глобализация в производстве и т. д.) происходит отказ от установок прошлого. Приобретение экономической свободы всё же скорее следствие, чем причина всё большей и большей самостоятельности. Процесс постепенного вытеснения патриархального рода гражданским обществом является первопричиной трансформации всего уклада жизни. П. А. Анорову удалось записать сведения о добрачной беременности сосватанных девушек. Он пишет: «разврат у чувашей неслыханное дело, со следующим только исключени-

ем, которое, по образу мыслей их, не почитается соблазном: молодые люди, сосватавшись, иногда до венца успевают сделаться отцами» [1, с. 196]. Для исследователя чувашской свадебной традиции — это очень значимая находка.

По собственным полевым материалам у нас есть достоверные и многочисленные сведения, что на последнем этапе своего существования (вторая половина XX века) свадебная традиция разрешала сожителство жениха и невесты до свадьбы. «Меня сначала забрал мой будущий муж. Мама приехала за мной, я не поехала с ней, осталась. Я согласная была. Мама хотела забрать меня оттуда. 43 года прожили» [ПМТ 2017: В. Ф. Кульметьева (Белова), 1951 г. р.]. Почти за двести лет до этого в записях П. А. Анорова мы находим сходные сведения о сожителстве до церемонии свадьбы [1, с. 196]. Следовательно, в традиции была определённая и, самое главное, санкционированная форма «досвадебных» встреч жениха и невесты. Позднее вектор трансформации упростил и распространил эту традицию уже в её примитивном сожителстве в виде гражданского брака.

Выше мы указывали на табуированность добрачной беременности. Но записи П. А. Анорова не противоречат, а лишь подтверждают общий канон. Рассмотрим две ситуации беременности до брака:

1. В результате «шалостей» девушки и парня она оказывается в положении. Жизнь девушки, по сути, уже сломана. «В то время строго было, только девушки невесты. А сейчас выходят с ребёнком! Тогда были стыд и совесть» [ПМС 2018: М. Т. Исмендеев, 1933 г. р.].

«По деревне: вот она такая-сякая с тем... Раньше жених уже замуж не берёт. Хоть от него, хоть от кого — жених беременную не берёт. Беременная, не беременная — узнает, что она с кем-то переспала — всё! Уже сбегал. А сейчас пока не поганный замуж не берут. Невеста, если не девственница, то пиво худой кружкой подавали. Как это стыдно было родителям. Может муж и сильно любил, но в семье уже всё, не уважали такую. Во время свадьбы рядом сидит молодёжь и похабные песни, частушки поют. Если она хорошая, то хорошие песни, а если знает про неё молодёжь, то какая она была» [ПМТ 2017: Л. С. Емельянова, 1939 г. р.; А. С. Терентьев, 1936 г. р.; В. А. Терентьева, 1940 г. р.; З. Ф. Терентьева, 1947 г. р.; М. А. Перепёлкина, 1937 г. р.].

2. «Досвадебная» (после сватовства) форма сожителства, зафиксированная П. А. Аноровым. Девушку сосватали. Её родня и родня жениха санкционировали будущий брак, соблюдена предсвадебная обрядность в полном объёме и канонам. Добрачная беременность правомерна, т. к. автор прямо указывает: «Не почитается соблазном».

Получается, что воля индивидуумов играет здесь последнюю роль, а законность брака контролируется родом. Негативность и позитивность возможных сценариев целиком зависят от родовой легитимности связи.

Для традиционного чувашского общества существовало жёсткое табу на сохранение девственности девушками. Экзогамный брак — это санкционированное обоими родами создание новой семьи в строгих условиях соблюдения интересов сто-

рон. Одним из важнейших интересов рода мужа является продолжение его рода, т. е. рождение детей исключительно по своей крови.

При отсутствии девственности у невесты нет уверенности в том, что рождённые ею впоследствии дети будут именно от жениха. Если круг рода разомкнётся, то это противоречит самой сути чувашской традиции. В этой теме не нужно игнорировать и интересы рода девушки. Девственность, кроме всего прочего, формализует ответственность за принимающей невесту стороной. Недопустимо, чтобы сторона мужа, имела бы возможность переложить с себя ответственность за девушку. Существовавший некогда порядок монолитности родни не потерпел бы риска жизни одного из своих членов: важным свойством уклада минувшей эпохи являлась полная и тотальная забота. Это свойство должно обязательно сохраниться при переходе девушки из одного рода в другой. Иначе и быть не могло. После первой брачной ночи могла быть вывешена простыня новобрачных с естественными доказательствами дефлорации. Для рода мужа неприемлемо, например, только вербальное утверждение новобрачных о биологическом отцовстве жениха. Требуется демонстрация всему роду. В последующем она уже в статусе жены неоднократно станет матерью. В этих случаях гарантируется биологическое отцовство мужа. Дело в том, что нет полного доверия между родами. В статусе жены женщина находится под присмотром рода мужа и отсюда берётся гарантия чистоты крови. Чужим же род может и доверять, но при условии убедительных доказательств.

Мной в экспедиции были записаны воспоминания позднего советского периода: будучи молодым парнем, мужчина прикинулся шофёром сломавшейся машины, чтобы впервые войти в дом родителей своей будущей жены. Причём мужчина остался круглой сиротой в раннем детстве и воспитывался в детском доме, т. е. не соприкасался напрямую с обычаями [ПМС 2018: Н. Я. Рыбаков, 1955 г. р.]. Точно так в традиции, впервые оказавшись в доме невесты, сват всегда разыгрывает отца девушки. Было не принято сразу прямо говорить об истинной цели своего визита. Свааты прикидывались, например, путниками или покупателями скота. На этом примере культурная среда демонстрирует уникальную преемственность. Люди одной культуры мыслят и чувствуют на «одной волне» (самосознание). Так и в прошлом сын или дочка вступали в брак по воле родни, потому что личность была выражена через свой род. Остатки общинного мышления доживают сегодня в сознании стариков. «В деревне держатся хороших людей. Тут основа — держаться за хороших. Я жену другим местом выбирал (имеется в виду не мужской детородный орган. — Н. В.). Я знал, что она мне нужна. Сердце схватывало. Мы чувствуем ладных людей. Мы с женой до свадьбы три года дружили. Близости никакой не было. И у всех так было» [ПМС 2018: Мужчина, ок. 1940-х г. р.].

«Хорошие», а значит, и отрицательные характеристики распространяются, соответственно, не персонально, а совокупно на весь род. Знакомства, по С. М. Михайлову, происходили на межсельских праздниках. В основном на сёмёк собираются парни и девушки. Также это касается весеннего молодёжного праздника верховых чувашей Пултран пасар [10, с. 69]. По воспоминаниям современников (возраст

70-90 лет), некоторые из их бабушек и дедушек только на свадьбе увидели своих мужа или жену: «Моя вот бабушка была из другого рода, из деревни Якушкино. Было ей 20 лет. А дед мой егоркинский, ему 27 лет было. Вот просватали. На свадьбе она только его впервые увидела» [ПМТ 2017: Л. С. Емельянова, 1939 г. р.]. Значит, такие браки встречались даже на рубеже XIX—XX столетий. Зафиксированный Г. Ф. Миллером факт юного возраста женихов (XVIII в.) находит своё подтверждение и в материалах В. А. Сбоева (XIX в.): «Чувашлята женятся в самой ранней юности. Чувашские красотики напротив засиживаются в девках очень долго» [16, с. 26]. Признаком, который смог локально сохраниться столетиями, должен иметь глубокую логику своего существования. В беседах чуваши уже или неосознанно говорили о таком обычае, но сами не соблюдали, или его и не знали вовсе:

Автор: Вот Вы сказали, что жёны раньше умирали. Это потому, что разница в возрасте была?

В. С.: Ну это по-разному было. У меня товарищ так женился, ему 14-15 лет было, его женили. Он женился вынуждено, мать болела, невеста взрослая уже — лет 20-23. Лет на 6-8, наверное, старше она была. Но они вместе не жили, она позже ушла от него [ПМУ 2016: В. А. Селендеев, 1937 г. р.]. В этом примере выявляется легитимный сценарий женитьбы сына в 14-15 лет. В кризисной ситуации задействуется историческая память принятых раньше обычаев. Но система уже другая, поэтому и следует развод. Ранний возраст женихов (около 15 лет) и, наоборот, относительная зрелость (25-30 лет) невест — всё это вновь указывает на внешнюю зависимость от установленных обычаев, которые соблюдались в рамках рода.

«Девушки... часто бывают старше женихов, так как чуваши дорожат работницами в семье и не торопятся выдавать их» [2, с. 158]. По наблюдениям авторов упомянутой публикации, возраст женихов составляет 19-20 лет. Статистические данные на конец XX века указывают на мизерное количество браков с соблюдением обычая в разнице возраста [7, с. 6, 9]. Часто полностью отпадают обычаи, некогда бывшие обязательными. Разрыв в возрасте брата и сестры при женитьбе позволяет роду консолидировать ресурсы перед выходом невесты из своего рода (рабочая сила, приданое). Чем раньше женится сын и позже выходит дочь, тем выше концентрация рабочих рук в роду и семье (сын, жена сына, взрослеющие дети сына, дочь, конечно, сам жених). Так легче мобилизоваться в случае внешних угроз и беспроblemно решать текущие вопросы. Со временем растёт устойчивость рода от внешних условий ввиду изменения преобладающей экономической парадигмы (смена периода домашнего способа производства) [14, с. 120, 130, 152]. Разница в возрасте невесты и жениха перестаёт влиять на выживание. Обычай разлагается.

В общем виде процесс воспитания от рождения был системным. Современники так вспоминают об оценке будущей невесты родителями жениха: «Раньше всю ткань сами делали. С этого и оценивали девушку. Как она делала эти полотенца, платочки там, украшения. Не то, что какая у ней грудь или ещё что, а как она в работе» [ПМС 2018: Р. В. Рыбакова, 1949 г. р.]. В институциональной иерархии атрибутика идентифицирует личность. В родовой системе общественное уважение зарабо-

тивалось не атрибутикой, а личным трудом. «Платки, полотенца... С 8-ми лет уже делала» [ПМС 2018: Ю. Т. Сидулганова, 1933 г. р.]. Девушка или парень воспитывались фундаментальной традицией, главной задачей при выборе брачного партнёра было нахождение избранника в той же системе ценностей.

Л. Е.: Нас две сестры было, нам лениться было некогда. Шесть (классов. — Н. В.) кончила — снопы вязать ходила, семь кончила — тоже вязала и молотила, восемь кончила — на комбайне работала во время уборки, на таком, который прицепом к трактору, девять кончила — тоже на комбайне, десять кончила — поступать-учиться ходила. Лениться некогда было.

Автор: Лёг на диван, папа с мамой говорят: «Иди, работай», а ты говоришь: «Идите подальше» — и лежишь на диване. Так нельзя было? Как сейчас?

Л. Е.: А во что было одеваться и обуваться, и кушать, если не будешь работать?

Автор: Как!? Родители пусть одевают. Пусть содержат — они же родили.

Л. Е.: Нас четверо было, не знаю. Даже об этом не думали [ПМТ 2017: Л. С. Емельянова, 1939 г. р.]. Ребёнок понимал, что означает общий ресурс семьи и непосредственно участвовал в нём. Каждый вносил ценность для всех, в том числе и для себя. Эта модель характерна для патриархального уклада.

Человек рос, жил и умирал в пределах одной деревни (по сути, объединения родни). Легитимный выход человека из рода — это только замужество. Покойники в обрядности чувашей не исключаются, так как входят в круг родни наряду с живыми. «Покойные родственники — те же родственники, но как бы уехали» [ПМС 2018: Р. В. Рыбакова, 1949 г. р.]. Умирая, человек не выходил из круга рода, просто менялся его статус. Все институты (воспитание, семья, экономика и т. д.) находились в руках рода. Хорошая жена (желаемая) у чувашей ретранслировала установленный родом набор ценностей. Её красота вытекала от её соответствия нужным в той жизни ценностям. Чем полнее она обладала трудолюбием, терпимостью и другими традиционными качествами, тем более она считалась красивой. «Если у меня густо посеянный хлеб, то целый год я не знаю заботы. Если у меня будет здоровая хозяйка, то до конца жизни я не буду знать горя», — это строки из народной песни [3, с. 40]. В статье А. Лукошковой затрагивается очень важный для чувашей принцип паритета в браке: союз заключается между равными родами [6, с. 88].

По экспедиционным данным Хейкки Паасонена 1898-1902 гг., начальная стадия знакомства (подбор невесты) находится в руках его рода и не ограничивается родителями жениха [21, s. 1-2]. Система неукоснительно управляется патриархальными законами, поэтому родители тут — сами подчинены этим законам. «Это род, род — это не то, что племянники, зять, сноха. Это род, корень дальше. Это по-чувашски родне» [ПМС 2018: Р. В. Рыбакова, 1949 г. р.].

В записях К. П. Прокопьева также отмечается межсельский формат знакомства на хороводах, базарах, посиделках ларма [13, с. 3].

К уже названным базарам, хороводам, капусткам, ларма, улахам и др., Дюла Месарош добавляет ещё один формат знакомства молодых. Речь идёт о межсельском обряде хёр сәри (букв. «Девичье пиво»): «Это не что иное, как пир, танцы, ве-

селье, устраиваемые деревенскими девушками, на которые приглашаются парни, а также молодёжь соседней деревни...» [8, с. 170]. Улахи проводятся в кругу односельчан. Формируемые здесь пары будут разрушены позднее для традиционного брака с партнёром из чужого сёла. Тут нужно общаться со сверстниками, уметь постоять за себя, происходит первичная сексуальная инициация, девушкам необходимо блюсти себя девушками при общей дозволенности игр [8, с. 172-173].

Утка, которая не умеет плавать — Зачем же пришла к воде? Парень, который не умеет общаться — Зачем же пришёл на посиделки? [20].

«Я сама родилась в соседнем селе Туарма. На улах парни играли на балалайках, гитарах. Девчонки ходили, плясали на посиделках, гуляли и рукодельничали. А потом уже Миколов день летом — уже хоровод, Уяв, по-нашему. И там знакомились с парнями. Я с детства делала приданое. Я в тухья ещё ходила» [ПМС 2018: М. И. Маркелова, 1921 г. р.]. Тухья — это девичий головной убор, который во время свадебной инициации заменяется на сурпан. Суровым испытанием для девчат и ребят был разрыв отношений в угоду решению рода. Ведь на улахе завязывались сентиментальные отношения [18, с. 40]. Способность подчиниться традиции, а точнее — принять решение родни как своё, несомненно, формировало характер и наделяло опытом, который должен будет передаться будущими детьми. Единство и родовая самоидентификация могли проистекать в условиях доверия между членами рода. Поэтому решение родителя о женитьбе или замужестве не воспринималось как насилие одной воли над другой. Дети были настолько сопряжены с родом, что общее решение воспринималось участниками, по сути, как своё.

Термин *çичё* ют «чужак седьмого колена» — понятие крайне распространённое в быту и фольклоре. Табуируется шесть колен [8, с. 170]. Сегодня браки осуществляются вплоть до 3-4 колен. «До 7 колен не следили — полюбила парня и всё! Раньше следили, сейчас нет. Сейчас до четвёртого можно ещё, но третий нельзя. Да мы сами и не помним, почему седьмое» [ПМТ 2017: Л. С. Емельянова, 1939 г. р.; А. С. Терентьев, 1936 г. р.; В. А. Терентьева, 1940 г. р.; З. Ф. Терентьева, 1947 г. р.; М. А. Перепёлкина, 1937 г. р.].

Очевидно, что в условиях экзогамного брака должны были быть формализованы отношения жениха и невесты, в том числе и в отношении членов взаимобрачующих родов и, скорее всего, в целом между этими членами родов [9, с. 68, 70; 16, с. 76]. Формализация распространялась на всех родственников объединяющейся группы, представленные тремя дееспособными поколениями с двух сторон (братьев-сестёр, родителей и дедушек-бабушек). Первичным являлось санкционирование брака тремя активными коленами рода жениха и рода невесты. Условия межродового договора могут реализовываться только при соблюдении общего согласия. Брак был возможен обязательно при условии всеобщего одобрения. Для восходящей ветви потомства, т. е. детей, правило седьмого колена могло быть взято на основе сформированной браком совокупности родни. Рождённый в экзогамном браке ребёнок является роднёй для совокупности родни невесты и совокупности родни отца (по 3 колена со стороны матери и отца).

«Освобождение» женщины (начало XX в.) предполагает, прежде всего, её свободу в поиске брачных партнёров, не стеснённое родительской волей, национальностью, устоями прошлого [11, с. 19]. Стала создаваться питательная среда для возникновения и развития индивидуальности, что на базовом уровне никак не сопрягалось с тем «тоталитарным» единством, в котором существовал некогда род. «Сейчас мужики не нужны. Раньше замуж всё хотели. В лес надо было ходить. Мужик не в моде сейчас. Дружно живущие семьи, их мало. Брат и сестра сейчас воюет» [ПМС 2018: М. Т. Исмендеев, 1933 г. р.].

«Раньше отец помогал детям, если может дом строит. Сначала старший уходит, потом другой, а самый младший остаётся с родителями. Такого-то сейчас нет! Сам разбирайся. Детей воспитывали с малых дней. Трудолюбие мальчикам и девочкам прививалось. Воспитывали трудом. Сейчас воспитывают едой и деньгами. Мы внуками командовать не можем как раньше!» [ПМС 2018: Г. И. Макаров, 1942 г. р.; Р. В. Рыбакова, 1949 г. р.].

Демонтаж власти рода осуществлялся и осуществляется под разными, казалось бы, позитивными девизами: свобода личности, свобода выбора, самовыражение, неприкосновенность любви и др. Что в конечном итоге позволило свести воедино такие вещи, как эгоцентризм, безделье, леность, развращённость. Всё это стало ценностью неприкосновенной личности. Но что же человеку остаётся делать в созданной деструктивной системе ценностей — вопрос открытый.

«В школе учились, мы уже ткали. Приданное готовили. Не тяжело. Нормально» [ПМТ 2017: Л. С. Емельянова, 1939 г. р.; А. С. Терентьев, 1936 г. р.; В. А. Терентьева, 1940 г. р.; З. Ф. Терентьева, 1947 г. р.; М. А. Перепёлкина, 1937 г. р.]. «Замуж выходить мама ткала: по семь полотенец нам. Всем невеста дарит. Сейчас покупное дарят...» [ПМТ 2017: О. Б. Карчукова, 1930 г. р.; Е. Н. Перепёлкина, 1940 г. р.; В. Ф. Кульметьева (Белова), 1951 г. р.; Л. Ф. Молейкина (Корчукова), 1957 г. р.; Г. Ф. Перепёлкина, 1959 г. р.]. В. А. Селендеев позитивно расценивает доминирующую роль родителей в выборе невесты. Выбиралась невеста в той же системе ценностей (например, некрещёные чуваша), что и семья жениха [ПМУ 2016: В. А. Селендеев, 1937 г. р.]. Ощущение существовавшей некогда системы воспитания у деревенских стариков осталось. По их мнению, муж никак не может воспитать жену. Трудолюбие, заботливость, терпимость и другие качества транслировались через семью, шире — через род.

Автор: В чём сила была ваших мужей, что вы такие покладистые? Вы как вышколенные. Это вас так мужья?

Инф.: Нет, это мы такая нация. Женщина должна ухаживать за мужиком. Это испокон веков. По крови идёт, наверное, женщина должна, всё делать.

В. К.: У нас в деревне я всегда не согласна была, что муж не должен убирать и не готовят мужики [ПМТ 2017: О. Б. Карчукова, 1930 г. р.; Е. Н. Перепёлкина, 1940 г. р.; В. Ф. Кульметьева (Белова), 1951 г. р.; Л. Ф. Молейкина (Корчукова), 1957 г. р.; Г. Ф. Перепёлкина, 1959 г. р.]. «Я как жену могу воспитать? Если она — всё умеет! А молодые теперь — ничего не умеют. По клубам бегали. Говорят, не надо уметь. В

магазине куплю» [ПМС 2018: Н. Я. Рыбаков, 1955 г. р.]. Иллюстрация механизма трансформации: Вера Фёдоровна внутренне была не согласна с таким положением — через поколение девушки осознанно отказываются от традиции.

Заключение. Для чувашской традиции характерно, что все элементы были увязаны в общую систему. Знакомство рассматривалось как один из этапов создания благополучного брачного союза в рамках рода. Брачный союз в свою очередь лежал в основе благополучия всего рода, его пролонгации. Родовой уклад жизни сформировал традиционную чувашскую культуру. Последующая централизация власти, её потеря родом, переход к гражданскому обществу, индустриализация экономики спровоцировали полный развал существовавшей некогда системы ценностей. При знакомстве должна была учитываться вера, воспитание, внутренние качества, происхождение, девственность, счёт родства, локация и т. д., всё то, что будет оказывать влияние на будущий брак, а точнее — репродукцию самого рода. Род не был вотчиной только патриархов. Род — это единое тело родни (живых и умерших): идеология целого из всех членов рода. Все члены, без исключения, подчинены определённым правилам и законам.

История брачных обычаев и их трансформации — это постоянный поиск баланса между жизнью и внешними угрозами. Система постоянно находилась и находится в состоянии актуализации с сегодняшним днём. При переходе от многодетных к малодетным семьям женщинами для выживания была использована определённая тактика. Рождение экзогамии является выработкой необходимого сценария для продолжения жизни. Точно такая же формулировка уместна и для корректирования размера семей. Главным выводом статьи является то, что существовавшее некогда единство рода полностью растворяло в себе личное. Самостоятельное знакомство не имело смысла. Только единое согласие всех колен родни санкционировало будущий брак. Одобрение брака происходит на уровне всей истории рода от умерших до живых, т. е. в условиях подлинного единства родни.

Список литературы

1. Аноров П. А. Нравы и поверья чуваш // Сын Отечества. СПб., 1838. Т. 3. С. 195-204.
2. Ашмарин В. И., Шкапский Е. С. Чувашская свадьба // Этнографическое обозрение. М., 1890. Кн. V, № 2. С. 157-168.
3. Ашмарин Н. И. Сборник чувашских песен, записанных в губерниях Казанской, Симбирской и Уфимской. Казань: Имп. ун-т, 1900. 91 с.
4. Дмитриев В. Д. Два описания чувашей и чувашские словари второй четверти XVIII века // Уч. записки ЧНИИ. Вопросы археологии и истории Чувашии. Чебоксары, 1960. Вып. XIX. С. 270-302.
5. Лейхтфельд Н. Масляница и свадебные обряды у чуваш // Вокруг света. 1903. № 6. С. 87-90.
6. Лукошкова. А. Свадьба чувашского учителя // Иллюстрированная неделя. СПб., 1873. № 6. С. 88-90.
7. Магницкий В. К. Этнографическо-статистические данные о браках чуваш Казанской губернии. Казань: Имп. ун-т, 1892. 14 с.
8. Месарош Д. Памятники старой чувашской веры. Чебоксары: ЧГИИЧ, 2000. 360 с.
9. Миллер Г. Ф. Описание живущих в Казанской губернии языческих народов, яко то черемис, чуваш и вотяков. СПб.: Имп. АН, 1791. Т. VIII. 99 с.

10. Михайлов С. Собрание сочинений. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2004. 509 с.
11. Михайлов А. И. Чувашка. М.: Охрана материнства и младенчества, 1928. 46 с.
12. Мухина З. З. Старые девы: маргинальная группа среди крестьян Европейской России (вторая половина XIX — начало XX века) // Пол. Политика. Поликультурность: гендерные отношения и гендерные системы в прошлом и настоящем. М.: ИЭА РАН, 2014. Том 1. С. 97-100.
13. Прокопьев К. Брак у чуваш. Казань: Имп. ун-т, 1903. 63 с.
14. Салинз Маршалл. Экономика каменного века. М.: ОГИ, 1999. 296 с.
15. Салмин А. К. Праздники, обряды и верования чувашского народа. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2016. 687 с., ил.
16. Сбоев В. А. Чувашки в бытовом, историческом и религиозном отношениях: Их происхождение, язык, обряды, поверья, предания и пр. Москва: типография С. Орлова, 1865. 188 с.
17. Фокин П. П. Чувашская сельская семья в конце XIX в. —1980-е гг. Автореф. дисс. канд. ист. наук. Чебоксары, 2002. 23 с.
18. Фукс А. Записки о чувашах и черемисах Казанской губернии. Казань: Имп. Казан. ун-т, 1840. 329 с.
19. ЧГИ (Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук). Отд. I. Т. 14. Лл. 11-13.
20. ЧГИ Отд. I. Т. 14. Лл. 162
21. Paasonen Heikki, von. Gebräuche und Volksdichtung der Tschuwassen. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen seura, 1949. VI, 381 S.

Источники

- ПМУ 2016 г. — полевые материалы собраны автором в 2016 г. в Цильнинском районе Ульяновской области.
- ПМТ 2017 г. — полевые материалы собраны автором в 2017 г. в Нурлатском районе Республики Татарстан.
- ПМС 2018 г. — полевые материалы собраны автором в 2018 г. в Шенталинском районе Самарской области.

Авторская справка

ВОЛКОВИЧ Никита Сергеевич, исследователь, Санкт-Петербург, Россия. E-mail: nvolk@mail.ru.

UDC 93/94

DOI: 10.25686/2410-0773.2021.2.46

BEFORE WEDDING ACQUAINTANCE OF CHUVASH YOUTH: TRADITIONS AND TRANSFORMATIONS

N. S. Volkovich

Independent resercher, Saint-Petersburg (Russia)

Introduction. The author tries to reveal semantic of acquaintance of a guy and a girl in Chuvash environment, and to track progress of transformation of this phenomenon in time and space. Lack of substantive researches about acquaintances of Chuvash youth, modern crisis of institution of family together indicates high relevance of this article.

Methods. Conceptual feature is chronological analysis of available written sources with their constant comparison with results of expeditions of the author and folklore materials. Some of cited written sources relate with places where the author made targeted expeditions. It visually shows "how it was" and "how it

became." Method of complex approach allows to conduct comprehensive analysis of this issue. Field researches include in-depth interviewing.

Results. The article analyzes traditions and transformation of marriage acquaintances of Chuvash youth. Acquaintance of young in XVIII-XX cc. are very different from today. Existing written sources, folklore and expeditionary data of the author well indicate not only differences themselves, but also their causes. Established system existed behind acquaintances. In general, transformation has own vector, its causes and laws.

Conclusion. Acquaintance was considered as one of stages of creating successful marriage into kin. Marriage union, in turn, lays at heart of well-being of whole kin, its prolongation. Once-existing unity of kin completely dissolved private in itself. Independent acquaintance did not have any sense. Only unite confirmation of all knees has to authorize future marriage. Approval of marriage was by entire history of kin, from dead to living.

Keywords: wedding, acquaintance, Chuvash, exogamy, kin, family, tradition, transformation, unity, succession.

References

1. Anorov P. A. Nравы и повер'я чуваш [Morals and beliefs of Chuvash], Syn Otechestva [Son of Fatherland], Saint-Petersburg, 1838, Vol. 3, pp. 195-204.
2. Ashmarin V. I., Shkapskoy E. S. Chuvashskaya svad'ba [Chuvash wedding], Etnograficheskoe obozrenie [Ethnographic review], Moscow, 1890, Book V, no 2, pp. 157-168
3. Ashmarin N. I. Sbornik chuvashskikh pesen zapisannykh v guberniyakh Kazanskoy, Simbirskoy i Ufomskoy [Collection of Chuvash songs recorded in provinces of Kazan, Simbirsk and Ufa]. Kazan': Imp. un-ta Publ., 1900, 91 p.
4. Dmitriev V. D. Dva opisaniya chuvashy i chuvashskie slovari vtoroy chetverti XVIII veka [Two descriptions of Chuvash and Chuvash dictionaries of second quarter of the XVIII century], Uch. zapiski CHNII. Voprosy arkheologii i istorii Chuvashii. Vyp. XIX [Scientific notes CHNII. Questions of archeology and history of Chuvashia. The issue XIX], Cheboksary, 1960, pp. 270-302.
5. Leykhtfel'd N. Maslyanitsa i svadebnye obryady u chuvash [Maslenitsa and wedding ceremonies of Chuvash], Vokrug sveta [Around the world], 1903, no 6, pp. 87-90
6. L[uukoshkova] A. Svad'ba chuvashskogo uchitelya [Chuvash teacher's wedding], Illustrirovannaya nedelya [Illustrated week], St-Petersburg, no 6, pp. 88-90
7. Magnitskiy V. K. Etnograficheskoe-statisticheskie dannye o brakakh chuvash Kazanskoy gubernii [Ethnographic and statistical data about marriages of Chuvash of Kazan province]. Kazan': Imp. un-ta Publ., 1892, 14 p.
8. Mesarosh D. Pamyatniki staroy chuvashskoy very [Monuments of old Chuvash religion]. Cheboksary: CHGIGN Pub., 2000, 360 p.
9. Miller G. F. Opisanie zhivushchikh v Kazanskoy gubernii yazycheskikh narodov, yako to cheremis, chuvash i votyakov [Description of pagan peoples living in Kazan province, like Cheremis, Chuvash and Votyakov], Volume VIII. Saint-Petersburg: Imp. AN Publ., 1791, 99 p.
10. Mikhaylov S. Sbranie sochineniy [Collected works]. Cheboksary: Chuvash. kn. Publ., 2004, 509 p.
11. Mikhaylov A. I. Chuvashka [Chuvash women]. Moscow: Okhrana materinstva i mladenchestva Publ., 1928, 46 p.
12. Mukhina Z. Z. Starye devy: marginal'naya gruppa sredi krest'yan Evropeyskoy Rossii (vtoraya polovina XIX — nachalo XX veka) [Old virgins: marginal group among peasants of European Russia (second half of the 19th — early 20th centuries)], Pol. Politika. Polikul'turnost': gendernye otnosheniya i gendernye sistemy v proshlom i nastoyashchem. Tom 1 [Gender. Politics. Multiculturalism: gender relations and gender systems in past and present. Volume 1]. Moscow: IEA RAN Publ., 2014, pp. 97-100.
13. Prokop'ev K. Brak u chuvash [Chuvash marriage]. Kazan': Imp. un-ta Publ., 1903, 63 p.
14. Sahlins Marshall. Stone age economics. Aldine & Atherton, Inc., 1972. 348 p. (Russ. Ed.: Salinz Marshall Ekonomika kamennogo veka. Moscow: OGI Publ., 1999. 296 p.).

15. Salmin A. K. Prazdniki, obryady i verovaniya chuvashskogo naroda [Holidays, ceremonies and beliefs of Chuvash people]. Cheboksary: Chuvash. kn. izd-vo Publ., 2016. 687 p.
16. Sboev V. A. Chuvashi v bytovom, istoricheskom i religioznom otnosheniyakh: Ikh proiskhozhdenie, yazyk, obryady, pover'ya, predaniya i pr. [Chuvash in everyday, historical and religious relations: Their origin, language, ceremonies, beliefs, traditions, etc.]. Moscow: S. Orlova Publ., 1865. 188 p.
17. Fokin P. P. Chuvashskaya sel'skaya sem'ya v kontse XIX v. - 1980-e gg. Avtoref. diss. kand. ist. nauk. [Chuvash rural family at end of the XIX century. — 1980 s. Author's dissertation Ph.D.]. Cheboksary, 2002. 23 p.
18. Fuks A. Zapiski o chuvashakh i cheremisakh Kazanskoy gubernii [Notes about Chuvash and Cheremis of Kazan province]. Kazan': Imp. un-ta Publ., 1840, 329 p.
19. CHGI (Nauchnyy arkhiv Chuvashskogo gosudarstvennogo instituta gumanitarnykh nauk). Otd. I. T. 14. Ll. 11-13 [CHGI (Scientific archive of the Chuvash State Institute of Humanities). Department I. Volume 14. 11-13 pp.].
20. CHGI (Nauchnyy arkhiv Chuvashskogo gosudarstvennogo instituta gumanitarnykh nauk). Otd. I. T. 14. Ll. 162 [CHGI (Scientific archive of the Chuvash State Institute of Humanities). Department I. Volume 14. 162 p.].
21. Paasonen Heikki, von. Gebräuche und Volksdichtung der Tschuwassen. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen seura, 1949. VI, 381 p.

Sources

- PMU 2016 г. — field materials were collected by the author in 2016 in Tsilninskiy district of Ulyanovsk region.
- PMT 2017 г. — field materials were collected by the author in 2017 in Nurlat district of Republic of Tatarstan.
- PMS 2018 г. — field materials were collected by the author in 2018 in Shentalinskiy district of Samara region.

Author's Bio

VOLKOVICH Nikita Sergeevich, independet researcher, Saint-Petersburg, Russia. E-mail: nvolk@mail.ru.

Библиографическая ссылка

Волкович Н. С. Предсвадебное знакомство чувашской молодежи: традиции и трансформации // SocioTime / Социальное время. — 2021. — № 2 (26). — С. 46-61. — DOI: 10.25686/2410-0773.2021.2.46

УДК 316.334.23

DOI: 10.25686/2410-0773.2021.2.62

КТО ОНИ — ПРЕДПРИНИМАТЕЛИ СЕГОДНЯ? ИЛИ РЕАЛЬНЫЙ VS ИДЕАЛЬНЫЙ ОБРАЗ СОВРЕМЕННОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЯ (СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ)

Т. М. Дадаева

Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва, Саранск (Россия)

Введение. Предприниматели являются важным слоем в социальной структуре социума, составляя в развитых странах ядро среднего класса. Отношение к предпринимательству в российском обществе является своеобразным барометром оценки рыночных реформ в целом, поскольку одним из главных признаков рыночной экономики является свобода предпринимательства и частной собственности. Цель статьи — по результатам проведённого исследования выявить отношение населения Республики Мордовия к предпринимательству, установить реальный и идеальный образ современного предпринимателя, его позитивные и негативные стороны, а также проблемы и барьеры для развития предпринимательства в целом.

Методы. Эмпирической базой исследования стали данные социологического исследования (анкетного опроса, n=300) населения Республики Мордовия по квотной выборке. Применение аналитических методов и приёмов исследования (анализа, обобщения, индукции и дедукции, системного подхода) позволило обосновать авторскую точку зрения на сущность, функции, положительные и отрицательные стороны предпринимательства, идеальный и реальный образ предпринимателя, причины занятия предпринимательством в современных условиях.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. Анализ собранного эмпирического материала показывает, что большинство населения региона считает, что за последние пять лет отношение к предпринимателям изменилось в лучшую сторону. Однако, по мнению респондентов, реальный образ предпринимателя сегодня включает в большей степени критические характеристики: «успешный нувориш, стремящийся к наживе», «олигарх, который дружит с властью», «торговец на рынке», и ИП-шник, сводящий концы с концами. При оценке главной роли предпринимателя для развития общества большинство отметили макроэкономические функции — создание новых рабочих мест, удовлетворение массовых потребностей общества и производство уникального / полезного продукта. Выявлены противоречивые оценки населением деятельности предпринимателей, их взаимодействия с властью.

Заключение. Динамичное развитие региона требует активной предпринимательской деятельности, без которой невозможна эффективная экономика, существенным потенциалом предпринимательства является позитивное отношение населения, особенно молодёжи к предпринимателям. Материалы статьи будут полезны представителям органов государственной власти, предпринимателям, специалистам, занимающимся разработкой государственных программ поддержки развития предпринимательства, а также для преподавания учебных курсах «социология предпринимательства», «экономическая социология».

Ключевые слова: предприниматели, идеальный образ, социологический анализ, анкетный опрос, население региона.

Введение. Предприниматели являются важным слоем в социальной структуре социума, составляя в развитых странах ядро среднего класса. Отношение к предпринимательству в обществе является своеобразным барометром отношения к рыночным отношениям в целом, поскольку одним из главных признаков рыночной экономики является свобода предпринимательства и частной собственности. С момента перехода нашей страны в рыночную экономику прошло

более 20 лет, как изменилось отношение населения к предпринимательству и предпринимателям за этот период? Какой идеальный и реальный образ современного предпринимателя? В связи с этим изучение общественного мнения о предпринимателях является особенно актуальным.

Динамика малых и средних предприятий в России с 2010 года имеет тенденцию к росту. В 2010 году было 1 644 тысяч малых предприятий, в 2016 — уже 2 770 тыс. Также сейчас растёт число микропредприятий — с 1,4 миллиона до 2,5 мил. Согласно методологии Росстата малыми предприятиями являются компании, в которых работает от 16 до 100 человек, а оборот не превышает 400 миллионов рублей в год. Фирмы менее чем с 15 сотрудниками и оборотом до 60 миллионов рублей считаются микропредприятиями, компании с оборотом до миллиарда рублей, в которых работает до 250 человек — средними. В отчёте Росстата не учитываются предприятия, которые более чем на 25 % принадлежат государству или более чем на 49 % — крупным компаниям или иностранным юридическим лицам [1]. Средних предприятий стало почти вдвое меньше — с 25,2 тысяч в 2010 году до 13,3 тысяч в 2016 [2]. Однако с 2017 года идёт снижение числа малых предприятий: с 2 754 577 до 2 659 943 в 2018 г. В том числе микропредприятий с 2 497 879 в 2017 г. до 2 421 651 в 2018 году. Число средних предприятий немного возросло с 13 309 в 2017 г. до 13682 в 2018 г. [1, с. 12]. В Республике Мордовия также наблюдается тенденция снижения количества МСП: в 2017 году было 7061 малых предприятий (включая микропредприятия), в 2018 г. — 6781, средних — 76 в 2017 г., 61 — в 2018 г., индивидуальных предпринимателей (ИП) — 13,7 тыс.ч. в 2017 г., 13,4 тыс. ч. в 2018 г. [3]

Как отмечают исследователи малого и среднего предпринимательства число субъектов МСП начало сокращаться задолго до кризиса 2020 г. С января по декабрь 2019 г. оно уменьшилось на 124,3 тыс. единиц. Это связано, как с падением реальных доходов населения и, как следствие, со снижением спроса на товары и услуги МСП, так и с усилением налогового контроля (внедрением онлайн-касс, повышением НДС, борьбой ФНС России с фирмами-однодневками и незаконным «дроблением» бизнеса с целью ухода от налогообложения». [4, с.156]. По итогам 2018 года около 34,8 % компаний занимается оптовой и розничной торговлей, 17,8 % — недвижимостью (аренда и предоставление услуг), 8,5 % — обрабатывающие производства (сюда входит помимо всего прочего производство транспортных средств и различного оборудования, издательская деятельность), 12,7 % - строительство, 9 % - деятельность профессиональная, научная, техническая, 6,5 % — транспорт и связь, 4,1 % — это рестораны и гостиницы, около 3 % — ремонт транспортных средств и товаров личного пользования. Другими словами, лидирует сфера услуг, а именно торговля, т. е. предоставление потребительских товаров и услуг [1].

В России, большая часть занятых в предпринимательстве продолжает находиться в тени. По данным Росстата, в 2019 г. доля занятых в неформальном секторе составляла 21,3 % от их общей численности; причём их численность продолжает расти — с 14,3 млн человек в 2017 г. до 15,3 млн в 2019 г. [4, с.162].

Исследование характеристик предпринимателей отражено в работах М. С. Васянина [5], З. Т. Голенковой [6], Т. И. Заславской [7], Е. Д. Игитханяна [6], Г. Б. Кошарной [7], В. А. Никонова [8], Е. М. Осипова [9], В. В. Радаева [10], А. Ю. Чепуренко [11], Л. В. Яикова и др. [12]. З. Т. Голенкова и Е. Д. Игитханян на основе данных массового опроса выделили такие характеристики предпринимательства как непрерывная борьба за существование, стремление всеми силами преодолеть сопротивление и противодействие окружающей среды: коррупцию, бюрократический произвол, рэкет. Предприниматель — социально деятельная фигура, для которой основной смысл жизни — утверждение собственного «Я» во всех жизненных аспектах, также это рискованная натура, для которой риск не просто «благородное дело», но элементарная необходимость [6].

Г. Б. Кошарная рассматривает этическую проблему трудовых взаимоотношений предпринимателей со своими работниками, включая условия труда, а также «соответствие произведённого продукта интересам потребителей» [7, с. 105].

По данным социологического исследования Е. М. Осипов, отмечает, что отношение населения к предпринимателям в целом положительное, предприниматель выступает «достаточно развитой личностью, имеющей амбиции и стремление к профессиональному росту», подчёркивая при этом и определённые замечания респондентов относительно экономической эффективности и законопослушности ведения бизнеса предпринимателями [9, с. 119-120]. В. А. Никонов делает вывод, что образ предпринимателя, согласно исследованию, ассоциируется прежде всего с положительными признаками, характерными для современного делового человека, способного к творческой, созидательной функции [8, с. 96].

Социологическое изучение предпринимательства за годы его становления в России с начала 90-х гг. включало различные аспекты: формирование нового слоя в социальной структуре, социальный состав [14, 15], методология изучения предпринимательства [16], барьеры и препятствия для развития, социальное предпринимательство, механизмы государственной поддержки предпринимательства [17, 18], взаимодействие предпринимателей с государством и властью [19]. Продолжает оставаться актуальным изучение отношения населения к предпринимательству в трансформирующемся российском обществе, а именно — какой реальный и идеальный образ современного предпринимателя.

Методы. Эмпирической базой исследования стали данные социологического анкетного опроса «Отношение к предпринимателям в Республике Мордовия», проведённого в 2019-2020 гг. (выборка составила 300 респондентов, учитывался пол, возраст и место проживания). Опрос включал изучение следующих показателей: идеальный образ предпринимателя у жителей Мордовии, положительные и отрицательные стороны предпринимательства, оценка роли предпринимателя в развитии общества, мотивы занятости предпринимательством, оценка необходимых мер по развитию предпринимательства в республике и др.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. Социально-демографические характеристики респондентов следующие: 56,7 %

женщин и 43,7 % — мужчин; в возрасте от 36 до 55 лет — 38,7 %, от 18 до 35 — 32 %, от 56 лет и старше — 29,3 %; общее образование имеют 11,4 %, среднее профессиональное (включая начальное) — 37,5 %, большинство имеют высшее образование — 51 %; 59,3 % состоят в браке (из них 56,2 % женщин и 43,8 % мужчин), 39,3 % не состоят в браке (40 % из них мужчины и 38,8 % женщин), состоят в гражданских отношениях 1,3 % женщин; 66,7 % имеют детей (1 ребёнок — 42 %, 2 — 44 %, 3 — 12 %, 4 — 2 %), 33,3 % — не имеют; 60 % проживают в городе (г. Саранск, г. Рузаевка), 40 % — в сельской местности; по национальному составу — 56,7 % русские, 33,3 % — мордва, 9,3 % — татары, 0,7 % — другая национальность; по социально-профессиональному статусу 39,2 % работают в государственном секторе, 31,8 % заняты в негосударственном секторе, 10,8 % — учащиеся, 14,2 % — пенсионеры и 4,1 — безработные.

Надо отметить, что население в целом положительно (агрегированные ответы «положительно» и «скорее положительно») оценивает роль предпринимателя в обществе (90 %), лишь 8 % оценивают предпринимателей скорее отрицательно и отрицательно.

Положительные оценки чаще дают городские жители (61,4 %) и женщины (57,8 %). Из ответивших «скорее отрицательно» большинство составляют мужчины (75 %), респонденты с высшим образованием (62,5 %) в возрасте от 18 до 35 лет и от 56 лет и старше (равное количество — 37,5%), а из ответивших «отрицательно» в равных долях (25 %) лица со средним профессиональным и общим средним образованием в возрасте от 36 до 55 лет и от 56 и старше (в равных долях 50 %). Чуть больше половины (54 %) считают, что за последние пять лет отношение к предпринимателям изменилось в лучшую сторону, 10 % отметили, что в худшую сторону, 30 % считают, что оно осталось без изменений. В ближайшей перспективе 64,7 % респондентов считают, что отношение к предпринимателям улучшится и скорее улучшится, 18,7 % — останется без изменений и 8,6 % — ухудшится и скорее ухудшится.

По мнению респондентов, главными причинами, почему люди становятся предпринимателями являются - самостоятельность и возможность заработка (66 %), родственники, родители имели свой бизнес (48 %), призвание, мечта открыть своё дело (46,7 %), не смогли найти другую работу (20,7 %), есть соответствующее образование (20 %), предложили стать партнёром по бизнесу (друзья, знакомые, коллеги) (16,6 %), привлекла программа государственной поддержки предпринимательства (13,3 %), сократили на работе (10,0 %). Интерпретируя полученные данные, можно предложить следующую типологию мотивов занятости предпринимательством: «самореализация и материальная сторона» — являются главными мотивами, далее следуют «семейный бизнес (родственники, родители, друзья имели свой бизнес)», «вынужденное предпринимательство» (не смогли найти другую работу и сократили на прежней работе) и «поддержка со стороны государства». Респондентам было предложено оценить положительные стороны предпринимательства. В качестве положительных сторон были выделены: предпринимательство является сферой самореализации человека (56 %), снижает напряжение на рынке труда (создание новых рабочих мест) (54,7 %), способствует

появлению новых форм экономической деятельности (фермерство, семейный бизнес и т. п.) (38,7 %).

С точки зрения гендерной принадлежности мнения респондентов несколько отличаются от мнений в целом по массиву (Таб.1).

Таблица 1. Распределение ответов
о положительных сторонах предпринимательства в зависимости
от гендерной принадлежности респондентов, %.

Положительные стороны предпринимателей	М.(%)	Ж.(%)
Является сферой самореализации человека	46,4	53,6
Развитие новых отраслей хозяйства (новые услуги, туризм и т.п.)	45,5	54,5
Является социально ориентированной сферой деятельности (благотворительность, спонсорство и т.п.)	45	55
Появление новых форм экономической деятельности (фермерство, семейный бизнес и т. п.)	43,1	56,9
Доходы от предпринимательства формируют местный бюджет	42,3	57,7
Снижает напряжение на рынке труда (создание новых рабочих мест)	40,2	59,8

Наибольшее количество респондентов-женщин высказались за такую положительную сторону предпринимательства как «Снижает напряжение на рынке труда (создание новых рабочих мест)» (59,8 %), далее «Доходы от предпринимательства формируют местный бюджет» (57,7 %) и замыкает тройку лидеров, такая положительная сторона как «Появление новых форм экономической деятельности (фермерство, семейный бизнес и т. п.)» (56,9 %). Первый приоритет во взглядах респондентов-женщин, можно объяснить тем, что в неформальном секторе экономике большую часть (особенно в торговле) составляют женщины. При высокой форме безработицы среди женщин, рабочие места созданные предпринимательством, действительно снижают напряжение на рынке труда. У мужчин отличие наблюдается в третьей положительной стороне — предпринимательство является социально ориентированной сферой деятельности (благотворительность, спонсорство и т. п.). По массиву эта сторона не вошла в тройку лидеров. Это можно объяснить тем, что в выборку попали 41,5 % мужчин (из всего процента опрошенных мужчин), занятых в негосударственном секторе (к слову женщин работающих в этом секторе по выборке — 24,1 %). Это даёт нам основание предположить, что эти мужчины могут работать и предпринимателями и у предпринимателей, в том числе и в социально ориентированном бизнесе.

Респондентам также было предложено отметить и отрицательные стороны предпринимательства. Большинство опрошенных в качестве отрицательных сторон отмечают, то, что предпринимательство является сферой, провоцирующей коррупцию (46, 3%), отмыwania денег (фирмы-однодневки) (46,3 %), уход от налогов (43,6 %), сфера теневой занятости (наличие чёрных и серых схем, слабая социальная защищённость) (40,9 %), слабое правовое регулирование этой сферы (33,6 %), сфера для криминальных отношений (разборок) (19,5 %). Именно сфера

предпринимательства является наиболее благоприятной в плане создания коррупционных схем (откатов) и отмыwania денег, особенно в части взаимодействия с государственной властью (получения государственных заказов, проектов, тендеров и т. д.). Несмотря на усилия законодательной власти в России по правовому и налоговому регулированию организации и ведения бизнеса, предпринимательство, к сожалению, продолжает оставаться сферой теневой занятости (когда найм работников происходит без заключения трудового договора и соответственно без уплаты налогов и т. д.).

Есть значительные различия в ответах мужчин и женщин по поводу отрицательных сторон предпринимательства (табл.2).

Таблица 2. Распределение ответов
об отрицательных сторонах предпринимательства в зависимости
от гендерной принадлежности респондентов, %.

Отрицательные стороны предпринимателей	М.(%)	Ж.(%)
Слабое правовое регулирование	48	52
Уход от налогов	44,6	55,4
Сфера для отмыwania денег (фирмы-однодневки)	42	58
Сфера для криминальных отношений (разборки)	41, 4	58,6
Сфера провоцирующая коррупцию	40,6	59,4
Сфера теневой занятости (наличие чёрных и серых схем, слабая социальная защищённость)	37, 7	62,3

Так если для мужчин в тройку негативных сторон предпринимательства входят: слабое правовое регулирование (48 %) (по массиву эта отрицательная черта не вошла в тройку основных, хотя на наш взгляд, определяет и все последующие отрицательные стороны), уход от налогов (44,6 %) и сфера для отмыwania денег (фирмы-однодневки) (42 %), то для женщин это: сфера теневой занятости (наличие чёрных и серых схем, слабая социальная защищённость) (62,3 %), сфера, провоцирующая коррупцию (59,4 %), сфера для криминальных отношений (разборки) (58,6 %). То что для женщин предпринимательство как сфера теневой занятости (наличие чёрных и серых схем, слабая социальная защищённость) является главной отрицательной чертой, вполне очевидно, поскольку большая часть женщин трудится в негосударственном секторе экономики (24 % по выборке) в качестве работниц у предпринимателей и не понаслышке сталкивалась с проблемой серых зарплат и работы без трудового договора, без социальных выплат.

Отрицательный образ предпринимателя у населения формируется и благодаря СМИ, особенно из-за телевидения. Чаще всего на телеэкране предприниматель показан не как человек дела — производственник, организатор бизнес-процесса, а как делец, озабоченный организацией убийства конкурентов, стремящийся к получению сверхприбыли незаконным путём и т. д.

Респонденты по-разному оценивают главную роль предпринимателей в развитии общества. На первом месте — это развитие рабочих мест (66,0 %), далее

идёт удовлетворение массовых потребностей общества (47,3 %), на третьем месте — производство уникального, полезного продукта (в сфере информационных технологий, медицины и др.) (34,7 %). Удовлетворение индивидуальных потребностей и организация бизнеса с целью получения прибыли выбрали равное количество опрошенных (34,0 %). За социально ориентированные функции предпринимателей высказались 14,0 % (занятие благотворительностью и оказание социально значимых услуг [для детей, пожилых, инвалидов и т. п.]). В российскую действительность социально ориентированный бизнес только начинает своё вхождение (поскольку всегда необходим период накопления капитала, а российскому пореформенному предпринимательству пока ещё мало лет), поэтому респонденты не видят в этом главную роль предпринимателей. При оценке главной цели предпринимателя для развития общества большинство отметили макроэкономические цели — создание новых рабочих мест, удовлетворение массовых потребностей общества и производство уникального, полезного продукта.

В результате исследования был выявлен идеальный образ предпринимателя. По мнению респондентов, главными чертами, которыми должен обладать предприниматель являются трудолюбие (50,7 %), самостоятельность (33,3 %), умение работать с людьми (32 %). Кроме того, в пятёрку главных ценностей также входят: инициативность (сноровка) (30,7 %), способность к управлению (30,7 %). Такие типичные черты, которыми, как правило, должен обладать предприниматель — хитрость, изворотливость и склонность к риску набрали соответственно 24,3 % и 14,7 %. (таб.3).

Таблица 3. Распределение ответов о главных чертах характера предпринимателей, %.

Главные черты характера предпринимателей	По массиву в целом (%)	М. (%)	Ж. (%)
Трудолюбие	50,7	16,8	18,8
Самостоятельность, ответственность	33,3	9,8	13,4
Умение работать с людьми	32,7	12,5	10,0
Инициативность (сноровка)	30,7	9,8	11,7
Способность к управлению	30,7	8,2	13,0
Хитрость, изворотливость	24,3	10,9	7,1
Склонность к риску	14,7	5,4	5,0
Бережливость, экономность	14,0	5,4	4,6
Стремление к достижению, азарту	12,0	5,4	3,3
Дисциплинированность	11,3	3,8	4,2
Интуиция	10,0	5,4	2,1
Честность, законопослушность	10,0	2,2	4,6
Адаптивность (приспособляемость)	8,0	4,3	1,7

Интересным является идеальный портрет предпринимателя с точки зрения гендерных различий. У мужчин в тройку необходимых черт характера входит трудолюбие, умение работать с людьми и хитрость и изворотливость. Последняя черта не вошла в топ по массиву в целом. У женщин лидируют: трудолюбие, самостоятельность, ответственность и способность к управлению. Мужчины чаще, чем женщины отмечали такие черты как интуиция, адаптивность (приспособляемость), стремление к достижению, к азарту, хитрость и изворотливость, умение работать с людьми, бережливость экономность. Женщины чаще отмечали честность, законопослушность (по массиву эта черта набрала всего 10%), способность к управлению, самостоятельность, ответственность, инициативность, дисциплинированность.

На вопрос, какой образ предпринимателя доминирует в общественном сознании, большинство опрошенных как мужчин, так и женщин отметили «успешный нувориш, стремящийся к наживе» (35,8 %), далее «олигарх, который дружит с властью» (22,3 %), торговец на рынке (12,2 %) (женщины отдали этому образу третье место) и ИП-шник, сводящий концы с концами (11,5) (у мужчин занимает третью позицию) (таб. 4).

Таблица 4. Распределение ответов об образе предпринимателя в общественном сознании, %.

Главные черты характера предпринимателей	По массиву в целом (%)	М. (%)	Ж. (%)
Успешный нувориш, стремящийся к наживе	35,8	35.9	35.7
Олигарх, который «дружит» с властью	22,3	26.6	19.0
Торговец на рынке	12,2	9.4	14.3
ИП-шник, сводящий концы с концами	11,5	15.6	8.3
Успешный фермер как локомотив развития общества	10,1	7.8	11.9
Социально ориентированный, участвующий в благотворительности	8,1	4.7	10.7

Надо сказать, что отрицательные коннотации доминирующего образа предпринимателя в понимании респондентов в основном связаны с крупным бизнесом. С точки зрения возраста (таб. 5), образ предпринимателя в большинстве случаев совпадает с ответами в целом по массиву, но есть и отличия. Так респонденты более старшего возраста после 56 лет, чаще отмечают социально ориентированный образ предпринимателя, участвующий в благотворительности (13,6 %), в отличие от более молодых групп, для респондентов в возрасте от 18 до 36 лет образ предпринимателя больше ассоциируется с ИП-шником, сводящим концы с концами (14,9 %).

Таблица 5. Распределение ответов об образе предпринимателя в общественном сознании в зависимости от возраста, %.

Главные черты характера предпринимателей	От 18 до 35 лет	От 36 до 55 лет	От 56 лет и старше
Успешный нувориш, стремящийся к наживе	40,4	35,1	31,8
Олигарх, который «дружит» с властью	29,8	19,3	18,2
Торговец на рынке	4,3	14	18,2
ИП-шник, сводящий концы с концами	14,9	8,8	11,4
Успешный фермер как локомотив развития общества	6,4	15,8	6,8
Социально ориентированный, участвующий в благотворительности	4,3	7,0	13,6

Следующий блок вопросов касался взаимоотношений власти с предпринимателями. Большинство респондентов оценивают отношение власти к предпринимателям положительно — 33,3 % и скорее положительно, чем отрицательно — 50,7 %, отрицательно и скорее отрицательно, чем положительно оценивают 7,7 % опрошенных.

При рассмотрении модели взаимоотношения власти и предпринимателей, большинство опрошенных выбрали модель, когда власть рассматривает предпринимателей как источник пополнения бюджета (52,7 %, так в большей степени считают женщины и респонденты в возрасте от 36 до 55 лет), 24,3 % отметили, что власть всячески поддерживает предпринимателей, 9,5 % считает, что власть рассматривает предпринимателей, как источник взяток (так в большей степени считают мужчины и респонденты в возрасте от 56 лет и старше). Власть «срослась» с предпринимательством отметили 6,8 %, предприниматели являются опорой власти — 4,1 %, предприниматели важны для власти в период выборов — 2,7 % респондентов (табл. 6). Надо отметить, что предприниматели в развитых западных обществах всегда входят в средний класс (а крупный бизнес в высший класс), являясь опорой существующей власти. Однако в России это далеко не так, что подтверждается данными опроса (предприниматели являются опорой власти выбрало минимальное число респондентов — 4,1 %).

Таблица 6. Распределение ответов о модели взаимоотношений власти и предпринимателей, %.

Модели	Ответы (%)
Власть рассматривает предпринимателей как источник пополнения бюджета	52,7
Власть всячески поддерживает предпринимателей,	24,3
Власть рассматривает предпринимателей, как источник взяток	9,5
Власть «срослась» с предпринимательством	6,8
Предприниматели являются опорой власти	4,1
Предприниматели важны для власти в период выборов	2,7

В качестве главных мер со стороны государства по поддержке предпринимателей, опрошенные выбрали: льготное налогообложение для начинающих предпринимателей (65,1 %), льготное кредитование (59,1 %), бесплатные образовательные курсы для начинающих предпринимателей (37,6 %), стажировки в России и за рубеж по приобретению опыта, навыков (28,9 %), гранты на конкурсной основе на открытие бизнеса (28,2 %) (таб.7).

Таблица 7. Распределение ответов о государственных мерах по поддержке предпринимателей, %.

Государственные меры по поддержке предпринимателей	Ответы (%)
Льготное налогообложение для начинающих предпринимателей	65,1
Льготное кредитование	59,1
Бесплатные образовательные курсы для начинающих предпринимателей	37,6
Стажировки в России и за рубеж по приобретению опыта, навыков	28,9
Гранты на конкурсной основе на открытие бизнеса	28,2
Популяризация предпринимательской деятельности среди молодёжи (через СМИ, интернет, телепрограммы, конкурсы и т. д.)	22,1

В России достаточно высока ставка налогообложения для ведения бизнеса, поэтому респонденты выбрали эту меру как первоочередную хотя бы для начинающих предпринимателей. С другой стороны предприниматели для открытия бизнеса нуждаются и в льготном кредитовании, особенно молодые предприниматели.

Заключение. Каков же запрос населения на предпринимательство и предпринимателя сегодня?

Население региона в целом положительно оценивает роль предпринимателя в обществе и большинство считает, что за последние пять лет отношение к предпринимателям изменилось в лучшую сторону, и в будущем будет улучшаться. По мнению респондентов, предпринимательство не должно выступать сферой коррупции, отмывания денег, ухода от налогов или теневой занятости. В первую очередь, оно должно продолжать быть сферой самореализации человека, снижать напряжение на рынке труда, способствовать созданию новых рабочих мест, появлению новых форм экономической деятельности, новых отраслей хозяйства и формировать местный бюджет. Главными причинами занятия предпринимательской деятельностью большинство отметили самостоятельность и возможность заработка, наличие уже созданной материальной базы (семейного предприятия, инфраструктуры, когда родственники, родители имели свой бизнес), призвание (мечта открыть своё дело), а также вынужденность.

Предприниматель должен быть трудолюбивым, самостоятельным и ответственным, уметь работать с людьми и управлять ими, быть инициативным, хитрым, изворотливым и склонным к риску. Власть не должна относиться к предпринимателям только как к источнику пополнения бюджета или источнику

взятки. Власть должна оказывать поддержку предпринимательству (особенно начинающим предпринимателям) в виде льготного налогообложения и кредитования, бесплатных образовательных курсов, стажировок, грантов и программ по открытию бизнеса. Главными ожиданиями респондентов от развития предпринимательства в регионе являются развитие рабочих мест, удовлетворение массовых потребностей общества, и производство уникального, полезного продукта. Скорее это идеальные ожидания. Однако в сознании доминируют иные более реальные образы предпринимателей: успешный стремящийся к наживе «нувориш», олигарх, дружащий с властью, «ип-шник», сводящий концы с концами и торговец на рынке.

Надо сказать, что малый и средний бизнес остаётся недоиспользованным ресурсом российской экономики. Во многом это связано с объективными причинами (высокие налоги, слабое правовое регулирование), по которым российский малый и средний бизнес продолжает оставаться в тени. Создавшаяся ситуация усложнилась условиями пандемии и как следствие, низкая склонность россиян начинать собственное дело. В создавшихся условиях необходима весомая поддержка предпринимателей особенно молодых, со стороны органов государственной власти и управления.

Список литературы

1. Малое и среднее предпринимательство в России. 2019: Стат. сб./ Росстат. — М., 2019. — 87 с.
2. Малое и среднее предпринимательство в России. 2019 г. https://www.gks.ru/bgd/regl/b19_47/Main.htm (дата обращения 12.04.21 г.).
3. Малое и среднее предпринимательство в России. М. 2015 г. https://gks.ru/bgd/regl/b15_47/Main.htm (дата обращения 12.04.21 г.).
4. Земцов С. П., Царёва Ю. В. Тенденции развития сектора малых и средних предприятий в условиях пандемии и кризиса // Мониторинг экономической ситуации в России. Тенденции и вызовы социально-экономического развития. 2020. № 10 (112). Апрель. <https://www.iep.ru/upload/iblock/543/16.pdf> (дата обращения 18.04.2021).
5. Васянин М. С., Кошарная Г. Б. Предпринимательство в системе ценностей российского общества // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2012. № 4 (24). С. 58-66.
6. Голенкова З. Т., Игитханян Е. Д. Российский предприниматель: некоторые аспекты современной жизни // Социологические исследования. 2006. № 11. С. 29—37.
7. Заславская, Т. И. Бизнес-слой российского общества: сущность, структура, статус // Социологические исследования. 1995. № 1. С. 3—12.
8. Кошарная, Г. Б. Социальная ответственность субъектов предпринимательства: история и современность // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2014. № 1 (29). С. 100-108.
9. Никонов, В. А. Характеристика российского предпринимателя в зеркале общественного мнения / В. А. Никонов // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2017. № 2 (42). С. 92—101. DOI: 10.21685/2072-3016-2017-2-10
10. Осипов Е. М. Социальный портрет предпринимателя и отношение к нему населения // Труд и социальные отношения. 2012. № 5. С.115-121.
11. Радаев, В. В. Российские предприниматели: кто они? (На примере Москвы) // Вестник статистики. 1993. № 9. С. 3— 13.
12. Чепуренко, А. Ю. Предпринимательство как сфера социальных исследований: Россия и международный опыт // Социологические исследования. 2013. № 9 (353). С. 32-42.

13. Яикова Л. В. Социологическое осмысление феномена предпринимательства // Известия Саратовского университета. 2008. Т. 8. Сер. Социология. Политология, вып. 2. С.58-63.
14. Беляева Л. А. Средний слой российского общества: проблемы обретения социального статуса // Социологические исследования. 1993. № 10. С. 18-22.
15. Заславская Т. И. Бизнес-слой российского общества: понятие, структура, идентификация // Информационный бюллетень мониторинга. Сентябрь-октябрь. 1994. С.7-15.
16. Бородавкина Е. Е., З. М. Дыльнова. Теоретико-методологические основы исследования предпринимательства // Известия Саратовского университета. 2012. Т. 12. Сер. Социология. Политология, вып. 2. С.20-26.
17. Долгорукова И. В. Социальное предпринимательство в современной России: теория и методология социологического анализа // Социальная политика и социология. 2016. Том 15. № 5 (118). С.85-92. DOI:10.17922/2071-3665-2016-15-5-85-92
18. Гончарова О. Ю., Мальцева О. В., Сросляк Г., Трофимов Г. В. Взаимодействие государства и предпринимательства в реализации социальной ответственности: мировой и отечественный опыт // Государственное и муниципальное управление. Учёные записки. 2018. № 4. С. 76-81. DOI: 10.22394/2079-1690-2018-1-4-76-8
19. Мальгин, В. А. Коррупция в системе взаимодействия властных структур и предпринимательства // Вестник экономики, права и социологии. 2014. №4. С. 59-65.

Авторская справка

ДАДАЕВА Татьяна Михайловна, доктор социологических наук, профессор кафедры социологии, Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва, Саранск, Россия. E-mail: Dadaeva13@mail.ru.

UDC 316.334.23

DOI: 10.25686/2410-0773.2021.2.62

WHO ARE THEY ENTREPRENEURS TODAY OR THE REAL VS IDEAL IMAGE OF A CONTEMPORARY ENTREPRENEUR (SOCIOLOGICAL ANALYSIS)

T. M. Dadaeva

Mordovia State University, Saransk (Russia)

Introduction. Entrepreneurs are an important layer in the social structure of society, forming the core of the middle class in developed countries. The attitude to entrepreneurship in Russian society is a kind of barometer for evaluating market reforms in general, since one of the main features of a market economy is the freedom of entrepreneurship and private property. The purpose of the article is to identify the attitude of the population of the Republic of Mordovia to entrepreneurship, to establish the real and ideal image of a modern entrepreneur, its positive and negative aspects, as well as problems and barriers to the development of entrepreneurship in general.

Methods. The empirical basis of the study was the data of a sociological survey (questionnaire survey, n=300) of the population of the Republic of Mordovia on a quota sample. The use of analytical methods and research techniques (analysis, generalization, induction and deduction, system approach) allowed us to substantiate the author's point of view on the essence, functions, positive and negative aspects of entrepreneurship, the ideal and real image of the entrepreneur, the reasons for engaging in entrepreneurship in modern conditions.

Results. The analysis of the collected empirical material shows that the majority of the population of the region believes that over the past five years, the attitude towards entrepreneurs has changed for the better. However, according to respondents, the real image of an entrepreneur today includes more critical characteristics: "a successful Nouveau riche who seeks to make money", "an oligarch who is friends with the

authorities", "a trader in the market", and an IPESHNIK who makes ends meet. When assessing the main role of the entrepreneur for the development of society, the majority noted the macroeconomic functions — the creation of new jobs, meeting the mass needs of society and the production of a unique/useful product. Contradictory assessments of the activities of entrepreneurs and their interaction with the authorities are revealed by the population.

Conclusion. The dynamic development of the region requires active entrepreneurial activity, without which an effective economy is impossible. A significant potential of entrepreneurship is the positive attitude of the population, especially young people to entrepreneurs. The materials of the article will be useful for representatives of state authorities, entrepreneurs, specialists involved in the development of state programs to support the development of entrepreneurship, as well as for teaching training courses "sociology of entrepreneurship", "economic sociology".

Keywords: entrepreneurs, ideal image, sociological analysis, questionnaire survey, population of the region.

Referenses

1. Maloe i crednee predprinimatel'stvo v Rosii. 2019: Stas. sb./ Rosstat. M., 2019. 87 p.
2. Maloe i crednee predprinimatel'stvo v Rosii. 2019 . https://www.gks.ru/bgd/regl/b19_47/Main.htm (accessed 12.04.21).
3. Maloe i crednee predprinimatel'stvo v Rosii. 2015. https://gks.ru/bgd/regl/b15_47/Main.htm (accessed 12.04.21 г.).
4. Zemtsov S. P., Tsareva Yu. V. Tendencii razvitiya sektora malih i srednih predpriyatij v usloviyah pandemii i krizisa [Trends in the development of the small and medium-sized enterprises sector in the context of the pandemic and crisis] // Monitoring of the economic situation in Russia. Trends and challenges of socio-economic development. 2020. № 10 (112). April. <https://www.iep.ru/upload/iblock/543/16.pdf> (accessed 18.04.2021).
5. Vasyanin M. S., Kosharnaya G. B. Predprinimatel'stvo v sisteme cennostej Rossiyskogo obchestva [Entrepreneurship in the value system of Russian Society]// Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki [University proceedings. Volga region. Social sciences]. 2012, no. 4 (24). P. 58-66.
6. Golenkova Z. T., Igitkhanyan E. D. Rossijskij predprinimatel': nekotorye aspekty sovremennoj zizni [Russian entrepreneur: some aspects of modern life] // Sociologicheskiye issledovaniya. 2006. № 11. P. 29-37.
7. Zaslavskaya T. I. Biznes-sloj rossijskogo obchestva: suchnost', struktura, status. [The business layer of Russian society: the essence, structure, and status.] // Sotsiologicheskie issledovaniya. 1995, no. 3, P. 3-12.
8. Kosharnaya G. B. Sotsial'nyaya otvetstvennost' sub'ektov predprinimatel'stva: istoriya i sovremennost' [Social responsibility of business entities: history and modernity] // Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki [University proceedings. Volga region. Social sciences]. 2014, no. 1 (29), P. 100—108.
9. Nikonov V. A. Harakteristika rossijskogo predprinimatel'stva v zerkale obshchestvennogo mneniya [Characteristics of the Russian entrepreneur in the mirror of public opinion] // Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki [University proceedings. Volga region. Social sciences]. 2017. № 2 (42). P. 92—101. DOI: 10.21685/2072-3016-2017-2-10
10. Osipov E. M. Social portrait of an entrepreneur and the attitude of the population to it// Trud i sotsial'nye otnosheniya [Labor and social relations]. 2012, no. 5. P.115-121.
11. Radaev V. V. Russian entrepreneurs: who are they? (On the example of Moscow) // Vestnik statistiki [Bulletin of statistics]. 1993, no. 9, P. 3-13.
12. Chepurensko A. Yu. Entrepreneurship as a Sphere of Social Research: Russia and international experience. // Sotsiologicheskiye issledovaniya [Sociological research]. 2013, no. 9 (353), P. 32-43.
13. Yaikova L. V. Sotsiologicheskoe osmyslenie fenomena predprinimatel'stva [Sociological understanding of the phenomenon of entrepreneurship] // Izvestiya Saratovskogo Universiteta. Ser. Sotsiologiya. Politologiya. 2008. T. 8 vyp. 2. P.58-63.

14. Belyaeva L. A. The middle layer of Russian society: problems of acquiring social status // *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 1993. № 10. P. 18—22.
15. Zaslavskaya T. I. Biznes-sloj rossijskogo obchestva: ponyatie, struktura, identifikatsiya [Business layer of Russian society: concept, structure, identificationessence] // *In-form. bul. «Sotsial'nye i ekonomicheskie peremeny v Rossii»*. 1994. September-October. P.7-15.
16. Borodavkina E. E., Dyl'nova Z. M. Teoretiko-metodologicheskie osnovy issledovaniya predprinimatel'stva [Theoretical and Methodological Bases of Entrepreneurship study] // *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Ser. Sotsiologiya. Politologiya*. 2012. T. 12., v. 2. P.20-26.
17. Dolgorukova I. V. Social Entrepreneurship in Modern Russia: The Theory and Methodology of Sociological Analysis. // *Sosial'naya politika i sosiologiya* [Social policy and sociology]. 2016. Tom 15. № 5 (118). P. 85-92. DOI:10.17922/2071-3665-2016-15-5-85-92
18. Goncharova O. Y., Maltseva O. V., Grzegorz S., Trofimov G. V. Vzaimodejstvie gosudarstva i predprinimatel'stva v realizatsii sotsial'noj otvetstvennosti: mirovoj i otechestvennyj opyt [Interaction of the state and entrepreneurship in the implementation of social responsibility: world and domestic experience]// *Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie. Uchennye zapiski*. [State and municipal administration. Scientific notes]. 2018. № 4. P. 76-81. DOI: 10.22394/2079-1690-2018-1-4-76-8
19. Malgin V. A. Korruptsiya v sisteme vzaimodejstviya vlastnyh struktur i predprinimatel'stva [Corruption in the system of interaction between government structures and entrepreneurship] // *Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii*. 2014. № 4. P. 59-65.

Author's Bio

DADAIEVA Tatiana Mikhailovna, Dr. Sci. (Sociology), Professor, Department of Sociology, Mordovia State University by N.P.Ogarev, Saransk, Russia. E-mail: dadaeva13@mail.ru.

Библиографическая ссылка

Дадаева Т. М. Кто они — предприниматели сегодня? Или реальный vs идеальный образ современного предпринимателя (социологический анализ) // *SocioTime / Социальное время*. — 2021. — № 2 (26). — С. 62-75. — DOI: 10.25686/2410-0773.2021.2.62

УДК 316.334.4

DOI: 10.25686/2410-0773.2021.2.76

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ ВОСПИТАНИИ В СИСТЕМЕ РАЗВИТИЯ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ МОЛОДЁЖИ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

А. А. Кукушкина, О. О. Айвазян

*Кубанский государственный университет физической культуры, спорта и туризма,
Краснодар (Россия)*

Введение. Статья посвящена рассмотрению правового воспитания в контексте формирования правовой культуры молодёжи в разрезе социологической науки. В работе отмечается то, что важным, и даже необходимым компонентом правовоспитания является уважение к основополагающим составляющим права и законодательно закреплённым правовым нормам и традициям.

Методы. Изучение и анализ основ правовоспитательной деятельности в молодёжной среде как компонента правовой культуры личности, социологический опрос, направленный на выявление уровня и значимости правового воспитания молодого поколения.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. В статье рассматриваются труды таких учёных, как И. А. Ильин, А. С. Ахметов, А. В. Демидов, П. С. Самыгин, М. Ю. Попов, С. И. Самыгин, А. Кауфман, Е. Эрлих, Я. В. Зубова, Ю. Э. Зубок, В. И. Чупров и др., раскрывающие основы правовоспитательной деятельности в аспекте формирования правовой культуры молодёжи. Так, на основе анализа различных концепций в работе отмечается то, что правовоспитательная деятельность должна объяснять социуму то, насколько важно, и даже необходимо ценить и чтить законодательные основы, а также на добровольной основе соблюдать свои обязанности. Самоцелью здорового правового воспитания должно быть преодоление отчуждения и маргинализации личности от социума и государства в целом. Также в работе представляются результаты социологического опроса, направленного на выявление уровня и значимости правового воспитания молодого поколения в контексте становления правовой культуры. Эти исследования позволили констатировать, что уровень правового воспитания и правовой культуры молодёжи низок, но, при этом, высоки показатели уровня осознания опрашиваемыми необходимости совершенствования и закрепления их знаний в области права. На основании этого предложены некоторые рекомендации по совершенствованию правовой культуры молодёжи.

Заключение. В завершении исследования приводятся выводы о значимости правовоспитательного процесса молодёжи, который является ценным механизмом, позволяющим сформировать правовую культуру личности, обладающую повышенной социальной и правовой ответственностью за себя и своё окружение.

Ключевые слова: право, правовое воспитание, правовая культура, социология права и культуры, молодёжь.

Введение. В современном правовом демократическом государстве важнейшим условием функционирования является законопослушное поведение граждан, которое впоследствии отражает общую правовую культуру, как каждой отдельной личности, так и общества в целом. Основой законопослушного поведения является приспособляемость к жизненным условиям социума, и первостепенной задачей этого процесса является освоение и следование основополагающим нормам и правилам поведения и общения данной социальной общности. На основе этого происходит формирование правовых представлений, правового мышления и сознания. При этом правовое поведение, обладающее устойчивым характером возможно, если члены этого общества будут готовы действовать согласно канонам права.

Важным, и даже необходимым компонентом правовоспитания является уважение к основополагающим составляющим права и законодательно закреплённым правовым нормам и традициям. Однако же, в условиях социальной реальности в молодёжной среде существует такая проблематика как недостаточная сформированность позитивного правового образа мышления и правосознания, что указывает на низкую степень правовоспитательного воздействия как формальных, так и неформальных органов. Подобное умозаключение обосновывается наличием нигилистического отношения молодёжи как к основам права, культуре, так и к законодательству в целом. Эта негативная тенденция в молодёжной среде обуславливает актуальность изучаемой проблематики и проведения исследования.

Методы. Представленное исследование включает изучение и анализ основ правовоспитательной деятельности в молодёжной среде как компонента правовой культуры личности, а также авторский социологический опрос, направленный на выявление уровня и значимости правового воспитания молодого поколения.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. Изучению основ правовоспитательной деятельности в аспекте формирования правовой культуры молодёжи посвящено множество исследований в различных областях наук, среди которых социология, философия, педагогика, юриспруденция и др. Среди научных изысканий, посвящённых изучению данной проблематики можно отметить труды таких учёных, как И. А. Ильин, А. С. Ахметов, А. В. Демидов, П. С. Самыгин, М. Ю. Попов, С. И. Самыгин. Прежде, чем рассматривать основы правового воспитания, необходимо дать определение понятиям «права» и «воспитание» в разрезе социологической науки. Так, например, по мнению австрийского правоведа Е. Эрлиха, являющегося основоположником социологии права как науки «право имеет социальную природу, поскольку выстраивается в определённую систему норм как в ходе правовой практики, так и в повседневной жизнедеятельности общества» [13, с. 105].

Согласно точке зрения Артура Кауфмана: «Право, как компонент правовой культуры заключается в неких взаимоотношениях общественности, что указывает на открытость правовых отношений» [14, с. 45]. По мнению профессора В. А. Лукова «воспитание по своей природе консервативно, оно осуществляется в соответствии с определённой ценностно-нормативной программой и не может быть оторвано от социальной жизни: вне общества оно не имеет смысла. В то же время воспитание не может заменить социальную среду и её воздействие на личность человека» [10, с. 333].

Анализируя труды учёных и мыслителей различного периода становления социума, можно отметить научную работу «О сущности правосознания», которая была написана И. А. Ильиным в Москве в 1919 году, однако, датой выпуска в свет этого издания был 1956 год в Мюнхене, т. е. только после его смерти. Содержание этого издания включало изучение и раскрытие основ права и правового сознания населения, при этом, отмечалось то, что право призвано направить общество на путь мирного сосуществования посредством воспитания правового образа мышления и правосознания. И. А. Ильин указывал на то, что каждая личность обладает правосознанием, однако же, не у всех оно является здоровым.

Под здоровым правосознанием им понимается образ правового мышления и поведения, основанный на строгом соблюдении законов государства. И для того, чтобы эта задача была реализована, необходимо освоение знаний об основах права и опыта их верной реализации, что возможно средствами образовательного и воспитательного воздействия в учебных заведениях различного уровня. Мы, также полностью солидарны с его умозаключением о том, что основой и нормой жизнедеятельности личности должно быть право, являющееся главенствующим механизмом правокультурного поведения и коммуницирования. Каждый должен обладать знаниями об основах своих прав и обязанностей. Резюмируя вышесказанное, считаем необходимым отметить то, что правовоспитательная деятельность должна объяснять социуму то, насколько важно, и даже необходимо ценить и чтить законодательные основа, а также на добровольной основе соблюдать свои обязанности. Самоцелью здорового правового воспитания должно быть преодоление отчуждения и маргинализации личности от социума и государства в целом [8].

Определение дефиниции «правовое воспитание» также раскрывается в трудах А. С. Ахметова, который отмечает следующее: «Правовое воспитание наряду с правовым обучением является одним из средств повышения уровня правовой культуры общества. Совершенствование всей системы правового воспитания положительно влияет на проводимые в государстве реформы, а также способствует росту активности участия каждого гражданина в деятельности государства». Это умозаключение, обуславливающее актуальность процесса правовоспитательного воздействия на сознание молодого поколения позволяет заключить, что для становления правокультурной личности одним из важнейших компонентов является позитивное здоровое правовое воспитание [4, с. 94-98]. По мнению В. Демидова «правовое воспитание является средством формирования правосознания граждан и повышения их правовой культуры, поскольку правовое воспитание непосредственно воздействует на такой элемент правосознания как правовая идеология, а осознание и убежденность в необходимости и целесообразности следования правовым нормам способствует правомерному поведению граждан, что, в конечном счёте, позволяет утверждать о повышении их правовой культуры», что также подтверждает нашу гипотезу о важности правовоспитательного воздействия на личность молодых людей в аспекте формирования правокультурности социума [5, с. 204-206].

Также, изучению правовоспитательного воздействия на личность в контексте правовой социализации современной российской молодёжи, а в итоге формированию правовой культуры общества посвящены научные изыскания учёных современности: П. С. Самыгина, М. Ю. Попова, С. И. Самыгина. Ими отмечается то, что «в последние годы в учебных заведениях акцент делался преимущественно на обучении школьников и студентов основам права, в то время как воспитательная составляющая правового образования, связанная с формированием определённых качеств личности, гражданственности, отошла на второй план. Отсюда проистекает необходимость усиления воспитательного воздействия на молодёжь в рамках социально контролируемой правовой социализации, призванного сформировать в сознании молодых людей позитивное отношение к закону и устойчивые ориента-

ции на правомерное поведение. Иными словами, правовое образование должно быть направлено на формирование не только когнитивно-познавательного, но и эмоционально-ценностного, а также деятельностно-практического компонентов правового сознания молодёжи» [12, с. 51-56].

На основе представленного высказывания можно с уверенностью подчеркнуть то, что в рамках становления правовой культуры и правовой социализации молодёжи формирование знаниевого компонента основ права в сознании молодого поколения в условиях социальной реальности является первостепенным. При этом воспитательная составляющая, включающая возможность формирования патриотизма, гражданственности, социально-правовой культуры, элитарных ценностных установок и ориентаций, а также толерантного отношения молодого поколения ко всем и всему, но не в ущерб себе превратилась в дополнение к главному, формированию знаниевых основ. Указанная тенденция не может не вызывать беспокойство, поскольку в современном поликультурном социуме, в целях мирного сосуществования, важнейшим является воспитательный процесс, идущий в параллель с обучением правовым знаниям и умениям.

Также, неоценимый вклад в становление и развитие проблематики правового воспитания и образования молодёжи в контексте развития правовой культуры внесли научные труды учёных-социологов современности профессоров В. И. Чупрова и Ю. А. Зубок. В учебном пособии «Социология молодёжи», изданном в 2009 году в г. Москва, понятие «правовая культура определяется как совокупность знаний, ценностей и установок личности (группы) относительно собственных прав и возможностей их практического осуществления, реализуемых в процессе взаимодействия индивидов и групп, как субъектов правовых отношений» [7, с. 287]. Также указывается то, что правовая культура молодёжи выполняет определённый ряд функций, которые для удобства отображены в нижеследующем рисунке 1 [7, с. 287-288].

Рис. 1. Функции правовой культуры (Ю. А. Зубок, В. И. Чупров).

Однако, в контексте представленного исследования, особый интерес вызывает социально-регулятивная функция, предполагающая создание условий для фор-

мирования мотивации к правовому поведению людей, а также в связи с тем, что механизмом её реализации является целенаправленное воздействие посредством правового образования и воспитания, что в итоге приводит к формированию правовой культуры. Согласно научным трудам П. Бурдьё «Правовая культура может рассматриваться как социальная практика, заключающая в себе регулярное социальное взаимодействие индивидов, социальных групп, институтов, характеризующееся многообразием аспектов и нюансов» [15, с. 193-194]. Проанализировав дефиницию «правовое воспитание» в правовых источниках, мы солидарны с определением данного понятия, представленным профессором Л. П. Рассказовым: «Правовое воспитание — целенаправленный процесс воздействия на сознание людей с целью формирования высокого уровня правовой культуры» [11, с. 448-449]. Целью, которой является: освоение знаний об основах права, воспитание уважительного отношения к основам права и законам, формирование умений в реализации правовых знаний на практике, создание привычки действовать согласно «букве закона».

Правовоспитательное воздействие оказывают органы государственной власти, различные организации, и каждый человек, как в отдельности, так и совместно посредством целенаправленной деятельности, направленной на правопросвещение и формирование позитивного правового мышления. Правовое воспитание направлено на формирование и развитие правосознания, демократии и создание нравственно-правовой атмосферы в социуме. Также правовое воспитание способствует формированию личности, которая живёт согласно правовому устройству этого общества [3; 9, с. 155].

Мы солидарны с мнением Я. В. Зубовой о том, что целью правового воспитания является приведение политико-правовых установок и требований социума в личное мировоззрение каждого гражданина [6, с. 194]. К средствам правового воспитания относятся разнообразные материальные носители, при помощи которых достигается цель правовоспитательной деятельности, а именно законодательные акты, юридическая литература и др. [2, с. 37]. Методами правового воспитания являются приёмы и способы влияния на правовое сознание и поведение молодёжи, способствующие формированию правовой культуры. В системе формирования правовой культуры важным является осознание и понимание того, что правовоспитательный процесс является способом подготовки личности к жизнедеятельности в условиях социальной реальности, а также средством предупреждения правонарушений. Правовоспитание состоит из сложной и многоаспектной системы, включающей различные элементы, обеспечивающие всесторонне направленное воспитание и развитие личности. Вследствие чего, обнаруживается необходимость выявления основных компонентов, способствующих формированию позитивного правового образа мышления и сознания в процессе правовоспитания. Так, ниже представлена поэтапная комплексная система основополагающих источников, влияющих на процесс правовоспитательного воздействия, значимость которых определяется в соответствии с иерархией, указанной в схеме (рисунок 2).

Рис. 2. Комплексная система основополагающих источников, влияющих на процесс правовоспитательного воздействия.

Каждый компонент в вышеуказанной системе призван тем, или иным образом воздействовать на правовой образ мышления и сознание подрастающего поколения. И для того, чтобы изучить особенности представленных компонентов необходимо более детально рассмотреть содержательный аспект каждого источника. Если взять во внимание то, что одним из источников правовоспитательного воздействия является правовая литература, то, конечно же, необходимо отметить наличие как позитивных, так и негативных тенденций. Так, например, к позитивным веяниям можно отнести возможность освоения материала на высокоинтеллектуальных образцах, к негативным же причисляются трудности интерпретации информации из-за недостаточности знаний для верного понимания сложных языковых средств, включающих профессиональную лексику.

Второй компонент правовоспитательной деятельности — правовая пропаганда — один из механизмов правового просвещения, реализуемый в лекциях, беседах, консультационных мероприятиях и пр. Эта форма правовоспитательного воздействия обладает как положительными сторонами, так и отрицательными. Среди положительных сторон выделяется возможность быстрого, и даже мгновенного получения ответа на интересующий вопрос, однако же, негативная предполагает незначительный по массовости охват субъектов воздействия. Следующий источник — правообразование включает обучение правовым основам в образовательных учреждениях различного уровня. И, в данном случае, нельзя не отметить позитивный контекст этой формы воздействия на сознание и мышление личности, который заключается в том, что аудиторные занятия позволяют более эффективно наладить обратную связь, в процессе чего реализуется весь потенциал правообразовательного и правовоспитательного совершенствования.

Также, образовательная система реализует основополагающие принципы обучения, включающие сочетание практики и теории, к примеру, в ходе научно-практических семинаров, деловых игр и пр.; принцип последовательности и системности, т. е. правовые знания, формируются согласно правилу постепенного на-

растания трудностей «от малого к большому» и др. В дальнейшем следует такой источник и механизм правовоспитательного процесса, как правовая профессиональная стажировка, улучшающая навыки правового регулирования взаимоотношений (юридические клиники, адвокатские палаты, нотариальные конторы, органы правопорядка, суды, прокуратуры и др.). Также к источникам правовоспитательного воздействия относятся различные наглядные материалы, размещённые на информационных стендах, в стенгазетах, листовках и т. п., которые призваны реализовывать агитационную функцию, включающую распространение правовых сведений, однако, данная форма не всегда может отличаться достоверностью, что является негативной тенденцией.

Помимо перечисленных источников, существует возможность оказания позитивного правовоспитательного влияния посредством произведений художественной литературы (Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого и др.), театрализованных постановок, различных кинофильмов, содержащих и раскрывающих правовую тематику. В целях выявления уровня и значимости правового воспитания молодого поколения в контексте становления правовой культуры нами был проведён социологический опрос в 2018, 2019, 2020 гг. в г. Майкопе, Республики Адыгея, а также в г. Краснодаре и в Белореченском районе, Краснодарского края. Выборка респондентов составила 650 человек в возрасте от 14 до 30 лет — молодёжь. Выбор контингента опрашиваемых обусловлен тем, что молодое поколение в условиях социальной реальности более всех подвержена трансформационным процессам в социуме, поскольку они призваны адаптировать и транслировать тенденции прошлого и настоящего. Также, по утверждению профессоров В. И. Чупрова и Ю. А. Зубок, «правовая культура молодёжи как социально-демографической группы — это совокупность правовых знаний, ценностей, установок, норм, закреплённых в её правовом сознании и реализуемых в правовом поведении, образующих определённый способ организации её жизнедеятельности как становящегося субъекта воспроизводства социально-правового пространства общества» [7, с. 289]. Для реализации выдвинутой цели исследования были сформированы следующие задачи: изучить теоретические основы правового воспитания и культуры молодого поколения; проанализировать различные социологические и правовые научные труды, рассматривающие особенности правового воспитания и культуры молодёжи; провести социологический опрос, позволяющий выявить уровень и значимость правового воспитания молодого поколения в контексте становления правовой культуры.

В целях решения указанных задач была разработана анкета, включающая два блока вопросов, первый — направлен на определение уровня правовоспитанности и правовых знаний молодёжи, а второй — на выявление степени значимости правового воспитания в контексте становления правовой культуры для современного молодого поколения. В первом блоке вопросов важным было установить степень правового воспитания молодёжи, по их собственному мнению. Сначала мы пытались определить: «Что представляет собой право и правовое воспитание?», «Какие мероприятия, по их мнению, можно отнести к средствам правового воспитания?», «Проводятся ли эти мероприятия, и участвуют ли молодые люди в этих мероприятиях?», и т. д. Второй блок включал такие вопросы, как: «Хотели бы Вы повысить

свой уровень правовой воспитанности и культуры?», «Каким образом это видится возможным?», «Какое значение имеет правовое воспитание для правовой культуры молодёжи?», и т. п. Так, например, на основании полученных ответов на первый вопрос: «Что такое право?» можно констатировать то, что большинство респондентов ассоциируют понятие «право», как нечто, принадлежащее им лично, то есть личные права и свободы, которыми они обладают. При этом, право, являясь социальным институтом, никем не воспринимается таковым. Результаты ответов представлены на рисунке 3.

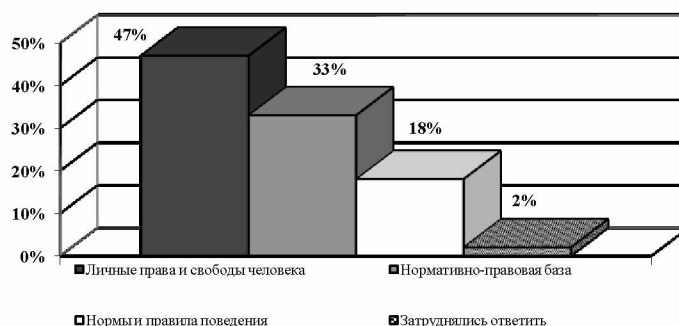

Рис. 3. Результаты ответов на вопрос: «Что такое право?».

В дальнейшем был предложен вопрос: «Каков Ваш источник получения информации об основных правах?», результаты ответов респондентов указывают на то, что большинство опрошенных — 55 %, основным источником получения правовой информации, считают средства массовой информации (рис. 4). При этом, возникает возможность искажения информации, поскольку при доведении сведений правового характера СМИ действуют избирательно. Средства массовой информации распространяют сведения о вновь, принятых нормативно-правовых актах и информацию, относящуюся к политической сфере. Но это не способствует эффективному правовому просвещению граждан, так как не вся необходимая правовая информация доводится до сведения граждан. Эта ограниченность и выборочность непосредственно влияет на степень сформированности правовых знаний, которая остаётся достаточно низкой. Ниша заполняется сведениями из ненадёжных источников правового информирования, что негативно влияет на правовую культуру молодёжи.

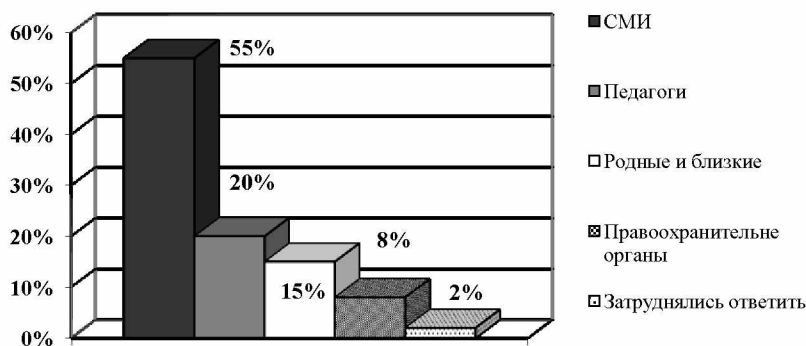

Рис. 4. Результаты ответов на вопрос: «Каков Ваш источник получения информации об основных правах?».

Ответы молодых людей на вопрос: «Что такое правовое воспитание?» указывают на неоднозначность их компетенций. 42 % молодёжи не в полной мере осознаёт суть данного понятия, а 36 % — опрошиваемых ответили, что правовое воспитание — это формирование правового образа мышления, т. е., судя по результатам, респонденты в разной мере владеют этими знаниями, но велика доля затруднившихся в ответе, что не может не вызывать обеспокоенность общества (рис. 5).

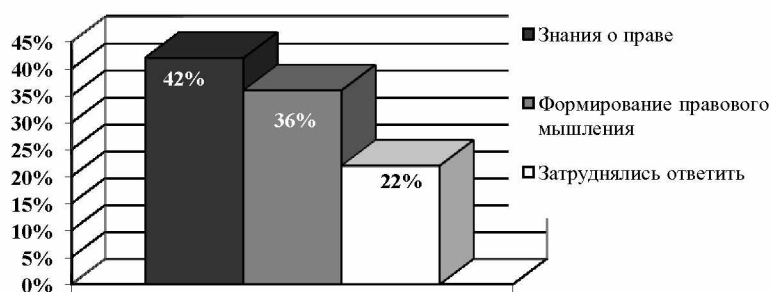

Рис. 5. Результаты ответов на вопрос: «Что такое правовое воспитание?».

Следующий вопрос: «Какие мероприятия, можно отнести к средствам правового воспитания?». Данные ответов респондентов позволяют судить о том, что молодёжь в не полной мере знает о мероприятиях правового воспитания, либо знает, но не осознаёт, что это такое. Результаты для удобства представлены на рисунке 6.

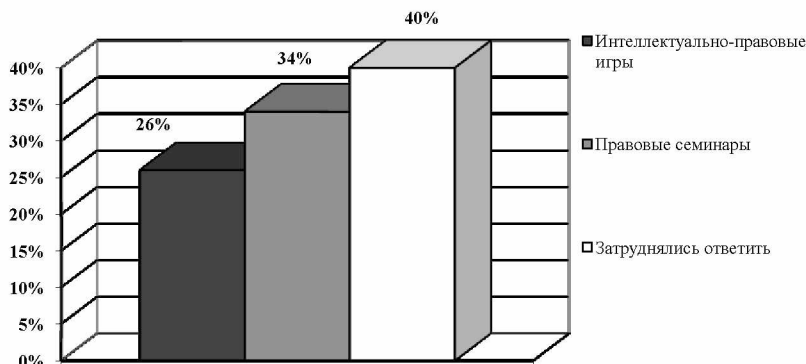

Рис. 6. Результаты ответов на вопрос: «Какие мероприятия можно отнести к средствам правового воспитания?».

Для того чтобы определить степень участия молодых людей в мероприятиях, направленных на правовое воспитание, был задан вопрос: «Участвуете ли Вы в этих мероприятиях?». Анализ данных по результатам ответов указывает на то, что подавляющее большинство респондентов — 55 % хотя бы раз участвовали в подобных мероприятиях, однако — 27 % опрашиваемого контингента не участвовали в них вообще, а 18 % — затруднялись ответить. Из представленных данных следует вывод о необходимости вовлечения молодых людей в процесс организации и участия в мероприятиях, направленных на правовое воспитание, как одного из факторов привития ей правовой культуры (см. рис. 7).

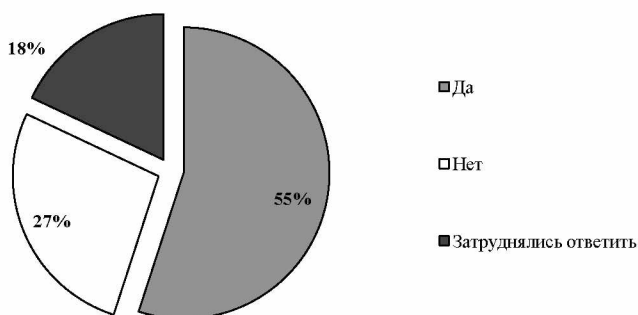

Рис. 7. Результаты ответов на вопрос: «Участвуете ли Вы в этих мероприятиях?».

Результаты ответов на следующий вопрос: «Хотели бы Вы повысить свой уровень правовой воспитанности и культуры?», указывают на положительное восприятие молодежью этих мероприятий. 67 % респондентов на него ответили положительно (Рис. 8).

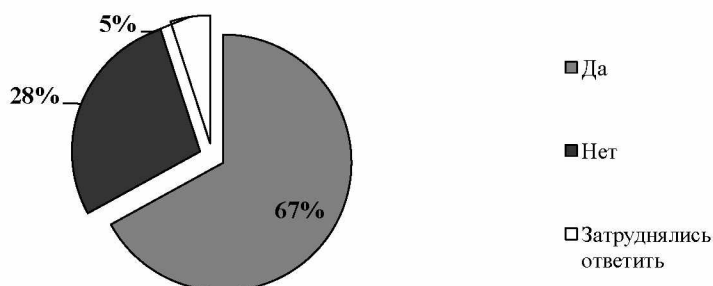

Рис. 8. Результаты ответов на вопрос: «Хотели бы Вы повысить свой уровень правовой воспитанности и культуры?».

Ответы на вопрос: «Как, по вашему мнению, возможно повышение уровня правового воспитания и культуры в современном мире?» большинство респондентов — 67 % отметили необходимость правового просвещения, что свидетельствует о его значении в глазах молодёжи и необходимости его наращивания (Рис. 9).

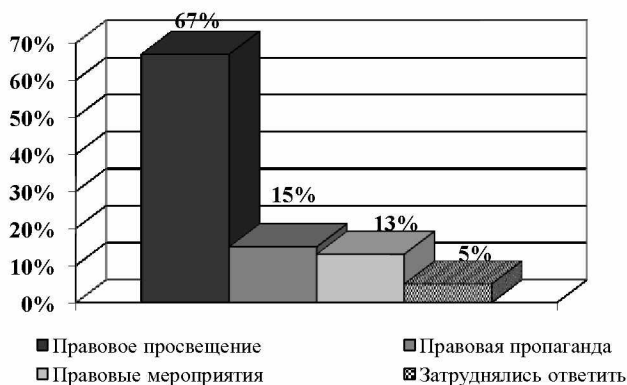

Рис. 9. Результаты ответов на вопрос: «Как, по вашему мнению, возможно повышение уровня правового воспитания и культуры в современном мире?».

Результаты ответов на вопрос, выявляющий уровень значимости правового воспитания: «Какое значение имеет правовое воспитание для правовой культуры молодёжи?», позволили нам прийти к выводу о том, что значительная часть респондентов — 44 %, считают необходимым и важным процесс правового воспитания для их правовой культуры, 28 % относится критически в отношении его значимости. При этом 24 % молодых людей затруднялись в ответе. В целом, на основе проведённого социологического опроса молодого поколения в контексте становления правовой культуры в г. Краснодар и Белореченском районе, Краснодарского края, как нам представляется, можно заметить, что уровень правового воспитания и правовой культуры молодёжи относительно невысок, но, при этом, достаточно высоки показатели понимания опрашиваемыми необходимости развития своих знаний в области права.

По нашему мнению, необходимо продолжить совершенствование механизмов, направленных на становление правовой культуры личности, формирования правового образа мышления и сознания, в том числе в направлениях:

1) формирование широких и глубоких знаниевых основ в области законодательно закреплённых правовых норм и принципов. Начиная с Античности общеизвестна максима, актуальная и сегодня: «незнание закона, или неверная его интерпретация и толкование, не освобождает от ответственности за совершённый проступок или правонарушение»;

2) неустанное повышение правовой культуры молодёжи через предупреждение таких антиправовых проявлений, как правовой нигилизм, правовая безграмотность, национализм, шовинизм и т.п. посредством правового просвещения.

Процесс правового воспитания включает в себя прежде всего формирование нравственно-этических и моральных установок, опора на которые необходима при построении диалога и манеры поведения молодых людей, а реализация представленных задач возможна в рамках института семьи и в учебных заведениях, т. е. социальное окружение. «Социальное окружение представляет собой основополагающий фактор, оказывающий значительное влияние на формирование личности, ибо каждый желает получить высокую оценку своих качеств и достоинств от других представителей общества. А в случае получения негативной оценки и характеристики происходит разрушение личности, что приводит к её деградации» [1, с. 121-122]. По нашему мнению, в рамках правового воспитания, как уже ранее было отмечено, необходимо целенаправленное формирование позитивного правосознания, которое способно противостоять влиянию противоречивой социальной реальности. Так, например, происходящие социальные и бытовые конфликты, либо нормированные взаимоотношения отражаются на правосознании личности, и от того, какими они являются, зависит эффективность становления правового образа мышления и правовой культуры в целом.

Осознание фактора противоречивого социального окружения, указывает на необходимость увеличения количества и качества мероприятий правовоспитательного характера с молодёжью, как со стороны учебных заведений, так и органов государственной власти, в том числе правопорядка. Они должны стать более открытыми и близкими своей практикой и опытом для молодёжи. Не менее важно отметить, что в условиях развития информационных систем, формирование правового сознания молодого поколения, развития правового просвещения и правовой пропаганды, должно активно войти в социальные сети и шире в ИНТЕРНЕТ. Позитивная правовая культура должна активно осваивать современные средства информации, в которые вовлечена молодёжь.

Заключение. В современном российском обществе, на фоне разрушительного наступления на сознание и поведение населения, прежде всего молодёжи, потребительских и псевдолиберальных ценностей [16], правовоспитательный процесс сталкивается с трудностями, обусловленными противоречиями, возникающими между нормами и принципами позитивного правового воспитания и деструктивного влияния со стороны противоречивого социального окружения и его процессов. Следствием этого влияния становится противоречивая правовая культура. В

такой ситуации формирование позитивной правовой культуры, стоящей на страже безопасности человека и общества, в значительной степени должно определяться внешними организованными факторами правового воспитания. Здесь необходимо увеличение количества и качества правовоспитательных мероприятий, создание дополнительных правовоспитательных центров и служб регионального уровня в сфере образования, в вузах в том числе, например в виде юридических консультаций по правовым вопросам при вузах. Правовоспитательный процесс молодёжи является важным механизмом формирования правовой культуры личности с повышенной социальной и правовой ответственностью за себя и своё окружение. Данный факт обуславливает важность системы правовоспитательной деятельности в современных социокультурных условиях, необходимость её совершенствования в рамках законодательно закреплённых норм и принципов правового государства.

Список литературы

1. Айвазян О. О. Особенности правовой коммуникации как социального института в концепциях мыслителей Древнего мира в формировании коммуникативно-правовой культуры личности // SocioTime / Социальное время. 2020. № 1(21). С. 117-126. DOI: 10.25686/2410-0773.2020.1.117
2. Айвазян О. О. Правовое воспитание молодёжи в современных социально-экономических условиях региона // Стратегические направления устойчивого развития социально-экономической политики Южного региона: материалы межрегиональной научно-практической конференции (г. Майкоп, 25 декабря 2012 года). Майкоп, 2012. С. 37.
3. Айвазян О. О., Кукушкина А. А. Социология. Краснодар: КГУФКСТ, 2019. 52 с.
4. Ахметов А. С. Актуальные вопросы правового воспитания // Правовая парадигма. 2018. Т. 17. № 2. С. 94-98.
5. Демидов А. В. Правовое воспитание: теоретико-правовой аспект // Новая наука: Теоретический и практический взгляд. 2016. № 4-3 (75). С. 204-206.
6. Зубова Я. В. Система правового образования в современном российском обществе: социокультурный аспект (на материалах Краснодарского края): дис. ... канд. соц. наук. Майкоп, 2006. С. 194.
7. Зубок Ю. А., Чупров В. И. Социология молодёжи: учебное пособие. М.: МИИТ, 2009. 322 с.
8. Ильин И. А. О сущности правосознания. Мюнхен: Иова Почаевского, 1956. 223 с.
9. Кукушкина А. А. Правовое образование как основа становления гражданского общества и правового государства // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2015. № 2 (158). С. 151-156.
10. Луков В. А. Воспитание // Знание. Понимание. Умение. 2015. [S.1.]. № 3. С. 333. ISSN 2218-9238. DOI: <http://dx.doi.org/10.17805/zpu.2015.3.29>.
11. Рассказов Л. П. Теория государства и права. М.: РИОР: ИНФРА-М, 2015. С. 448-449.
12. Самыгин П. С., Попов М. Ю., Самыгин С. И. Отношение к праву как критерий эффективности правовой социализации современной российской молодёжи // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2016. №5. С. 51-56.
13. ЕрліхСвген. Монтеск'є та соціологічна юриспруденція / Пер. з англ. і передмова С.І. Нежурбіді // Науковий вісник Чернівецького університету: Збірник наук.праць. Вип. 728: Правознавство. Чернівці: ЧНУ, 2014. С. 5-14.
14. Kaufmann A. Rechtsphilosophie. 2. Auf. München, 1997. pp. 45.
15. Pierre Bourdieu. Choses dites. Paris, Minuit, 1987. 229 с.
16. Шалаев В. П. Осторожно, мутация: человек и общество перед вызовами глобализации, западификации и потребления: противоречия нарастают // SocioTime / Социальное время. 2015. № 3. С. 48-57.

Авторская справка

КУКУШКИНА Аида Александровна, преподаватель кафедры философии, культуроведения и социальных коммуникаций, Кубанский государственный университет физической культуры, спорта и туризма, Краснодар, Россия. E-mail: Aida_Aleksandrovna@mail.ru.

АЙВАЗЯН Оксана Оганесовна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры философии, культуроведения и социальных коммуникаций, доцент кафедры иностранных языков, научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории методического сопровождения в сфере социально-культурной и педагогической деятельности, Кубанский государственный университет физической культуры, спорта и туризма, Краснодар, Россия. E-mail: O.O.Ayvazyan@mail.ru.

UDC 316.334.4

DOI: 10.25686/2410-0773.2021.2.76

ON THE ISSUE OF LEGAL EDUCATION IN THE SYSTEM OF LEGAL CULTURE DEVELOPMENT OF YOUNG PEOPLE IN THE CONDITIONS OF SOCIAL REALITY: A SOCIOLOGICAL ANALYSIS

A. A. Kukushkina, O. O. Ayvazyan

Kuban State University of Physical Education, Sports and Tourism, Krasnodar (Russia)

Introduction. The article is devoted to the consideration of legal education in the context of the formation of the legal culture of young people in the context of sociological science. The paper notes that an important and even necessary component of legal education is respect for the fundamental components of law and legally established legal norms and traditions.

Methods. The study and analysis of the basics of legal education among young people as a component of the legal culture of the individual, as well as the author's sociological survey aimed at identifying the level and significance of legal education of the younger generation.

Results. The main ideas of the study, the results obtained and their discussion. The article deals with the works of such scientists as I. A. Ilyin, A. S. Akhmetov, A. V. Demidov, P. S. Samygin, M. Yu. Popov, S. I. Samygin, A. Kaufman, E. Ehrlich, Ya. V. Zubova, Yu. E. Zubok, V. I. Chuprov and others, revealing the basics of legal education in the aspect of the formation of legal culture of youth. Thus, based on the analysis of various concepts, the paper notes that legal education should explain to society how important, and even necessary, it is to value and honor the legislative framework, as well as to comply with their obligations on a voluntary basis. The goal of a healthy legal education should be to overcome the alienation and marginalization of the individual from society and the state as a whole. The paper also presents the results of a sociological survey aimed at identifying the level and importance of legal education of the younger generation in the context of the formation of legal culture. These studies allowed us to conclude that the level of legal education and legal culture of young people is low, but high levels of awareness of the respondents in particular the need to improve and consolidate their knowledge in the field of law. On the basis of which some recommendations for improving the legal culture of young people are proposed.

Conclusion. The study provides insights about the importance of right educational process of young people, which is a valuable tool that allows to create pro culture a person of high social and legal responsibility for themselves and their environment.

Keywords: law, legal education, legal culture, sociology of law and culture, youth.

References

1. Ayvazyan O. O. Features of legal communication as a social institute in the concepts of thinkers of Ancient world in the formation of a communicative and legal culture of personality. SocioTime. 2020. no. 1(21). pp. 117-126 —DOI: 10.25686/2410-0773.2020.1.117. (in Russian).

2. Ayvazyan O. O. Pravovoeospitaniemolodezhi v sovremennyhsocial'no-jekonomicheskijuslovijahregiona [Legal education of young people in modern socio-economic conditions of the region] Strategicheskienapravlenijaustojchivogorazvitijasocial'no-jekonomicheskopolitikiJuzhnogoregiona: materialymezhregional'nojnauchno-prakticheskoykonferencii (Majkop, 25 December 25, 2012). Majkop, 2012. p. 37. (in Russian).
3. Ayvazyan O. O., Kukushkin A. A. Sociologija [Sociology]. Krasnodar, KSUPEST, 2019. 52 p.(in Russian).
4. Akhmetov A. S. Topical issues of legal education. Legal Concept. 2018. Vol. 17. no. 2. pp. 94-98. (in Russian).
5. Demidov A. V. Pravovoeospitanie: teoretiko-pravovojaspekt [Legal education: theoretical and legal aspects]. Modern science: Theoretical and practical approaches. 2016. no. 4-3 (75). pp. 204-206. (in Russian).
6. Zubova Ya. V. Sistemapravovogoobrazovaniya v sovremennomrossijskomobshchestve: sociokul'turnyjasppekt (namaterialahKrasnodarskogokrajia) [The system of legal education in modern Russian society: socio-cultural aspect (based on the materials of the Krasnodar Territory)]. Ph. D. thesis. Maykop, 2006, p. 194. (in Russian).
7. Zubok Yu. A., Chuprov V. I. Sociologijamolodezhi [Sotsiologiyamolodezhi]. Moscow, MIIT, 2009, 322 p. (in Russian).
8. Ilyin I. A. O sushhnostipravosoznaniya [On the essence of legal consciousness]. Munich, Job of Pochaevsky, 1956, 223 p. (in Russian).
9. Kukushkina A. A. Legal education as a basis for the development of civil society and legal state. Bulletin of the Adygeya State University. Series 1: Regional Studies: Philosophy, History, Sociology, Law, Political science, Cultural Studies. 2015. no. 2 (158). pp. 151-156. (in Russian).
10. Lukov V. A. VOSPITANIE [PERSONALITY DEVELOPMENT]. Znanie. Ponimanie. Umenie. S. 1. no. 3. p. 333. ISSN 2218-9238. DOI: <http://dx.doi.org/10.17805/zpu.2015.3.29>. (in Russian).
11. Rasskazov L. P. Teorijagosudarstva i prava [Theory of State and Law]. Moscow, RIOR: INFRA-M, 2008. pp. 448-449. (in Russian).
12. Samygin P. S., Popov M. Yu., Samygin S. I. Attitude to the law as the criterion of efficiency of legal socialization of modern Russian youth. Humanities, Socio-economic and Social Sciences. 2016. No. 5. pp. 51-56. (in Russian).
13. Ерліх Євген. Монтеск'є та соціологічна юриспруденція / Пер. з англ. і передмова С. І. Нежурбіди. Науковий вісник Чернівецького університету: Збірник наук. праць. Вип. 728: Правознавство. Чернівці, ЧНУ, 2014. pp. 5-14.
14. Kaufmann A. Rechtsphilosophie. 2. Auf. München, 1997. pp. 45.
15. Pierre Bourdieu. Choses dites. Paris, Minuit, 1987. 229 p.
16. Shalaev V.P. *Ostorozhno, mutatsiya: chelovek i obshchestvo pered vyzovami globalizatsii, zapadofikatsii i potrebleniya: protivorechiya narastayut* [Carefully, mutation: man and society before the challenges of globalization, West certification and consumption: contradictions are growing] // Socio Time / Sotsial'noe vremya [SocioTime]. 2015. N3. Pp. 48—57.

Author's bio

KUKUSHKINA Aida Aleksandrovna, lecturer at the Department of Philosophy, Cultural Studies and Social Communications, Kuban State University of Physical Education, Sports and Tourism, Krasnodar, Russia. E-mail: Aida_Aleksandrovna@mail.ru.

AYVAZYAN Oksana Oganessovna, PhD in Education Science, Associate Professor of the Department of Philosophy, Cultural Studies and Social Communications, Associate Professor of the Department of Foreign Languages, Research Laboratory of Methodological Support in the Field of Socio-Cultural and Pedagogical Activities, Kuban State University of Physical Education, Sports and Tourism, Krasnodar, Russia. E-mail: O.O.Ayvazyan@mail.ru.

Библиографическая ссылка

Кукушкина А. А., Айвазян О. О. К вопросу о правовом воспитании в системе развития правовой культуры молодёжи в условиях социальной реальности: социологический анализ // SocioTime / Социальное время. — 2021. — № 2 (26). — С. 76-90. — DOI: 10.25686/2410-0773.2021.2.76

ИСТОРИЯ

УДК 378.14.015.62

DOI: 10.25686/2410-0773.2021.2.91

ТРАНСФОРМАЦИЯ ИСТОРИИ В ТРАНСЛИРОВАНИИ ФАКТОВ ПОБЕДЫ ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

Л. И. Грошева¹, И. Л. Грошев¹, И. А. Грошева²

¹Тюменское высшее военно-инженерное командное училище имени маршала инженерных войск А. И. Прошлякова, Тюмень (Россия)

²Филиал Автономной некоммерческой организации высшего образования «Институт деловой карьеры», Тюмень (Россия)

Введение. В статье рассматривается проблема формирования образа исторических событий средствами массовой информации. Охарактеризована специфика представления военных событий, обозначена целевая направленность манипулирования, искажения и подмены исходных данных, принимаемых как неосознанно, так и в субъективных интересах. На примере освещения отдельных сторон Второй мировой войны отображается дивергенция содержательных и оценочных аспектов информационные сводки СМИ различных государств.

Методы. В качестве методов исследования выступили количественный контент-анализ значимого содержания (по методике А. Н. Алексеева) и качественный анализ сопроводительного и основного материала. Подсчёт осуществлялся исходя из наличия ключевых слов и словосочетаний, выявленных по результатам пилотажного анализа информационного массива. Качественный подход предусматривал изучение видеографического материала, метода построения текста, а также способов выражения субъективной оценки описываемого явления. Для сравнительного анализа отобраны источники, распространяемые в России, Республике Беларусь, в США и Европейском Союзе (на русском и английском языках).

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. Выявлены различия в содержании и качестве подачи материала в зависимости от территориальной ориентации источников. Российские и белорусские источники в значительной мере концентрируются на значении ущерба мирному населению, а также ориентированы на негативные аспекты распространения националистической идеологии. В американских и европейских СМИ проблема жертв в основном оценивается с точки зрения вреда еврейскому населению, в то время как наиболее востребованная идея содержит вклад государств-союзников в победу над националистическим движением.

Заключение. Указанная дивергенция формирует искажённое представление о вкладе в противостояние нацизму, сделанным Советским Союзом. Наличие ошибок и противоречий в информационных сводках на русском языке в значительной мере обусловлено желанием сформировать текст, вызывающий повышенный интерес и рефлексии пользователей. В отдельных ситуациях исторические факты трансформируются согласно заданной идее транслирующего субъекта.

Ключевые слова: информационная политика, информирование населения, транслирование информации, исторические факты, манипулирование, дезинформация, Вторая мировая война, средства массовой информации, информационная война.

Введение. Причины и специфика протекания войн происходят по типологическим схемам, их частотность и периодичность позволяют заявлять о том, что приобретаемый человечеством опыт недостаточно конкретен и рационален в восприятии новых поколений. Зачастую не подвергается анализу фактологическая и процессная составляющие победы советского народа в Великой Отечественной войне. Восприятие происходит исключительно на эмоциональном уровне — высоко оценены стойкость и сила духа победившего народа, но игнорируются причинно-следственные связи, обуславливающие эффективность государства как на уровне политики и экономики, так и в плане социально-психологического воздействия на население.

В рассматриваемый исторический период со стороны СССР погибло более 26 миллионов человек, среди которых почти 18 миллионов не имело отношения к военному контингенту. Особенно значительные потери понесла Белорусская ССР, на территории которой были расстреляны или сожжены более двух миллионов человек [1], следующая республика по количеству погибших — Украинская ССР (далее — Латвийская, Армянская, Литовская ССР). Несмотря на трагический опыт войны, современная практика показывает тенденцию возрождения негативных идеологий и идейных практик, нацеленных на нивелирование восприятия ущерба нацистской политики в отношении отдельных народов. Современные конфликты на Украине, в Сирии, а также в других регионах доказывают необходимость формирования духовных основ для противостояния разрушительным идеям радикальных экстремистских групп [2, р. 163].

Несмотря на изначально определённые и не поддающиеся сомнению итоги войны, в современных СМИ всё чаще встречаются факты искажения исторических событий, которые, в зависимости от государства, могут приобретать значительно трансформированные образы. Конструирование средствами массовой информации новой реальности прошлого, настоящего и будущего предопределяет новое сознание молодёжной среды, построенное на глобализированном информационном пространстве [3].

Ещё одной значимой специфической чертой современности является актуальность потребления информации по системе, сходной с реализацией экономических интересов на рынке. Согласно представлению Я. М. Рощиной в ходе оценки потребительских интересов исследователи сталкиваются со значительным превалированием демонстративных форм и наклонностей среди населения в возрасте 18-30 лет [4, С. 132]. Подобная стратегия сохраняет свою актуальность и в отношении информационных источников, относительно которых предпочтение отдаётся наиболее запоминающимся или провокационным формам. В отсутствие критической оценки публикаций формируются условия для ретранслирования данных как прямым методом (репост, адресные ссылки), так и в косвенном формате (присвоение информации с последующим конструированием слухов и иного неформального информирования) [5, р. 12].

Таким образом, для современной молодёжи в ходе потребления культурного контента характерны базовые принципы, которые необходимы для учёта при разработке информационной политики.

1. Молодые люди избегают больших текстов и комплексов, имеющих в своём содержании более трёх содержательных посылов.

2. В значительной мере интерес проявляется к тому, что позволяет выделить собственную личность на фоне разнообразного контента.

3. Преимущественно кумиры и поведенческие образцы для подражания избираются молодёжью исходя из принципа наличия образа в текущем времени [6, С. 114].

4. Молодым людям, как активным информационным потребителям, требуется постоянное обновление «продукта», которое позволяет им ощущать себя в потоке событий.

5. Превалирующая роль в самовыражении и демонстративном потреблении населения отводится виртуальным средствам обмена информации, которые не только оперативно поставляют сведения об изменчивых трендах, но и формируют основные тренды в отношении идеалов и идеалистических представлений касательно военных действий и достижений российской армии [7].

Следует отметить, что возрастающее влияние виртуальных коммуникаций не может игнорироваться сторонниками популяризации образа Победы как национальной идеи. Согласно данным исследовательского агентства Hootsuite в России насчитывается 109,6 миллионов интернет-пользователей, это значит, что уровень проникновения интернета находится на отметке в 76 %. Следует подчеркнуть, что пользователи в возрасте от 16 до 30 лет составляют 62,5 % от всей аудитории, что говорит о высокой активности именно молодёжи в рамках информационного общества [8, р. 232].

Особое внимание заслуживает структура наиболее используемых информационных ресурсов. В 2020 году самым посещаемым в России и Республике Беларусь стал видеохостинг YouTube, на третьем месте в России и четвёртом месте в Республике Беларусь оказалась социальная сеть Вконтакте. Востребованность официальных информационных порталов существенно снизилась, библиотечные и справочные системы занимали 12 и 9 места соответственно [9]. Данный факт позволяет диагностировать переход от полноценных информационных комплексов к короткому и эмоционально возбуждающему контенту, который требует незначительного времени для ознакомления и сопровождается сенситивными содержательными элементами, вызывающими яркие и устойчивые ощущения.

Учитывая тот факт, что события Великой Отечественной войны всё более отдаляются от современных поколений, а количество участников и свидетелей боевых действий в перспективе активно сокращается, образ победителей и достижение успеха представляются в большей степени как часть легенды, чем фактически произошедших событий. Поэтому феномен в значительной мере обрастает преувеличениями, новыми элементами, которые могут приносить не только пользу воспитательному процессу, но и ставить под угрозу вопрос доверия населения к сведениям о событиях [10].

Трансляция образа Великой Победы осложняется несколькими факторами.

1. Историческая отдалённость событий от современной жизни не позволяет верифицировать информацию посредством привлечения свидетелей или видеоматериалов.

2. Двойственность личностей полководцев и отдельных героев-символов Победы. Комплексное внимание к личности является справедливым подходом к достоверности отражения событий.

3. Идеологическая основа Победы, не соответствующая пониманию жизни современной молодёжи [11].

4. Упор на жертвенность и сострадание, которое не коррелирует с потребительскими установками массовой культуры.

5. Стереотипические представления о советских устоях и реалиях, противопоставляемых западным образцам культуры [12].

6. Превалирование разоблачительной литературы не верифицированного характера. Высокая востребованность источников по типу «жёлтой» прессы формирует у отдельных СМИ искушение акцентировать внимание на негативных, парадоксальных аспектах войны и Победы, даже если они не имели решающего значения [13].

Таким образом, проблема модерации образа Победы в Великой Отечественной войне сопряжена с идеологическими, политическими и экономическими интересами источников СМИ, различных организаций и групп давления.

Методы. С целью детализированного анализа процесса модерации образа Победы в Великой Отечественной войне в СМИ различных государств и выявления фактов манипулирования общественным сознанием, авторами работы было проведено исследование методом контент-анализа материалов, связанных с Великой Отечественной или Второй мировой войной.

В рамках контент-анализа было проанализировано:

1. 150 новостных российских информационных сводок, посвящённых Победе в Великой Отечественной войне.

2. 150 новостных белорусских информационных сводок, посвящённых Победе в Великой Отечественной войне.

3. 110 новостных американских информационных сводок, посвящённых победе во Второй мировой войне.

4. 110 новостных европейских (преимущественно английских) информационных сводок, посвящённых победе во Второй мировой войне.

Всё источники были отобраны в соотношении: 50 % — новостные газеты и официальные исторические порталы (Times, New Europe, Красная Звезда, Новая Газета и пр.), 50 % — тематические группы в социальных сетях (Вконтакте, Facebook, Инстаграм). Из анализа были исключены социальные сети категории мессенджеров (Twitter, Viber и пр.), так как их текстовая насыщенность незначительна, что препятствует проведению детализированного контент-анализа. В качестве временного периода анализа информационного поля был выбран 2019 календарный год. Анализ источников производился на языке оригинала: русском и английском, без применения автоматического или ручного перевода. Количественный анализ производился посредством подсчёта единиц значимого контента построено. В качестве единиц анализа использовались слова и словосочетания, содержащие упоминания войны, Победы, боевых действий, символов или памятных мест боевых действий и событий жизни в тылу военного времени.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. Следует отметить, что объём значимого информационного контента в указанных источниках составил в среднем 68 %, оставшаяся доля приходилась на эмоционально окрашенный комплекс оценочных суждений авторов публикаций. В России доля значимого содержания составляла 62 %, в Республике Беларусь — 74 %, в то время как в европейских и американских СМИ показатели содержательной информации колебались в пределах 65-68 %.

Достаточно парадоксальным является тот факт, что среднее соотношение фактологического материала и субъективной позиции в пользу объективных данных в рамках информационных порталов и газет составляло в среднем 51 %, в то время как посты в социальных сетях ввиду ограниченности объёма привлекающего чтения характеризовались большей информационной насыщенностью — 68-70 %. При этом наибольшая разница в пользу информирования в рамках социальных сетей проявилась в российском сегменте, в то время как европейские и американские публичные страницы были значительно менее содержательными и меньшими по текстовому объёму в среднем на 10-15 %.

Причины возникновения противостояния в рамках Второй мировой войны оцениваются различными государствами согласно степени и качеству их вовлечённости в боевые действия и полученного урона гражданским населением и постройкам. Этот факт достаточно чётко прослеживается в ходе сравнительного анализа объективной стороны причин конфликта (рис. 1).

Для России и Республики Беларусь актуализирована техногенная причина начала войны, заключающаяся в чрезмерном накоплении оружия и военных технологий, послуживших стимулом к началу военных действий. При этом в российских СМИ чаще встречается превалирующая доля Советских разработок, в то время как белорусские СМИ были концентрированы на достижениях немецких секретных организаций. Отдельные источники высказывали предположение о наличии определённого значения (доли, коэффициента), которое может выступать в качестве прогнозного показателя вероятности новых военных действий. Однако конкретных расчётов ни в одной сводке представлено не было. Для европейских и американских СМИ этот фактор хотя и имеет статистически значимое отражение, но по содержательной стороне выступал скорее в качестве простой констатации наличия военных мощностей.

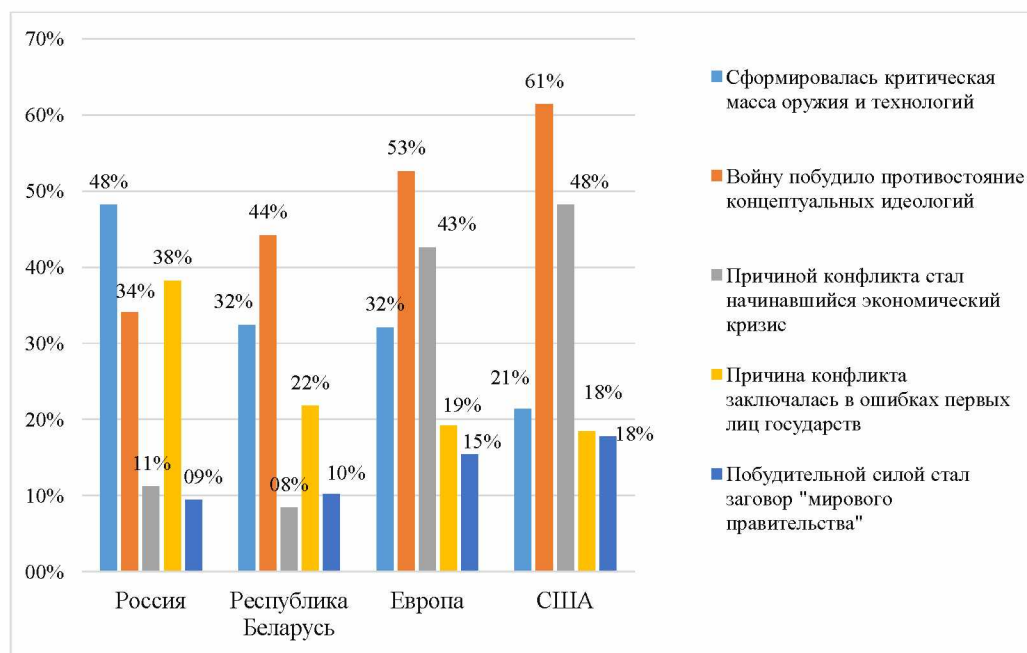

Рис. 1. Соотношение причин войны в СМИ различных государств.

Идеологическая составляющая в значительной мере интересует СМИ Европы и США. В значительной мере, идеологическое противопоставление занимает центральную позицию в большинстве сводок. Различия в подаче информации заключаются в характере представления конкретных идеологий. Если в российских и белорусских источниках в качестве наиболее стимулирующей войну идеологии рассматривается фашизм, то в остальных странах наибольшая негативная коннотация характерна для социалистических идей. Социализм как строй описывается как разрушительное военное государство, нацеленное на захватнический тип внешнеполитических контактов. Таким образом, в идеологическом плане вклад в начало военных действий распределяется между Германией и Советским Союзом неравномерно в зависимости от текущей политической конъюнктуры конкретного государства.

Экономический кризис, поразивший американскую экономику в 30-е годы, а также косвенный ущерб, нанесённый европейским странам, в российских и белорусских СМИ практически не упоминается в качестве непосредственных причин военных действий. Так как экономика социалистического блока не была затронута финансовыми инструментами инвестирования, то и в СМИ эта проблема рассматривается как незначительная.

В Европе и США этот аспект считается более значимым. Около половины американских сводок отмечали эффективность разрешения проблем и устранение последствий кризисного состояния американской экономики ввиду поставок военной техники непосредственным участникам конфликта. В трёх источниках было указано, что качество поставок было неудовлетворительным, в то время как принимаемый драгоценный металл в качестве оплаты стал основой благополучия американской экономики в течение длительного периода времени.

Внимание к ошибкам руководителей государств в большей степени присуще русскоязычным источникам. При этом в большей мере встречается информация об ошибках советского правительства, не предпринявшего достаточных усилий в отношении превентивных мер по стабилизации взаимодействия с Германией. В европейских и американских источниках подобным фактам уделено меньшее внимание, и в категорию рассматриваемых руководящих лиц помимо советской и немецкой сторон включены руководители Великобритании, Италии и США.

Начало войны как результат заговора правящих организаций более характерен для западного сообщества. В российских и белорусских СМИ эти факты указываются чаще как справочная или переводная информация из зарубежных источников. Среди виновников столкновения чаще всего позиционируются семейные группы Рокфеллеров и Ротшильдов, приводятся конкретные финансовые операции и данные о поставках вооружения, номера договоров и накладных. Однако найти в открытом доступе указанные документы оказалось невозможным, что делает вероятной недостоверность представленных в СМИ фактов.

Рассматривая конкретных виновников противостояния, следует отметить преимущественное внимание к Германии и СССР, в то время как остальные государства рассматриваются в исключительно косвенном плане (рис. 2).

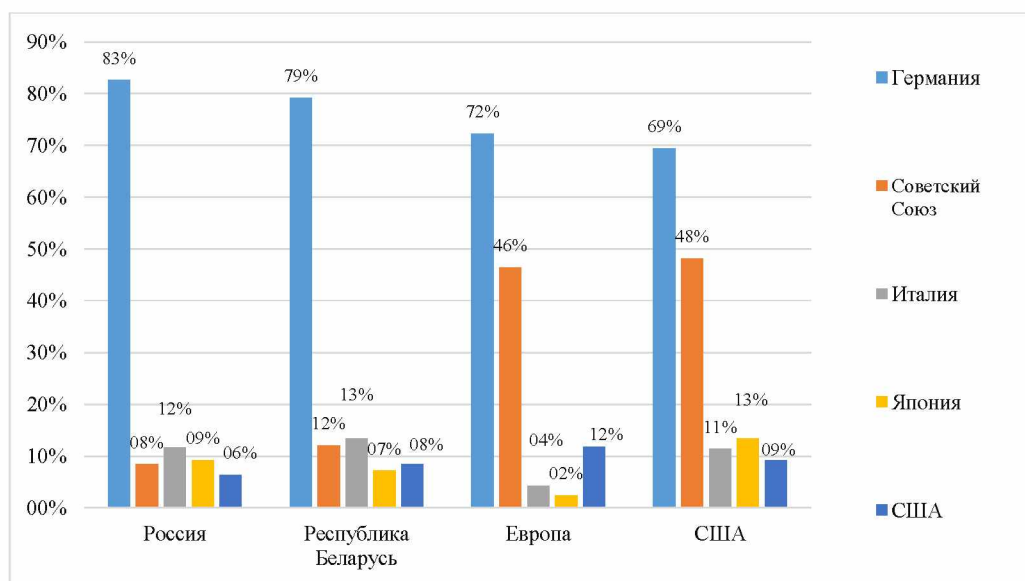

Рис. 2. Сравнительный анализ позиционируемой вины стран-участников конфликта.

В качестве преимущественного стимула к началу войны все СМИ однозначно рассматривают действия фашистского режима Германии. Данные подкрепляются статистическими выкладками, а также историями жертв концлагерей.

Европейские и американские СМИ в большей степени склонны считать долю вины Советского Союза на уровне 50 %. Этот факт объясняется активной и системной милитаризацией производства и экономики, интенсивными разработ-

ками оружия массового поражения. Среди фактов, в поддержку вины Советского государства СМИ указывают «агрессивное» противопоставление СССР капиталистическому миру.

Появление США в качестве виновника конфликта в основном имеет экономическую подоплёку. СМИ представляют данные о поставках и средствах, вырученных в ходе поддержки воюющих сторон, а также о высокой заинтересованности Америки в разрушении социалистического строя. Следует отметить, что наиболее критичны в этом отношении британские источники, которые допускают открытые обвинения в адрес Соединённых Штатов.

Япония как значимый участник конфликта отмечается в первую очередь американскими источниками, что обусловлено рядом сложностей во взаимоотношении между странами в военный период. Хотя японская армия не позиционируется как непосредственный участник начала войны, но, тем не менее, вклад её националистической идеологии описан достаточно детализированно.

Значимым фактом является нивелирование европейскими источниками роли Италии в формировании военного конфликта. Вероятно, этот факт обусловлен стремлением к стабилизации взаимоотношений государств, входящих в Европейский Союз. В это же время остальные СМИ всё же подчёркивают участие режима Муссолини в формировании националистического блока.

Положительная оценка Победы в СМИ различных государств разнится в зависимости от восприятия войны как таковой. Для россиян и белорусов она позиционируется как Великая Отечественная война, в то время как американцы и европейцы склонны ориентироваться на временные границы Второй мировой войны. Следует отметить, что превалирование положительного контента в большей степени характерно для англоязычной литературы. В 82 % источниках Победа сама по себе рассматривалась как исключительно положительное событие без упоминания негативных аспектов взаимодействия государств и наличия противоречий (не считая статистического указания количества жертв). В русскоязычном сегменте преимущественно позитивно окрашенные сводки были представлены лишь в 48 % случаев, для российских СМИ данный показатель ниже белорусского на 11,4 %. Среди негативно окрашенных сообщений следует отметить несколько базовых направлений: разоблачения лидеров и полководцев, выявление «новых» фактов относительно подписания акта о капитуляции, реакция жителей регионов (оккупированных при добровольном согласии жителей) на новости о Победе, реакция зарубежных стран на победу советских войск, разговоры зарубежных стран относительно передела мира после раздела Германии. В американской литературе подобные разоблачительные расследования в значительной мере сопровождаются позитивной окраской собственной армии, в то время как российская информация подаётся исключительно критического толка.

Сравнение базовой миссии Победы в СМИ различных регионов позволило оценить манипулятивные тренды информирования. В структуре сводок России наибольшее внимание уделено фактору совместного достижения успеха, а также вкладу национальных объединений в победу над фашизмом. При этом следует отметить, что смешения фашизма и немецкого народа практически не представлено. Реализация в рамках Победы субъективных интересов стран представлена

прессой менее широко, что говорит о явной идеологической направленности информирования и гармонизации межличностных коммуникаций внутри страны. В Республике Беларусь в целом просматриваются те же тренды, за исключением того факта, что большее внимание уделяется устранению националистической идеологии (72,4 %), что обусловлено большими жертвами среди мирного населения государства.

В европейском регионе информирование включает в себе практически равное внимание как к позитивным, так и негативным результатам Победы. В значительной мере рассматривается рост угрозы СССР в результате устранения фашизма, а также опасения в распространении социалистических идеалов в странах Прибалтики. Средства массовой информации США в свою очередь рассматривают Победу как некоторый политико-экономический акт, в рамках которого осуществлялось перераспределение сил давления на мировое сообщество. Косвенно, но чётко опознаваемо в сводках отмечается борьба США за сдерживание советских войск и препятствие распространения идеологии социализма в странах Европы. В трёх сводках было обнаружено прямое указание на борьбу с «Советским государством любыми средствами». Другой стороной негативных сообщений являлось открытое указание слабости американской политики перед советской идеологией.

Несмотря на то, что образ Победы воспринимается как радостное и позитивное событие, сохранение памяти о котором считается необходимым во всём мире, региональная дифференциация в отображении отдельных аспектов Победы позволяет говорить о влиянии современной политической обстановки на характер подачи информации. Данный факт свидетельствует о возможном манипулятивном воздействии на молодёжь и деформации восприятия русского народа как в глазах мирового сообщества, так и среди граждан России.

Заслуживающим внимания результатом является анализ ошибок в статьях, посвящённых Победе. Несмотря на небольшую совокупность дат, имён и фактов, в ходе исследования были выявлены опечатки и искажения, которые могут иметь вредоносное воздействие на читателей. Особенно тревожным стал тот момент, что ошибки чаще встречались в статьях с положительной коннотацией, нежели отрицательной (рис. 3). При этом разница в долях ошибок между русскоязычной и англоязычной литературой статистически не значима.

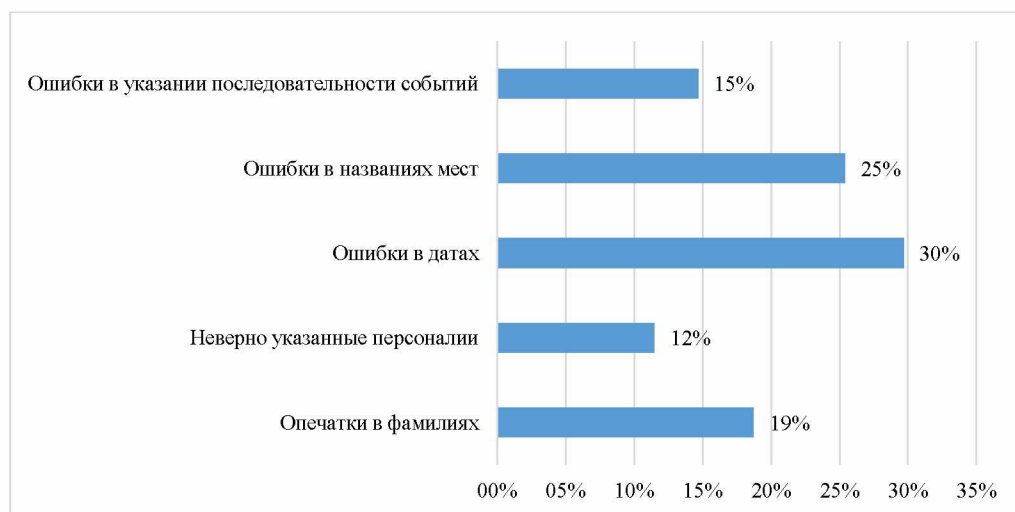

Рис. 3. Характер ошибок в информационных сообщениях о Победе.

Необходимо заметить, что 90 % ошибок было обнаружено в сообщениях, размещённых в социальных сетях, тогда как стандартные СМИ проявляли большую скрупулёзность при обращении с фактами. Настораживает, что молодые люди, как правило, знакомятся с окружающим миром посредством тематических сообществ и пабликов, чем посредством чтения электронных газет и журналов. По этой причине указанная проблема требует особого внимания.

В 29,7 % случаев наблюдалось искажение дат. В особенности это касалось подписания документов до и после дня Победы (разница в дне фактического ознаменования Победы в зависимости от Отечественной или Мировой войны в подсчёте не учитывалась). Чаще всего указывались неверные числа, реже ошибки касались месяцев или года.

25,4 % статей содержали опечатки или подмену названий населённых пунктов. Как правило, подмена происходила на города или поселения, которые фигурировали в других эпизодах войны. В отдельных случаях происходило смешение событий Первой и Второй мировых войн. 11,5 % сводок приписывали процесс подписания мирного договора или осуществление последних боевых действий другим полководцам и политикам, а в отдельных случаях указывали ведущую роль офицеров других государств. 18,7 % информационного массива содержали опечатки, оставляя узнаваемыми фамилии и места событий (указание одной буквы вместо удвоения, замещение букв «о» и «а» и т. д.).

14,7 % сводок меняли местами некоторые этапы заключения мира, а также празднования самой Победы в республиках. В значительной мере подобная тенденция характерна для событий, происходивших после подписания акта о капитуляции Германии.

В значительной мере ошибки вызваны спешкой при создании контента, а также незначительной погружённостью авторов в проблему освещаемой темы. Несмотря на то, что манипулятивных приёмов (замена действующих лиц) было представлено относительно немного, в целом появление существенных ошибок мешает формированию доверия к источнику и нивелирует информацию о событии в целом.

Таким образом, подводя итог контент-анализу, следует отметить наиболее значимые результаты исследования.

1. Причины военных действий и формирования конфликта в различных СМИ отличаются ввиду характеристик политической конъюнктуры государств. Достаточно чётко эта линия сохраняется в СМИ, публикующих переводы зарубежных статей. Вызывает опасение тот факт, что при переводе статей не указывается факт заимствования информации, т. е. данные подаются как авторская позиция.

2. Оценка вклада в начало военных действий производится исходя из идеологических установок и текущего взаимодействия между государствами. Различия в оценке участия Италии и Японии подтверждают эту гипотезу достаточно определённо. Настораживающим фактом является стремление СМИ закрепить непосредственную вину за СССР, как милитаризованного источника угрозы.

3. Образ Победы в значительной мере персонифицирован и учитывает личностный вклад участников и стран-победителей. Большое внимание этому фактору уделяется в России и Республике Беларусь, так как на их территории происходило наиболее ожесточённое сопротивление.

4. Победа оценивается, как результат консолидированных усилий и по большей части не присваивается конкретной страной. Дифференциация проявляется лишь в составе участников действий и оценке уровня их вклада. Если в российско-белорусском информационном пространстве в большей степени уделяется внимание вкладу СССР, то в европейском и американском сегменте его роль представляется менее значимой. Заслуживающим внимания является тот факт, что в отдельных статьях советская армия не упоминается в принципе, что формирует ощущение намеренного игнорирования фактологического материала.

5. Разоблачительные статьи о руководителях, полководцах и отдельных солдатах, с одной стороны, имеют целью показать комплексность личностей, послуживших Победе. Однако, с другой стороны, представляемая информация зачастую не верифицируется и приукрашивается, что препятствует адекватному восприятию действительности.

6. Современная политическая обстановка отражает наличие искажений в отражении ряда событий и личностей, внесших вклад в Победу. Что проявляется в большей мере в зарубежных СМИ.

7. Внимание к национальным характеристикам Победы, с одной стороны, играет положительную роль для создания ощущения общего вклада в результат. Однако, с другой стороны, чрезмерное внимание национальному фактору также создаёт определённое разобщение, заставляя читателей вести неосознаваемый подсчёт вклада в окончание войны конкретных народов.

Чтобы предотвратить негативные последствия искажения фактов и событий Победы, необходимо осуществлять комплексный мониторинг ситуации и предпринимать соответствующие меры коррекции.

По итогам исследования могут быть даны следующие рекомендации.

1. Осуществлять контроль над информационными сообщениями, касательно значимых событий и исторических личностей, внесших вклад в Победу.

2. Предотвращать появление постов (оперативно удалять или корректировать), которые предоставляют не верифицированные или заведомо искажённые данные.

3. Популяризировать официальные источники о войне и Победе на базе информационных порталов Красная звезда и официальных порталов Министерства Обороны РФ.

4. Сформировать общественное движение молодёжи, посвящённое защите истории, в рамках которого подключить к анализу СМИ активистов и волонтеров.

5. Способствовать формированию общественного движения «Наследники Победы», в рамках которого, создать программу волонтерского сообщества, действующего на основе идеалов Победы (может быть представлено межнациональное сотрудничество, восстановление исторических объектов, проведение просветительских акций, осуществление социальной помощи населению).

6. Ввести административное наказание официальных СМИ, которые допускают неточности и ошибки в сообщениях или предоставляют не подкреплённые фактологическим материалом данные о военных действиях и подвигах в годы Великой Отечественной войны.

Сохранение памяти о Великой Победе — результат коллективных усилий населения, государства и Министерства Обороны в частности. Несмотря на сложность современной политической обстановки, образ Победы должен оставаться светлым воспоминанием и уважительным признанием заслуг народов, которые совершили неоценимый подвиг, жертвуя своим благополучием. Будущая мирная жизнь прямо зависит от того, какие уроки будут извлечены из истории, и насколько чётко будут осознавать все риски и последствия захватнических и националистических настроений рядовые граждане и ведущие политики мировых держав. Остаётся надеяться, что консолидированная память будет жить в веках и новые поколения также будут чтить Победу и помнить тех, кто отдал многое для её достижения.

Закключение. Формирование образа Победы, как идейной составляющей воспитания подрастающего поколения, невозможно без учёта современных реалий ценностных установок молодёжи и специфики информационных технологий. Статичные образы, пропитанные патриотической тематикой советского времени, в значительной мере не находят достаточного отклика у аудитории, что не умаляет значимости социалистических настроений, однако требует особых подходов и нестандартных приёмов привлечения современной аудитории к достижениям прошлого. Исследование показало, что современное общество, не столкнувшееся непосредственно с тяготами военного времени, не может в достаточной мере оценить достижение Победы как часть собственного самосознания. Именно поэтому в представлении образа победителей присутствуют значительные разногласия даже среди СМИ России, основной преемницы Советского государства.

Другой особенностью образа Победы является вымывание роли и значимости советской стороны в разрушении основ фашистского режима, а также освобождении территорий от захватчиков. Перевод освободителей в категорию оккупантов активно тиражируется в СМИ Европы и США, хотя в последней — предпочтительнее рассматривать игнорирование СССР как победителя в целом.

Ассоциация Победы с архаическим пережитком советского прошлого устойчиво фиксируется в СМИ всех государств. Однако этот факт может быть нивелирован посредством уточнения преемственности поколений и возможности совершения столь же значимых поступков в обыденной жизни.

Стремление связать прошлое с происходящими событиями современности обусловлено склонностью молодых людей к кратковременному хранению данных в памяти, что приводит к низкой эффективности воспитательного эффекта. Учитывая потребительские наклонности молодых людей, образ Победы должен связываться с мотивационными, ценностными или иными установками ежедневного плана. В целом, интернет-СМИ, в особенности в рамках социальных сетей, практически не цензурируются. Авторами допускаются существенные ошибки не только в названиях населённых пунктов, именах полководцев, но и в годах, наименованиях противоборствующих сторон. Присутствует некоторая доля источников националистического толка, отвергающих вклад интернационального сообщества в дело Победы.

Несмотря на указанные проблемы, Победа является по-прежнему востребованным аспектом воспитательной деятельности и одним из идейных символов для молодого поколения. Особенно следует учесть тот факт, что привлечение к агитации молодых людей публичной сферы самореализации (блогеры) должно производиться в дозированном и соответствующем реалиям современного времени формате с использованием текущих достижений культуры для сохранения национальной памяти и распространения опыта интернационального сотрудничества в достижении светлых идеалов мирного будущего. Что в

особенности важно в условиях распространения локальных конфликтов и терроризма, победу над которыми ещё предстоит одержать будущим поколениям.

Список литературы

1. Козьменко В. М. Проблемы истории Великой Отечественной войны 1941-1945 гг // Вестник РУДН. История России. 2005. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-istorii-velikoy-otechestvennoy-voyny-1941-1945-gg> (дата обращения: 03.12.2020).
2. Lauth H.J., Schlenkrich O., Lemm L. Different types of deficient democracies: Reassessing the relevance of diminished subtypes // International Political Science Review. 2021. March. pp. 161-178. DOI: 10.1177/0192512121995686
3. Сулейманов Э. А. Отражение политической реальности в СМИ // Коммуникология: электронный научный журнал. 2017. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otrazhenie-politicheskoy-realnosti-v-smi> (дата обращения: 16.01.2020).
4. Рощина Я. М. Социология потребления // Журнал экономическая социология. М.: ВШЭ. № 5. 2006. С. 129-157.
5. Ekman J. Political Participation and Regime Stability: A Framework for Analyzing Hybrid Regimes // International Political Science Review. 2009. vol. 30, i. 1, pp. 7-31. DOI: 10.1177/0192512108097054
6. Старых Н. П. Средства массовой информации как источник формирования исторической памяти о Великой Отечественной войне // Вестник государственного и муниципального управления. 2015. №2. С. 111-119.
7. Кихтан В. В., Мамиева Б. Ю. К вопросу о манипулировании в современных СМИ // Вестник ВУиТ. 2018. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-manipulirovanii-v-sovremennyh-smi> (дата обращения: 16.01.2021).
8. Fruhstorfer A., Hein M. Institutional interests and the politics of constitutional amendment // International Political Science Review. 2021. vol. 42, i. 2, pp. 229-244. DOI: 10.1177/0192512119871323
9. Вся статистика интернета на 2020 год — в мире и в России // Портал web-canape. URL: <https://www.web-canape.ru/business/vsya-statistika-interneta-na-2020-god-v-mire-i-v-rossii/> (дата обращения: 28.02.2021).
10. Симонов А. Память о войне в современных российских СМИ // Портал Совет Памфилова. URL: <http://sovetpamfilova.ru> (дата обращения: 24.12.2020).
11. Совет Федерации оценит, как СМИ отражают правду о подвиге советского народа в Великой Отечественной войне // Портал Парламентская газета. URL: <https://yandex.ru/turbo?text=https%3A%2F%2Fwww.pnp.ru%2Fsocial%2Fsovet-federacii-ocenit-kak-smi-otrazhayut-pravdu-o-podvige-sovetskogo-naroda-v-velikoy-otechestvennoy-voyne.html> (дата обращения: 09.01.2021).
12. Диверге В. Советский Союз глазами германских солдат. Письма с Востока // Портал архивных исторических данных. URL: <http://militera.lib.ru> (дата обращения: 25.12.2020).
13. Вторая мировая глазами западных СМИ: уроки медиахронологии // Информационный портал Правмир. URL: <https://www.pravmir.ru/vtoraya-mirovaya-glazami-zapadnyh-smi-uroki-mediaxronologii/> (дата обращения: 15.01.2021).

Авторская справка

ГРОШЕВА Любовь Игоревна, кандидат социологических наук, доцент, Тюменское высшее военно-инженерное командное училище имени маршала инженерных войск А. И. Прошлякова, Тюмень, Россия. E-mail: malivia@rambler.ru.

ГРОШЕВ Игорь Львович, кандидат социологических наук, доцент, профессор, Тюменское высшее военно-инженерное командное училище имени маршала инженерных войск А. И. Прошлякова, Тюмень, Россия. E-mail: grosh@nextmail.ru.

ГРОШЕВА Ирина Александровна, кандидат социологических наук, доцент, заведующий кафедрой, Филиал Автономной некоммерческой организации высшего образования «Институт деловой карьеры», Тюмень, Россия. E-mail: grosh@nextmail.ru.

UDC 378.14.015.62

DOI: 10.25686/2410-0773.2021.2.91

TRANSFORMATION OF HISTORY IN BROADCASTING THE FACTS OF VICTORY IN WORLD WAR II

L. I. Grosheva¹, I. L. Groshev¹*¹Tyumen Higher Military Engineering Command School named after Marshal of Engineering Troops A. I. Proshlyakov, Tyumen (Russia)***I. A. Grosheva²***²Branch of the Autonomous Non-Commercial Organization of Higher Education "Institute of Business Career", Tyumen (Russia)*

Introduction. The article deals with the problem of forming the image of historical events by the mass media. The specificity of the presentation of military events is characterized, the target orientation of manipulation, distortion and substitution of the initial data, used both unconsciously and in subjective interests, is indicated. On the example of coverage of individual sides of the Second World War, the divergence of the substantive and evaluative aspects of information summaries of the media of different states is displayed.

Methods. The research methods were quantitative content analysis of significant content (according to the method of A. N. Alekseev) and qualitative analysis of the accompanying and main material. The calculation was carried out based on the presence of keywords and phrases identified by the results of the pilot analysis of the information array. The qualitative approach involved the study of videographic material, the method of constructing text, as well as ways of expressing a subjective assessment of the described phenomenon. For a comparative analysis, we selected the sources distributed in Russia, the Republic of Belarus, the United States and the European Union (in Russian and English).

Results. Differences in the content and quality of the presentation of the material are revealed depending on the territorial orientation of the sources. Russian and Belarusian sources largely focus on the significance of damage to the civilian population, as well as on the negative aspects of the spread of nationalist ideology. In the American and European media, the problem of victims is mainly assessed in terms of harm to the Jewish population, while the most popular idea contains the contribution of the Allied states to the victory over the nationalist movement.

Conclusion. This divergence forms a distorted view of the contribution of the Soviet Union to the opposition to nationalism. The presence of errors and contradictions in information bulletins in Russian is largely due to the desire to form a text that arouses increased interest and reflection of users. In some situations, historical facts are transformed according to the given idea of the transmitting subject.

Keywords: information policy, informing the population, broadcasting information, historical facts, manipulation, disinformation, World War II, mass media, information war.

References

1. Koz'menko V. M. Problemy istorii Velikoj Otechestvennoj vojny 1941-1945 gg [Problems of the history of the Great Patriotic War 1941-1945]. Vestnik RUDN. Istorija Rossii. 2005. no. 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-istorii-velikoy-otechestvennoy-voyny-1941-1945-gg> (in Russian).
2. Lauth H. J., Schlenkrich O., Lemm L. Different types of deficient democracies: Reassessing the relevance of diminished subtypes. International Political Science Review. 2021. March. pp. 161-178. DOI: 10.1177/0192512121995686
3. Sulejmanov Je. A. Otrazhenie politicheskoy real'nosti v SMI [Reflection of political reality in the media]. Kommunikologija: jelektronnyj nauchnyj zhurnal. 2017. no. 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otrazhenie-politicheskoy-realnosti-v-smi> (in Russian).

4. Roshchina Ja. M. Sociologija potreblenija [Sociology of consumption] // Zhurnal jekonomicheskaja sociologija. M.: VShJe. no. 5. 2006. pp. 129-157 (in Russian).
5. Ekman J. Political Participation and Regime Stability: A Framework for Analyzing Hybrid Regimes. International Political Science Review. 2009. vol. 30, i. 1, pp. 7-31. DOI: 10.1177/0192512108097054
6. Staryh N. P. Sredstva massovoj informacii kak istochnik formirovaniya istoricheskoy pamjati o Velikoj Otechestvennoj vojne [Mass media as a source of formation of historical memory of the Great Patriotic War]. Vestnik gosudarstvennogo i municipal'nogo upravlenija. 2015. no. 2. pp. 111-119 (in Russian).
7. Kihntan V. V., Mamieva B.Ju. K voprosu o manipulirovanii v sovremennyh SMI [On the issue of manipulation in modern media]. Vestnik VUiT. 2018. no. 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-manipulirovanii-v-sovremennyh-smi> (in Russian).
8. Fruhstorfer A., Hein M. Institutional interests and the politics of constitutional amendment // International Political Science Review. 2021. vol. 42, i. 2, pp. 229-244. DOI: 10.1177/0192512119871323
9. Vsja statistika interneta na 2020 god — v mire i v Rossii [All internet statistics for 2020 - in the world and in Russia]. Portal web-canape. URL: <https://www.web-canape.ru/business/vsya-statistika-interneta-na-2020-god-v-mire-i-v-rossii/>
10. Simonov A. Pamjat' o vojne v sovremennyh rossijskih SMI [Memory of the war in modern Russian media]. Portal Sovet Pamfilova. URL: <http://sovetpamfilova.ru> (in Russian).
11. Sovet Federacii ocenit, kak SMI otrazhajut pravdu o podvige sovetskogo naroda v Velikoj Otechestvennoj vojne [The Federation Council will assess how the media reflect the truth about the feat of the Soviet people in the Great Patriotic War]. Portal Parlamentskaja gazeta. URL: <https://yandex.ru/turbo?text=https%3A%2F%2Fwww.pnp.ru%2Fsocial%2Fsovet-federacii-ocenit-kak-smi-otrazhayut-pravdu-o-podvige-sovetskogo-naroda-v-velikoy-otechestvennoj-vojne.html> (in Russian).
12. Diverge V. Sovetskij Sojuz glazami germanskikh soldat. Pis'ma s Vostoka [The Soviet Union through the eyes of German soldiers. Letters from the East]. Portal arhivnyh istoricheskikh dannyh. URL: <http://militera.lib.ru> (in Russian).
13. Vtoraja mirovaja glazami zapadnyh SMI: uroki mediahronologii [World War II through the eyes of Western media: lessons of media chronology]. Informacionnyj portal Pravmir. URL: <https://www.pravmir.ru/vtoraya-mirovaya-glazami-zapadnyx-smi-uroki-mediahronologii/> (in Russian).

Authors' Bio

GROSHEVA Lyubov Igorevna, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Tyumen Higher Military Engineering Command School named after Marshal of Engineering Troops A. I. Proshlyakov, Tyumen, Russia. E-mail: malivia@rambler.ru.

GROSHEV Igor Lvovich, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Professor, Tyumen Higher Military Engineering Command School named after Marshal of Engineering Troops A. I. Proshlyakov, Tyumen, Russia. E-mail: grosh@nextmail.ru.

GROSHEVA Irina Aleksandrovna, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Head of Department, Branch of the Autonomous Non-Commercial Organization of Higher Education "Institute of Business Career", Tyumen, Russia. E-mail: grosh@nextmail.ru.

Библиографическая ссылка

Грошева Л. И., Грошев И. Л., Грошева И. А. Трансформация истории в транслировании фактов победы во Второй Мировой войне // SocioTime / Социальное время. — 2021. — № 2 (26). — С. 91-106. — DOI: 10.25686/2410-0773.2021.2.91

УДК 316.334.3

DOI: 10.25686/2410-0773.2021.2.107

МАЛАЯ/БОЛЬШАЯ РОДИНА: КАК ФОРМИРУЕТСЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ

Г. С. Широкалова

Приволжский филиал ФНИСЦ РАН; Нижегородская государственная сельскохозяйственная академия; Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова (Нижний Новгород, Россия)

Введение. Стержнем исторической памяти является коммуникативная память. С её угасанием в силу ухода поколения участников событий трансформируется историческое сознание. Особенно резко этот процесс проходит в трансформирующихся сообществах. Цель исследования — выявить особенности исторической памяти о Великой Отечественной войне современного студенчества в обществе травмы.

Методы. В 2020 г. Российское общество социологов провело четвёртую волну (первые три — 2005, 2010, 2015 гг.) Всероссийского опроса студенчества в режиме онлайн, поскольку в вузы пришло новое «цифровое» поколение. Организаторами опроса выступили преподаватели вузов из всех федеральных округов РФ. По своей конструкции опрос ближе к параметрам квотного исследования, в котором объект ограничивается возрастом и родом занятия, а значительный массив (10065 студентов) позволил структурировать его и по другим основаниям: полу, месту жительства, участию в волонтерстве и т. д.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. В основу статьи положена гипотеза, что место жительства остаётся сильным фактором, определяющим систему знаний молодёжи о полководцах, героях, событиях войны и их отражении в художественном и музыкальном творчестве.

Заключение. Предположение о том, что условия социализации тех, кто вырос в сельской местности и в городах-миллионниках, внесли значительные коррективы в историческую память внуков и правнуков поколения Победителей не подтвердилось. Единое информационное пространство, создаваемое педагогами, учебниками, СМИ, социальными сетями задаёт общую структуру исторического пространства, определяющее его содержательное наполнение в большей степени, чем условия повседневного бытия.

Ключевые слова: село; город; студенты; Великая Отечественная война; историческая память.

Введение. Малая / большая Родина в данном случае буквальное выражение: место жительства — один из значимых факторов социализации. Мы разделяем мнение О. Л. Лушниковой, что с ликвидацией колхозов и совхозов село лишилось своего главного «инвестора», что пагубно сказалось на состоянии социальной сферы. Оптимизация системы образования по переводу сельских школ в статус филиалов, структурных подразделений или их закрытие породило проблему доступности школьного образования [3, 146]. О том, что такие последствия неизбежны, автор статьи предупреждал ещё в начале программы административного реформирования сельских поселений [17, 193-201]. Но это не тот случай, когда учёный радуется сбывшемуся прогнозу.

Как сказались эти преобразования на исторической памяти? Напомним распространённое мнение, что Россия страна с непредсказуемым прошлым, ибо оно зависит от настоящего. Это утверждение справедливо не только для России: «памятникопад», начавшийся в США в июне 2020 г. в связи с убийством поли-

цейским афроамериканца Джорджа Флойда, свидетельствует о «ситуативности истории» в любой стране. Поэтому мониторинг исторической памяти имеет не только теоретический интерес, но и практическую значимость.

Методы. При анализе полученных результатов использовались традиционные для социологии исторический, сравнительный и статистический методы. Наши респонденты — студенты, чьё детство прошло в деревнях, имеющих менее 100 жителей. В общей выборке из 10065 человек таковые составляют 2,9 % — 292 человека. 59 % студентов из ПФО. Охарактеризуем опрошенных по уровню образования: на бакалавриате учатся 73,4 % (68,5 % — студенты 1-2 курсов), специалитете — 17,8 %, магистратуре — 8,6 %. Показателен выбор будущей специализации: 38,4 % гуманитарная, 33,9 % — техническая, 15 % — социально-экономическая, 6,8 % — естественно-научная, 2,4 % — военная, 1,4% — медицина [14]. Есть соблазн сделать вывод, что селяне не выбирают естественно-научные профессии, чтобы не возвращаться в село, но дело и в возможностях подготовки к ЕГЭ в сельской школе.

Вторая группа — 2123 студента или 21,1 % от всей выборки — представители «большой родины», они выросли в городах-миллионниках. 66,7 % из них перво-второкурсники. Социально-экономическую специальность выбрали 15,6 %, гуманитарную — 30,7 %, техническую — 43 %, медицину — 3,6 %. Сравнение профессиональных предпочтений косвенно свидетельствует о более высоком уровне подготовки выпускников городских школ: среди горожан на 10 % больше выбравших технические специальности (43 %), в 2,5 раза больше студентов медвузов (3,6 %), на 8 % меньше гуманитариев (30,7 %), почти в 2 раза меньше выбравших военную карьеру (1,3 %). Соответственно больше обучающихся на специалитете — на 5,6 %.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. Наша анкета содержала вопросы о трёх группах факторов социализации: семья, школа, СМИ, но какой из них в большей степени сформировал исторические знания в условиях единого информационного пространства, определить очень сложно, хотя студенты ранжируют их значимость (табл. 1).

Таблица 1. Наиболее значимые для респондентов источники знаний о Великой Отечественной войне (можно было выбрать 5 вариантов ответов, % от числа опрошенных).

Источники знаний о войне	Деревня, менее 100 семей	Город - миллионник
Учителя	79,1	75,8
Школьные учебники	78,8	74,7
Советские художественные фильмы	68,5	65,7
Рассказы родных	67,8	64,5
Встречи с ветеранами	52,4	40,0
Художественная литература	46,2	42,4

Советские документальные фильмы	43,8	43,9
Современные художественные фильмы	28,8	34,5
Современные документальные фильмы	24,7	29,7
Преподаватели вуза	22,9	28,2
Форумы в интернете	14,4	19,6
Ток-шоу по ТВ	9,9	10,3
Мемуары полководцев	9,6	9,7

Респонденты несколько превысили рекомендуемое количество ответов: по каждой колонке участниками опроса выбрано в среднем 5,5 вариантов. Значимость школы как источника знаний (учителя, учебники) несколько выше у селян, более авторитетны для них советские художественные фильмы, рассказы родных, художественная литература, но особенно отличается частота встреч с ветеранами, как форма воспитательной работы, практикуемая в школах. Горожане в большей степени ориентированы на новые источники знаний: современные художественные и документальные фильмы, форумы в интернете. В значительной части это объясняется недоступностью интернета в малых поселениях.

Обращает на себя внимание, что среди источников знаний о войне достойное место в обеих группах занимают советские художественные фильмы, несмотря на то, что они лишены привлекательных для современной молодёжи средств подачи информации. В 2010 и 2015 г. мы уточняли, какие фильмы о войне предпочитает смотреть молодёжь. Оказалось, что отказ от просмотра советских фильмов объясняется их большим эмоциональным накалом: смотреть их «психологически тяжело», а не отсутствием спецэффектов, на которых делают упор современные режиссёры [9, 8-10], [10, 14-15]. Невысока роль преподавателей вуза: сокращение курса отечественной истории до одного семестра, замена экзаменов по общественным дисциплинам зачётами, учебная и научная нагрузка, ведущая к эмоциональному выгоранию из-за превышения всех разумных пределов, дали ожидаемые плоды. Особо отметим роль телевизионных передач. Нельзя не согласиться с А. Н. Фортунатовым, что «телевидение советской эпохи действительно было удивительным оазисом задушевности и человечности, поскольку существовало в атмосфере совсем иных, чем западные, антипотребительских ценностей» [13, 223]. Детальные знания о войне — удел историков специалистов и её участников, хотя у каждого своя панорама и масштаб отражаемых событий. Переломные эпохи запоминаются через символы, а степень их сакрализации после ухода поколения с исторической арены определяется политикой государства. Одним из таких символов являются акторы эпохи, в нашем случае полководцы и герои Великой Отечественной войны (табл. 2).

Таблица 2. Доля студентов, назвавших имена полководцев и героев Великой Отечественной войны (% от числа опрошенных).

Полководцы и герои Великой Отечественной войны. Выбраны имена, набравших среди селян более 3 %.	Деревня, менее 100 семей	Город- миллионник
Жуков Георгий Константинович (маршал)	78,4	82,3
Рокоссовский Константин Константинович (маршал)	33,5	46,5
Конев Иван Степанович (маршал)	18,6	21,6
Матросов Александр Матвеевич	14,0	19,1
Сталин Иосиф Виссарионович (генералиссимус)	9,7	8,7
Космодемьянская Зоя Анатольевна	8,5	9,4
Василевский Александр Михайлович (маршал)	7,2	12,3
Ворошилов Климент Ефремович (маршал)	6,8	6,4
Шамуратов Минигали Мингазович (генерал)	6,8	3,2
Ватутин Николай Фёдорович (генерал армии)	4,7	7,0
Панфилов Иван Васильевич и панфиловцы	3,8	4,2
Тимошенко Семён Константинович (маршал)	3,8	3,8
Маресьев Алексей Петрович	3,8	5,8
Малиновский Родион Яковлевич (маршал)	3,4	4,3
Чуйков Василий Иванович (маршал)	3,8	7,3
Будённый Семён Михайлович (маршал)	3,4	4,0
Гастелло Николай Францевич (лётчик)	3,0	7,5

В общей выборке из 10 065 студентов 26 % не дали ответ на этот вопрос. То, что в условиях усиленной информационно-просветительской работы государства по проблеме патриотизма в течение последних лет, четверть студентов не смогла назвать ни одного имени, с одной стороны, свидетельствует об эмоциональном равнодушии части опрошенных к получаемой информации, вытеснении её как практически бесполезной. С другой, учтём и тот факт, что на открытые вопросы респонденты отвечают значительно реже, чем на закрытые (по статистике один из пяти, у нас же ответило 70 %). Среди респондентов-селян на каждого из 292 ответивших на вопрос студентов пришлось в среднем 2,8 ответа, на горожан — 3,4 ответа, что свидетельствует об их большей информированности о военных событиях. Знание героев и их иерархия определяются многими факторами. В том

числе структурой выборки. Каждый четвёртый опрошенный — студент уфимского вуза, что обеспечило включение в таблицу генерал-майора М. М. Шамуратова — командира 112-й Башкирской кавалерийской дивизии, погибшего в 1943 г., но получившего звание Героя России указом В. В. Путина 30 марта 2020 г., во многом благодаря обращению главы Республики Башкортостан Р. Хабирова. Село, где родился М. М. Шаймуратов, носит его имя, его бюсты установлены в этом селе, на Аллее Славы в парке Победы в городе Уфе ему посвящена песня, которую пели ещё при его жизни, написана одноимённая пьеса. Планируется установить памятник в Уфе [5]. В этом факте отражена ещё одна общемировая особенность: меньшие по численности народы более бережно относятся к памяти о своих героях.

Попутно отметим, что регионализация истории может иметь и разрушительные для социума последствия, как это происходит с переписыванием истории казачества [6, 151 - 164], героизацией генералов П. Краснова, Шкуро и других, служивших Гитлеру и казнённых после Второй мировой войны в СССР. В 2007 г. в станице Еланской Шолоховского района Ростовской области был создан музей и памятник Краснову, освящённый священником РПЦ. Открытие музея было поддержано региональной и местной властью. По свидетельству официальных лиц музей сформировал у многих положительное отношение к пособникам фашизма. После смены губернатора в 2016 г. было принято решение суда о сносе памятника, но в итоге с памятника лишь убрали табличку, закрыть же частный музей, в котором много благодарных записей от посетителей, гораздо сложнее [7]. В этих двух прямо противоположных по идеологическому содержанию случаях наглядно проявилась значимость персонификации истории для регионов и этносов, наличия визуального ряда в виде памятных знаков (памятников, названий улиц, присвоения имени образовательным и другим организациям), что особенно характерно для крупных городов и мест больших сражений.

Важность территорий памяти несомненна, но как оценивают её состояние молодёжь? (Табл. 3).

Таблица 3.

Мнение студентов о состоянии памятников, посвящённых участникам Великой Отечественной войны (% от числа опрошенных).

Состояние памятников истории, захоронений времён ВОВ в вашем городе / регионе?	Деревня, менее 100 семей	Город — миллионник
Всё в хорошем состоянии	18,5	12,7
Большая часть в хорошем состоянии	43,1	50,5
Только малая часть в хорошем состоянии	34,7	31,6
Всё в плохом состоянии	3,6	5,2

Положительные ответы преобладают у селян, но значительна доля и критических оценок. Массовое создание обелисков погибшим на войне в сёлах, район-

ных центрах и малых городах началось к сорокалетию Победы. В 1990-х годах Вечные огни потухли не столько из-за недостатка средств, сколько из-за пересмотра оценок Отечественной войны. Кое-где они вновь зажглись в начале двухтысячных, когда стало ясно, что новая власть не способна предложить общенациональный проект, нацеленный на будущее, способный объединить страну, расколотую по экономическим, социальным, мировоззренческим, духовным критериям. Обращение к ещё не угасшей исторической памяти о Великой Отечественной было вынужденным. Но нельзя бесконечно эксплуатировать события, какими бы значимыми для истории страны они не были. Невозможно будущее, опрокинутое в прошлое, тем более, если действительность стирает его приметы.

За последние 30 лет многие населённые пункты исчезли с карты, или обеднели настолько, что реставрация памятников отошла на второй план. Имели место скандалы с их сносом при замене на новые. Например, летом 2019 г. в Нижегородской области в Семёновском районе по распоряжению местных властей демонтировали памятник воинам Великой Отечественной войны, а разбитыми памятными плитами с фамилиями павших бойцов засыпали ямы на грунтовой дороге, что возмутило жителей [15]. Памятник обещали восстановить на центральной площади, но этого не произошло и к юбилейному году. Нередко в деревнях и сёлах памятники стояли у школ, где учились участники войны; там проходили линейки, митинги 9 мая. Когда школы закрывались, экспонаты, не значимые для музеев других населённых пунктов, выбрасывались, разрушались памятные места. Есть и иные варианты: в г. Иваново, где, несмотря на протесты жителей, разрушили памятник героям Великой Отечественной войны, установленный в честь юбилея Победы над фашизмом на площади 40-летия Победы, потому что он мешал строящейся церкви [1].

Единства мнений по поводу увековечивания имён исторических деятелей нет и среди учёных. Помню, на Панаринских чтениях 2016 г. один из докладчиков из Санкт-Петербурга заявил, что против памятной доски Маннергейму (которую не убрали, а лишь перевесили) «выступают образованцы, не знающие истории» [16, 165]. Кстати, эту доску открывал министр культуры РФ В. Р. Мединский [4].

Образовательные программы, СМИ в большей степени акцентируют внимание на стратегических событиях, чем личностях, что подтверждается сравнением наполняемости ответами таблиц второй и четвёртой. Из 10065 студентов на вопрос не ответило 22,3 %. Из селян каждый ответивший назвал в среднем 3 имени, из горожан — 3,3. Широкое освещение в СМИ подвига ленинградцев во время войны, продолжающийся в электронных сетях скандал по поводу социологического опроса «Дождя» и заявлений на тему, что Ленинград надо было сдать немцам [8], эвакуация заводов и ленинградцев во все регионы СССР, большой туристический поток в С.-Петербург обеспечили блокадному Ленинграду первое место в рейтинге исторической памяти (табл. 4).

Таблица 4.

Доля студентов, назвавших важнейшие события, сражения Великой Отечественной войны (% от числа опрошенных).

Важнейшие события, сражения. Выбраны события, набравшие среди селян более 3 %.	Деревня, менее 100 семей	Город- миллионник
Блокада Ленинграда, снятие блокады	57,6	56,2
Сталинградская битва, операции «Уран», «Сатурн»	53,8	67,9
Курская дуга	53,8	55,8
Битва за Москву	41,2	40,5
Битва за Берлин	18,9	19,1
Оборона Брестской крепости	10,9	12,5
Оборона Севастополя	10,1	14,0
Смоленская операция («Суворов»)	8,8	6,2
Освобождение Белоруссии, операция «Багратион»	5,5	6,6
Танковое сражение под Прохоровкой	5,5	4,5
Ржевская битва, операция «Марс»	4,2	4,0
Форсирование Днепра	4,6	4,2
День Победы, 9 мая, окончание ВОВ	3,8	2,2

На втором — Сталинградская битва. Структура выборки здесь отразилась в меньшей степени: волгоградцев — 8,6 % выборки. Но, если сражение под Прохоровкой включить в Курскую операцию, составной частью которой она и была, то Курская дуга более значима для исторической памяти респондентов.

Вторая и четвёртая таблицы свидетельствуют, прежде всего, о рациональном знании истории Великой Отечественной войны. Музыкальные произведения, кинофильмы — это и эмоциональная память (табл. 5).

Таблица 5. Доля студентов, назвавших музыкальные произведения о Великой Отечественной войне (% от числа опрошенных).

Музыкальные произведения о Великой Отечественной войне. Выбраны песни, набравшие среди селян более 3%.	Деревня, менее 100 семей	Город- миллионник
Катюша	66,4	62,4
День Победы	39,5	34,9
Священная война (Вставай, страна огромная!)	23,9	25,6
Журавли	16,0	16,5
Смуглянка	13,0	13,3

Тёмная ночь	12,2	19,7
Землянка (Бьётся в тесной печурке огонь)	12,6	7,2
Синий платочек	12,2	10,6
Прощание Славянки	5,5	5,1
На безымянной высоте	4,2	4,3
Нам нужна одна победа (Б. Окуджава)	3,8	5,6
Огонёк (на позицию девушка провожала бойца)	3,8	1,1
Три танкиста	3,4	7,7
Офицеры (От героев былых времён)	3,4	3,0
Последний бой	3,4	3,2

Не дали ответа на вопрос 26,8 % студентов. Из селян каждый опрошенный назвал в среднем 2,7 музыкальных произведения, у горожан — 2,8. Показательно, что в списке нет песен из современных фильмов: за последние 30 лет не создано ни одного значимого для молодёжи музыкального произведения о Великой войне, о чём свидетельствуют и данные интернета. Отметим также очевидный факт, что у современных исполнителей песен даже военных лет не получается передать ту глубину, трепетность чувств, которая была у певцов поколения М. Бернеса и К. Шульженко. Проявляются в ответах и сбои памяти: «Врагу не сдаётся наш гордый Варяг» отнесли к песням Отечественной войны около 10 человек.

Вместе с культурой сбора большой семьи по праздникам, приёма многочисленных гостей ушла культура домашнего коллективного пения, а с нею угасает эмоциональность восприятия песен. Эти утраты результат изменения образа жизни, сопровождающегося атомизацией общества. Нет коммеморации — нет и памяти, нет памяти — нет идентичности... Количество ответов, данных селянами, не на много больше, чем у горожан, что свидетельствует об утрате коллективного пения и в деревнях. Уходит в прошлое культура авторской песни, связанная с турпоходами, массовыми фестивалями песен под открытым небом. Шесть песен В. Высоцкого, кумира поколения дедов и отцов, в общей сложности назвало около 130 человек. Авторская песня о войне перешла в социальные сети, но не стала популярной. К примеру, на конкурс «На благо мира», начавшийся в 2019 г., ставящий целью распространение гуманистического начала в массовой культуре, было подано всего несколько работ и при всей трогательности отдельных строк и интонаций, это песни с короткой жизнью [12].

Есть и противоположные по идеологии сайты. Только на одном из них песня музыкального продюсера Вандаля, прославляющего казнённых за сотрудничество с фашистами преступников, о генерале Краснове со словами «казахьи отряды СС отстояли арийскую честь» собрала в интернете более 36 тысяч просмотров, 281 положительную оценку и 57 отрицательных. Судя по комментариям, песня в

интернете выставлена 7 лет назад [2]. Есть на сайте этого автора песни, посвящённые и другим пособникам Гитлера, казнённым после войны.

Ещё один эмоциональный источник исторической памяти — кинофильмы, книги (табл. 6).

Таблица 6. Доля студентов, назвавших художественные произведения о Великой Отечественной войне (% от опрошенных).

Художественные произведения о Великой Отечественной войне. Выбраны фильмы, набравшие среди селян более 3 %.	Деревня, менее 100 семей	Город- миллионник
А зори здесь тихие (повесть, советский и современный фильм)	47,1	46,9
В бой идут одни старики х/ф 1973	28,6	22,9
Судьба человека (М. Шолохов, проза и фильм)	18,5	19,4
Они сражались за родину (М. Шолохов, фильм, книга)	15,9	11,9
Т-34 х/ф 2018	15,0	12,6
Василий Теркин (А. Твардовский)	9,7	11,4
Битва за Севастополь х/ф 2015	9,3	10,6
Сталинград х/ф 2013	8,4	14,5
Офицеры х/ф 1971	7,0	6,0
28 панфиловцев х/ф 2016	6,6	6,5
В списках не значился (Б. Васильев)	5,7	7,0
17 мгновений вёсны (телесериал)	5,7	6,4
Брестская крепость х/ф 2010	4,4	6,8
Повесть о настоящем человеке (Б. Полевой)	5,3	7,9
Горячий снег (Ю. Бондарев фильм и проза)	5,3	5,4
Живи и помни (В. Распутин, фильм и повесть)	5,3	3,4
Молодая гвардия (А. Фадеев фильм и проза)	3,5	3,1
Жди меня (К. Симонов)	4,0	1,8
Сотников (В. Быков)	3,5	3,6
Мы из будущего х/ф 2008 -2010	3,1	3,1
Живые и мёртвые (К. Симонов)	3,1	3,6
Белый тигр х/ф 2012	3,1	1,6

Не ответило на вопрос 29 % респондентов. На каждого из опрошенных и селян, и горожан в среднем приходится 3 ответа. Горожане в большей степени знакомы с премьерными последними лет. Испытание временем выдержали «В бой идут одни старики», и «Зори...». К сожалению, мы не можем установить популярность старого и нового фильма. При некотором колебании в распределении, не-

пархия приоритетов сохраняется во всех таблицах, что подтверждает совпадение информационного пространства исторической памяти вне зависимости от места жительства.

Сравнение же по этим показателям поколений прадедов, дедов, отцов и внуков свидетельствует о разрыве исторического пространства. Это наглядно видно по известности «17 мгновений весны» — фильм, популярность которого не знала равных у поколения дедов и отцов. Новое поколение оценило его известность по десяти тысячной выборке в 4,3 %. Утрачивается не только историческая память поколений, но и сужается круг общих тем для обсуждения между членами большой семьи. В 2005 и в 2010 гг. историческая память нижегородской молодёжи формировалась на художественных фильмах, вышедших тогда на экран, в которых стремление режиссёров эпатировать зрителей преобладало над достоверностью и нередко весьма субъективно отражало события и факты военных лет («Сволочи», «Штрафбат», «Бесславные ублюдки» и т. п.). Ясно, что подобные ленты появлялись как «оружие массового поражения» с целью десакрализации поколения Победителей, но они не остались в ряду популярных фильмов о войне.

Заключение. Подведём итоги. Высокая степень диспропорции социально-экономического развития города и деревни, их социальной инфраструктуры, качества жизни населения влияет на многие характеристики личности и жизненные стратегии молодёжи, но семья, школа, ТВ в целом формируют единое информационное пространство, обеспечивающее аналогичные картины исторической памяти. В то же время, клиповость знаний (не только исторических), формируемая новыми образовательными стандартами, закладывает возможность манипуляции историческим сознанием с политическими целями. Перевод культурного кода в «цифру» может укреплять суверенитет страны, но может и разрушать его в зависимости от того, кому «цифра» служит.

Напомним, какую роль в формировании антипатриотизма сыграли «внедрённые» в школу на рубеже веков учебники истории, художественные фильмы, «научные» исследования, мемуары «обиженных», дискредитирующие итоги и цену победы советского народа в Великой Отечественной войне. Негативное отношение ко «всему советскому» закономерно привело авторов «перестроечных» учебников к антипатриотической позиции. Сегодня мы пожинаем плоды работы этих людей, усилия которых до сих пор не только не оценены по достоинству, но и не обсуждаются. В целом же характеризуя информационное пространство, формирующее историческое сознание молодёжи, отметим, что оно не имеет принципиальных отличий в зависимости от территориального признака.

В связи с опытом недавних лет двойственные чувства вызывает закрепление в ст. 67 Конституции РФ положения «Российская Федерация чтит память защитников Отечества, обеспечивает защиту исторической правды. Умаление значения подвига народа при защите Отечества не допускается» [12]. Ведь при этом остаётся статья 13, входящая в первый раздел Конституции, изменение которого возможно только Конституционным собранием, о том, что в России запрещена какая-либо идеология как государственная. Как это «вкрапление» сочетается с ус-

тоявшейся практикой десимволизации Знамени Победы, замены его флагом, под которым формировалась армия генерала Власова? Будет ли после принятия этой поправки маскироваться Мавзолей В. И. Ленина, к подножию которого бросались фашистские знамёна? Вопросы, на наш взгляд, риторические. Десакрализация Победы — искусственное обесценивание священных образов, мировоззренческих установок — продолжается более трёх десятилетий. Официальная история — это проект, содержание которого формируется в политических играх, а проявляется благодаря единому информационному пространству в общественном сознании граждан вне зависимости и в зависимости от места их жительства. Можно ужесточить уголовное наказание за оправдание фашизма до 5 лет тюремного заключения и увеличить штраф до 5 миллионов рублей, что и сделано поправками в Уголовный кодекс в апреле 2021 г., но что делать с учебниками, художественными фильмами, ток-шоу 1990-х? В интересном по экспонатам Музее истории казачества в Ставрополе есть фотография генерала Краснова. Попадает ли музей под санкции закона? Политическая воля на этот счёт молчалива... Судьба исторической памяти непредсказуема. Почти в той же степени, что и будущее...

Список литературы

1. В Иваново по благословлению РПЦ МП сносят памятник героям Великой Отечественной войны [Электронный ресурс]. URL: <http://www.portal-credo.ru/site/?act=news&id=95083>. 11.09.2012. (Дата обращения: 15.05 2020).
2. Ванда. Генерал Краснов. (AlGeneralKrassnoff). [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=2-Zlg1lERdA>. (Дата обращения: 18.05 2020).
3. Лупникова О. Л. Проблемы сельского школьного образования Хакасии // Научный журнал «Дискурс» — 2019 — 12 (38). Социологические науки. С. 146-161.
4. Мединский оправдал союзника нацистов [Электронный ресурс]. - URL <http://yaruss.ru/medinskij-opravedal-soyuznika-nacistov/> 17.06.2016 (Дата обращения: 28.11.2016).
5. Мухаметова Р. Татарин из села Биштыки: легендарный генерал Минигали Шаймуратов по-смертно стал Героем России. [Электронный ресурс]. URL: <https://sntat.ru/news/society/02-04-2020/tatarin-iz-sela-bishtyaki-legendarnyy-general-mingali-shaymuratov-posmertno-stal-geroem-rossii-5733478>. (Дата обращения: 15.05 2020).
6. Никитин Н. И. Учебные пособия по истории казачества и некоторые проблемы современной историографии // Российская история. 2019. Выпуск 4. С. 148-164.
7. Памятник фашисту Краснову хотят снести. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=3VcEqed7Rgo> 19 мая 2016 г. (Дата обращения: 15.05 2020).
8. Путин назвал придурками сторонников идеи сдать Ленинград немцам. [Электронный ресурс]. URL: <https://lenta.ru/news/2019/12/19/pridurki/>. 19 декабря 2019. (Дата обращения: 17.05 2020).
9. Саралиева З. Х., Балабанов С. С., Куконков П. И. Великая Отечественная в памяти поколений. Н.Новгород. Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского. 2010. — 63 с.
10. Саралиева З. Х., Куконков П. И., Широкалова Г. С. Великая Отечественная в памяти поколений. Изд-во НИСОЦ. 2015 — 49 с.
11. Современные песни о войне и победе. [Электронный ресурс]. URL: <https://nablagomira.ru/news/396>. 18.08.2019. (Дата обращения: 18.05 2020).
12. Конституция РФ [Электронный ресурс]. URL: <http://duma.gov.ru/news/48953/>. (Дата обращения: 24.01 2021).
13. Фортунатов А. Н. Может ли эго-медиум быть патриотом? //// Феномен патриотизма в трансструктурном коммуникационном поле. Материалы Международной научно-практической

конференции 11-12 марта 2020 г. / Под ред. И. А. Савченко; Нижегород. гос. лингв. ун-т им. Н. А. Добролюбова: ННГУ, 2020. — 268 с.

14. «Что мы знаем о Великой Отечественной...». Общероссийское исследование РОС. Руководитель д.филол.н., проф. Ю. Р. Вишневский, члены авторского коллектива: д.соц.н., проф. Н. В. Дулина, к.соц.н., доц. Е. Н. Икингрин, с.н.с. ФНИСЦ РАН Е. И. Пронина, д.соц.н., проф. Г. С. Широкалова, к.соц.н., доц. Д. В. Шкурин. Зимой — весной 2020 г. опрошено 14 626 человек, их них 10065 студентов — граждан РФ. Зима - весна 2020. «Что мы знаем о Великой Отечественной...» [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.google.com/forms/d/e/1FAIpQLSc9e9fNpqdOiqB1zsCvxCjHkL4tlhFn0cap8uNAhxmOyoeUiQ/viewanalytics> (Дата обращения: 04.05 2020).

15. Шадиева И. В Нижегородской области незаконно демонтировали памятник воинам Великой Отечественной войны. 04.06.2019. [Электронный ресурс]. URL: <https://fedpress.ru/news/52/incidents/2244130> (Дата обращения: 10.05 2020).

16. Широкалова Г. С. Историческая память и патриотизм повседневности // Историческая и социально-образовательная мысль. 2018. Том. 10. № 3 - 2. С. 161-174.

17. Широкалова Г. С. Сельская школа: приказано жить или умирать? // Философия хозяйства. 2015. № 3. С. 193-201.

Авторская справка

ШИРОКАЛОВА Галина Сергеевна, доктор социологических наук, профессор, старший научный сотрудник, Приволжский филиал ФНИСЦ РАН; зав. кафедрой «История, философия и социология», Нижегородская государственная сельскохозяйственная академия; ведущий научный сотрудник, Международная междисциплинарная научно-исследовательская лаборатория изучения мировых и региональных социальных процессов, НГЛУ им. Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия. E-mail: shirokalova@list.ru; <https://orcid.org/0000-0003-4089-5446>.

UDC 316.334.3

DOI: 10.25686/2410-0773.2021.2.107

SMALL/BIG HOMELAND: HOW HISTORICAL MEMORY IS FORMED

G. S. Shirokalova

Volga Branch of the Federal Research Research Center of the Russian Academy of Sciences; Nizhny Novgorod State Agricultural Academy; Nizhny Novgorod State Linguistic University N. A. Dobrolyubova, Nizhny Novgorod (Russia)

Introduction. The core of historical memory is communicative memory. With its fading, due to the departure of a generation of participants in events, historical consciousness is transformed. This process takes place especially sharply in transforming communities. The purpose of the study is to identify the features of the historical memory of the Great Patriotic War of modern students in the society of trauma.

Methods. In 2020, the Russian Society of Sociologists conducted the 4th wave (the first three - 2005, 2010, 2015) of the All-Russian survey of students online, as a new “digital” generation has come to universities. The survey was organized by university professors from all federal districts of the Russian Federation. By its design, the survey is closer to the parameters of quota research, in which the object is limited by age and occupation, and a significant array (10,065 students) allowed it to be structured on other grounds: sex, place of residence, participation in volunteering, etc.

Results. The article is based on the hypothesis that the place of residence remains a strong factor determining the youth knowledge system about generals, heroes, events of the war and their reflection in artistic and musical creativity.

Conclusion. The assumption that the socialization conditions of those who grew up in rural areas and in cities with over one million people made significant adjustments to the historical memory of the grandchildren and great-grandchildren of the generation of Winners was not confirmed. The unified information space created by teachers, textbooks, the media, social networks defines the general structure of the historical space, which determines its meaningful content to a greater extent than the conditions of everyday life.

Keywords: village; city; students The Great Patriotic War; historical memory.

References

1. V Ivanovo po blagosloveniyu RPC MP snosyat pamyatnik geroyam Velikoj Otechestvennoy vojny. [In Ivanovo, with the blessing of the ROC MP, a monument to the heroes of the Great Patriotic War is being demolished]. *[Elektronnyy resurs]*. URL: <http://www.portal-credo.ru/site/?act=news&id=95083>. 11.09.2012. (Accessed: 15.05 2020).
2. Vandal. General Krasnov. (AlGeneral Krassnoff) [General Krasnov]. *[Elektronnyy resurs]*. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=2-Zlg1lERdA>. (Accessed: 18.05 2020).
3. Lushnikova O. L. Problemy sel'skogo shkol'nogo obrazovaniya Hakasii. [Problems of rural school education in Khakassia] // *Nauchnyy zhurnal «Diskurs»* — 2019 — 12 (38). *Sociologicheskie nauki*. pp. 146 — 161.
4. Medinskij opravdal soyuznika nacistov [Medinsky acquitted an ally of the Nazis]. *[Elektronnyy resurs]*. - URL <http://yaruss.ru/medinskij-opravdal-soyuznika-nacistov/> 17.06.2016 (Accessed: 28.06.2016).
5. Muhametova R. Tatarin iz sela Bishtyaki: legendarnyy general Minigali Shajmuratov posmertno stal Geroem Rossii. [Tatar from the village of Bishtyaki: the legendary General Minigali Shaymuratov posthumously became a Hero of Russia] *[Elektronnyy resurs]*. URL: <https://sntat.ru/news/society/02-04-2020/tatarin-iz-sela-bishtyaki-legendarnyy-general-mingali-shaymuratov-posmertno-stal-geroem-rossii-5733478>. (Accessed: 15.05 2020).
6. Nikitin N. I. Uchebnye posobiya po istorii kazachestva i nekotorye problemy sovremennoy istoriografii. [Textbooks on the history of the Cossacks and some problems of modern historiography] // *Rossiyskaya istoriya*. 2019. Vypusk 4. pp. 148-164.
7. Pamyatnik fashistu Krasnovu hotyat snesti [They want to demolish the monument to the fascist Krasnov] *[Elektronnyy resurs]*. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=3BcEqed7Rgo> 19 maya 2016 g. (Accessed: 17.05 2020).
8. Putin nazval pridurkami storonnikov idei sdat' Leningrad nemcam. [Putin called the supporters of the idea of surrendering Leningrad to the Germans idiots]. *[Elektronnyy resurs]*. URL: <https://lenta.ru/news/2019/12/19/pridurki/>. 19.12. 2019. (Accessed: 15.05 2020).
9. Saralieva Z. H., Balabanov S. S., Kukonkov P. I. Velikaya Otechestvennaya v pamyati pokolenij [The Great Patriotic War in the memory of generations]. N. Novgorod. Publishing House of the N. I. Lobachevsky National State University. 2010. - 63 p.
10. Saralieva Z. H., Kukonkov P. I., Shirokalova G. S. Velikaya Otechestvennaya v pamyati pokolenij. [The Great Patriotic War in the memory of generations] *Izd-vo NISOC*, 2015 - 49 p.
11. Sovremennye pesni o vojne i pobeде [Modern songs about war and victory] *[Elektronnyy resurs]*. URL: <https://nablagomira.ru/news/396>. 18.08.2019. (Accessed: 15.05 2020).
12. Konstituciya RF [The Constitution of the Russian Federation]. *[Elektronnyy resurs]*. URL: <http://duma.gov.ru/news/48953/>. (Accessed: 24.01 2021).
13. Fortunatov A. N. Mozhet li ego-medium byt' patriotom? [Can an ego-medium be a patriot?] // *Fenomen patriotizma v transstrukturnom kommunikacionnom pole. Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii 11 -12 marta 2020 g. / Pod red. I.A. Savchenko; Nizhegorod. gos. lingv. un-t im. N.A. Dobrolyubova: NNGU, 2020. — 268 p.*

14. "Chto my znaem o Velikoj Otechestvennoj...". ["What we know about the Great Patriotic War..."] *Obshcherossiyskoe issledovanie ROS. Rukovoditel' d.filos.n., prof. YU.R. Vishnevskij, chleny avtorskogo kolektiva: d.soc.n., prof. N.V. Dulina, k.soc.n., doc. E.N. Ikingrin, s.n.s. FNISC RAN E.I. Pronina, d.soc.n., prof. G.S. Shirokalova, k.soc.n., doc. D. V. Shkurin. Zimoj — vesnoj 2020 g. oprosheno 14 626 chelovek, ih nih 10065 studentov — grazhdan RF. Zima - vesna 2020. "CHto my znaem o Velikoj Otechestvennoj... [Elektronnyj resurs]. URL: // <https://docs.google.com/forms/d/e/1FAIpQLSc9e9fNpqdOiqB1zsCvxCjHkL4tIhFn0cap8uHAhxmOyoeUiQ/viewanalytics> (Accessed: 18.05 2020).*

15. Shadieva I. V Nizhegorodskoj oblasti nezakonno demontirovali pamyatnik voenam Velikoj Otechestvennoj vojny. [A monument to the soldiers of the Great Patriotic War was illegally dismantled in the Nizhny Novgorod Region] 04.06.2019. *[Elektronnyj resurs]. URL: <https://fedpress.ru/news/52/incidents/2244130> (Accessed: 10.05 2020).*

16. Shirokalova G. S. Istoricheskaya pamyat' i patriotizm povsednevnosti. [Historical memory and patriotism of everyday life] // *Istoricheskaya i social'no-obrazovatel'naya mysl'*. 2018. Tom. 10. No. - 2. pp. 161 - 174.

17. Shirokalova G. S. Sel'skaya shkola: prikazano zhit' ili umirat'? [Rural school: ordered to live or die?] // *Filosofiya hozyajstva*. 2015. No. 3. pp. 193-201.

Author's Bio

SHIROKALOVA Galina Sergeevna, Doctor of Social Sciences, Professor, Senior Researcher of the Volga Branch of the Federal Research Research Center of the Russian Academy of Sciences; Head of the Department "History, Philosophy and Sociology" of the Nizhny Novgorod State Agricultural Academy; leading Researcher of the International Interdisciplinary Research Laboratory for the Study of World and Regional Social Processes, N. A. Dobrolyubov NGLU, Nizhny Novgorod, Russia. E-mail: shirokalova@list.ru; <https://orcid.org/0000-0003-4089-5446>.

Библиографическая ссылка

Широкалова Г. С. Малая/большая родина: как формируется историческая память // SocioTime / Социальное время. — 2021. — № 2 (26). — С. 107-120. — DOI: 10.25686/2410-0773.2021.2.107

ПОДГОТОВКА И ПОРЯДОК ПРИЁМА РУКОПИСЕЙ

Журнал «SocioTime / Социальное время» — это научный, междисциплинарный, рецензируемый аналитический журнал современного социально-гуманитарного знания в области актуальных проблем развития человека и общества.

1. Общая информация. В журнале «SocioTime / Социальное время» публикуются статьи, отличающиеся научной новизной, теоретической и практической значимостью. Авторами статей могут быть учёные-исследователи, кандидаты и доктора наук, преподаватели, аспиранты и соискатели высших учебных заведений и академических институтов России и зарубежных стран, а также исследователи-практики. Принимаются не опубликованные ранее научные статьи и дискуссионные материалы научного характера.

Не допускается направление в редакцию статей, уже опубликованных или отправленных в другие журналы. В случае обнаружения одновременной подачи рукописи в несколько изданий опубликованная статья будет отозвана из печати. Редакция принимает к публикации материалы на русском или английском языках по темам трёх основных рубрик журнала (философия, социология и история).

Особое внимание следует уделить качеству перевода.

2. Требования к оформлению и содержанию статей

2.1. Общие технические требования:

- УДК (UDC) указывается в верхнем левом углу статьи;
- инициалы и фамилия автора статьи, место и город работы или учёбы приводятся на русском и английском языках;
- аннотация статьи (200—250 слов), ключевые слова (5—10 слов) оформляются на русском и английском языках 9-м кеглем;
- текст статьи объёмом 0,4—1,0 авторского листа (16—40 тысяч знаков, включая пробелы), оформляется в редакторе Word (шрифт Times New Roman, кегль 11, одинарный интервал) в формате A4. Подписуночные надписи, таблицы набираются 9-м кеглем. Рисунки представляются в тексте и отдельно в формате jpeg. На таблицы и рисунки должны быть ссылки в тексте статьи;
- ссылки на источники приводятся в тексте в квадратных скобках в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5—2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления»;
- список использованной литературы на языке издания (кегель 9) помещается в конце текста и оформляется по мере изложения ссылок в тексте статьи;
- транслитерация литературных источников (*References*) осуществляется с использованием сайта <https://translit.ru/> следующим образом: авторы (транслитерация); перевод названия статьи в транслитерированном варианте; перевод названия статьи на английский язык в квадратных скобках; название источника (транслитерация и перевод на английский язык [в квадратных скобках]); выходные данные с обозначениями на английском языке;
- сведения об авторах на русском и английском языках (кегель 8,5): Ф. И. О. полностью, учёная степень, звание, должность, место работы или учёбы, почтовый адрес, телефон для связи, Email.

2.2. Требования к содержанию и структуре статьи

Аннотация — краткое изложение содержания статьи. В ней должны быть чётко обозначены следующие элементы:

- *Введение (Introduction)*;
- *Методы (Methods)*;
- *Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение (Results)*;

- *Заключение (Conclusion).*

Ключевые слова — основные понятия, раскрывающие содержание статьи.

Структура статьи:

- *Введение:* цель, задачи, актуальность исследования, постановка проблемы, история вопроса, обзор основных исследований и публикаций, на которые опирается автор, современные взгляды на проблему, нерешённые вопросы и т.д.;

- *Методы исследования:* методы и подходы (эмпирические и теоретические), использованные в исследовании; организация и ход исследования.

- *Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение:* изложение основных идей исследования; обобщение и обсуждение его результатов; выводы и рекомендации для дальнейших исследований, вытекающие из работы;

- *Заключение:* теоретическая и практическая значимость полученных результатов; основные направления для дальнейших исследований в этой области.

Список использованных источников оформляется в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5—2008. Ссылаться желательно в первую очередь на оригинальные источники из научных журналов, включённых в глобальные индексы цитирования. Рекомендуется использовать 10—30 источников, из них публикаций за последние 5 лет должно быть не менее 5, иностранных источников — 3-5. Следует указать DOI или адрес доступа в Интернете.

3. **Список материалов**, подаваемых в редакцию в бумажном и электронном видах:

- заявление автора на имя главного редактора;
- текст статьи;
- рекомендация научного руководителя (для аспирантов и соискателей);
- справка о проверке статьи на «Антиплагиат» (к изданию допускаются статьи с оригинальностью текста **не менее 80 %**);

4. **Порядок рассмотрения рукописи.** Рукопись должна соответствовать требованиям, указанным в пунктах 1-3. Рукопись может быть возвращена автору с замечаниями для доработки. После получения доработанного текста рукопись вновь рассматривается редколлегией. Датой поступления статьи считается день получения редакцией окончательного варианта. Материалы, оформленные не по требованиям журнала, не рассматриваются.

5. Правила оформления статей, образцы документов, порядок рецензирования и архив журнала представлены на сайте журнала SocioTime / Социальное время: <https://www.volgatech.net/sociotime/>.

Email: sociotime@volgatech.net.

Телефон редакции (главного редактора): 8-8362-686040.

PREPARATION AND PROCEDURE FOR ACCEPTANCE OF MANUSCRIPTS

"SocioTime / Social Time" is a scientific, interdisciplinary, peer-reviewed analytical journal of modern social and humanitarian knowledge in the field of urgent problems of human and society development.

1. **General information.** The journal "SocioTime / Social Time" publishes articles that are distinguished by their scientific novelty, theoretical and practical significance. Authors of articles can be scientists, researchers, candidates and doctors of science, teachers, graduate students and applicants from higher educational institutions and academic institutes from Russia or abroad, as well as practical researchers. Manuscripts should not contain substantial elements of material that has been published or accepted for publication elsewhere.

In case of discovery of the manuscript in several editions, the published article will be withdrawn from print. The editors accept for publication materials in Russian or English on the topics of three main sections of the journal (philosophy, sociology and history).

Special attention should be paid to the quality of the translation. The translation should be conducted by a native English speaker, written in high-quality English.

2. Requirements to the manuscript design

2.1. General requirements:

- Classification symbols Universal Decimal Classification (UDC) (upper left corner);
- The initials and surname of the author, in Russian and English (centered, font size 10);
- Abstracts of articles in Russian and English (200-250 words, justification page, font size 9);
- Keywords (no more than 5-10, font size 9);
- The manuscript 7-16 pages (16-40 thousand characters, including spaces) in A4 format, including figures, tables and graphs. The text is made in the editor Word (font Times New Roman, size 11, single spaced). The images should be referenced;
- References in the text in square brackets in accordance with the requirements;
- List of references in the language of publication (font size 9) at the end of the text and in order of references in the text of the article;
- Transliteration of literary sources (References) is carried out using the site <https://translit.ru/> as follows: authors (transliteration); translation of the title of the article in a transliterated version; translation of the title of the article into English in square brackets; source name (transliteration, italics); output with designations in English;
- Information about the authors in Russian and English (font size 8,5): Full name, degree, position, place of work or study with a mailing address, tel. and Email.

2.2. Requirements for the content and structure of the article (main elements of the article)

Abstract (200—250 words) - summary of the content of the article. It should clearly indicate the following components:

- Introduction: purpose, relevance, problem statement;
- Methods: methods and approaches used by the author in the study;
- The main ideas of the study, the results obtained and their discussion (Results);
- Conclusion: theoretical and practical significance of the research results.

Keywords (5-10 words) reflect the main provisions, achievements, results, terminology of scientific research.

The structure of the manuscript is as follows:

- *Introduction*: purpose, objectives, relevance of the study, problem statement, background, overview of the main studies and publications on which the author relies, modern views on the problem, unresolved issues, etc.;

-

Research methods: methods and approaches (empirical and theoretical) used in the study; organization and progress of the study;

- *The main ideas of the study, the results obtained and their discussion*: presentation of the main ideas of the study; generalization and discussion of its results; conclusions and recommendations for further research arising from the work;

- *Conclusion*: theoretical and practical significance of the results; guidelines for further research in this area.

The list of sources used is drawn up in accordance with the requirements of GOST R 7.0.5—2008. It is advisable to refer primarily to original sources from scientific journals included in global citation indices. It is recommended to use 10-30 sources, of which there should be at least 5 publications over the past 5 years, 3-5 foreign sources. You must provide a DOI or Internet access address. Sources in foreign languages are given in the original.

3. Materials shall be sent:

- The author's statement addressed to the editor;
- The manuscript;
- Recommendation of the supervisor (for students);
- Certificate on checking the article in the "Antiplagiat" system (articles with original text of **at least 80 %** are allowed to be published);

4. The review process and publication decision. The manuscript must meet the requirements specified in paragraphs 1-3. The manuscript can be returned to the author with comments for revision. After receiving the revised text, the manuscript is again considered by the editorial board. The date of receipt of the article shall be the date of receipt of the final edited version of the article. Materials that are not designed according to the requirements of the journal are not considered.

5. Requirements to the manuscript design, examples of the documents, the review process and electronic versions of the journal are presented on the website: <https://www.volgatech.net/sociotime/>.

Email: sociotime@volgatech.net.

Tel. (Editor in Chief): 8-8362-686040.

Подписка на журнал осуществляется по «Объединённому каталогу. Пресса России. Газеты и Журналы» (подписной индекс **94236**)

ISSN 2410-0773

9 772410 077002 >